

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

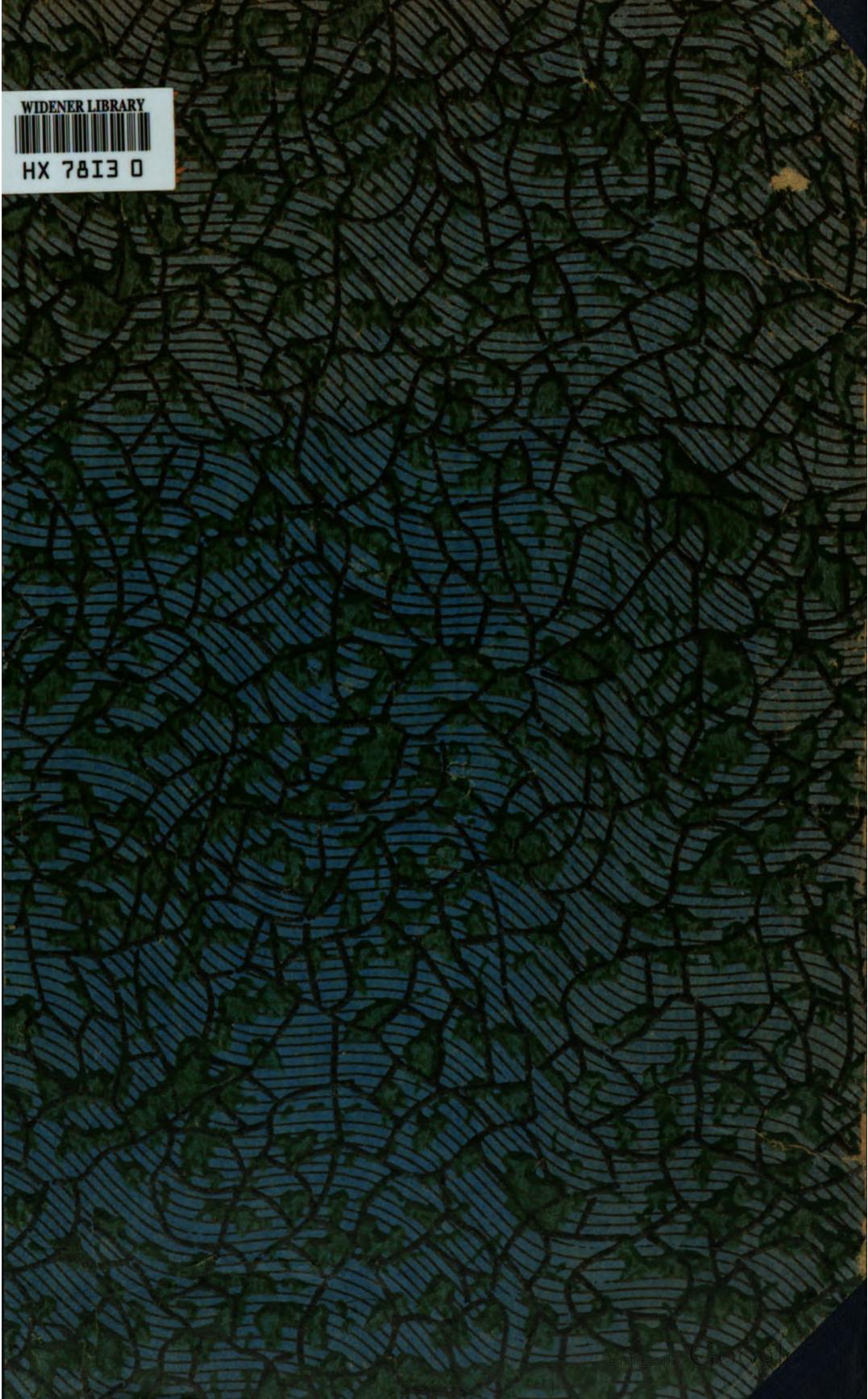
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

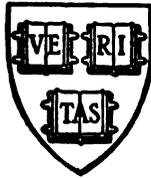
WIDENER LIBRARY

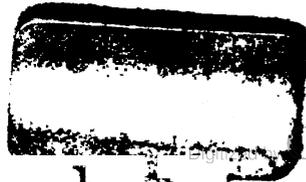
HX 7813 0

Prov 205.41

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

42 624/66

И. Е. Тимошенко.

10, 38

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПЕРВОИСТОЧНИКИ И ПРОТОТИПЫ
ТРЕХЪ-СОТЪ
РУССКИХЪ ПОСЛОВИЦЪ И ПОГОВОРОКЪ.

ГЛАВНЫЕ ОТДѢЛЫ:

Гомеръ, Эсопъ, трагики, аттическая комедія, Платонъ,
Аристотель, римская литература, Плутархъ, Лу-
кианъ, греческіе пареміографы и сборники
византійскихъ пословицъ.

КІЕВЪ.

Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40-й.
1897.

Prov 205.41

✓

Дозволено цензурою. Київ, 3-го Апрѣля 1897 года.

67 * 2, (SLL)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Введеніе. Пословица, какъ выразительница народнаго характера. Пословицы заимствованныя; общія всѣмъ народамъ; сходныя по содержанию и по формѣ. Сходство русскихъ пословицъ съ древне-греческими и византійскими. Литературныя связи Руси съ Византіею. Какіе древніе авторы были извѣстны на Руси? Литература предмета: книга Ив. Снегирева и ея значеніе; византійскія пословицы. Задача настоящей книги. Какимъ путемъ классическія пословицы проникли къ намъ? Устная передача; литературная традиція; древне-русскіе сборники и школьныя книги, какъ проводники пословицъ. Ограниченіе предмета. Хронологическій порядокъ въ изложеніи. Главные источники. Краткій обзоръ греческой пареміографіи: зачатки ея; дошедшіе до насъ сборники Зеновія, Діогеніана и Плутарха; Appendix proverbiolum; сборники Григорія Кипрскаго, Макарія, Апостоля и Арсенія; Эсоповы пословицы и Mantissa proverbiolum. Византійская пареміографія: сборникъ Плянуда и изданіе Крумбахера. Лексикографы. Римскія пословицы. Adagia Еразма Роттердамскаго.

I. *Гомеръ.* 1. Гласъ народа—гласъ Божій.—2. Кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ.—3. Въ комъ стыдъ, въ томъ и страхъ.—4. Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться!—5. Душа въ пятки ушла.—6. Осинаго гнѣзда не тронь.—7. Сказано—сдѣлано.—8. Напрасно землю тяготишь.—9. Говорить на вѣтеръ.—10. Бѣда на бѣдѣ.—11. Омовеніе рукъ.—12. Плыть по теченію; нестись на всѣхъ парусахъ.—13. Языкъ сидитъ за костянымъ частоколомъ.—14. Помереть со смѣху.—15. Черный, какъ смоль; бѣлъ, какъ снѣгъ; слаще меду; каменное, желѣзное сердце.—16. О литературныхъ пословицахъ. Сардоническій смѣхъ.

II. *Гесиодъ*. 17. Жнешь, гдѣ не сѣялъ.—18. Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ.

III. *Солонъ*. 19. Много будешь знать, скоро состарѣешься.

IV. *Хилонъ*. 20. О покойникѣ худа не молви.

V. *Эсопъ*. 11. Отогрѣлъ змѣю на пазухой.—22. Собака на снѣгъ.—23. Свои грѣхи за собою, чужіе предъ собою.—24. Лебединая пѣсня.—25. Черепашка съ зайцемъ навпередки пошла.—26. Волка въ пастухи поставили.—27. Что мучить, то и учить.—28. Собака скоро рождаетъ, да слѣпыхъ.—29. Не ноги кормятъ брюхо, а брюхо—ноги.—30. Одна ласточка не дѣлаетъ весны.—31. Плясать по чужой дудкѣ.—32. Гора мышъ родила.—33. Онъ изъ песку веревки вьетъ.

VI. *Алкѣй*. 34. Вся правда въ винѣ.—35. Знать звѣря по когтямъ.

VII. *Пивагоръ*. 36. Огня ножомъ не разгребай; „не вкушай чернохвостыхъ“; черезъ вѣсы (коромысло) не переступай.

VIII. *Гиппонактъ*. 37. Дважды жена мила, бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ.

IX. *Теогонидъ*. 38. Ошибаться—человѣческое дѣло.—39. Онъ самъ для себя цѣпи куетъ.—40. Чужую пашню пашеть, а своя въ залежи.

X. *Эпихармъ*. 41. Рука руку мостъ.—42. Изъ одного дерева и крестъ, и лопата.

XI. *Кратинъ*. 43. На безрыбы и ракъ рыба, на безлюдьи и Оома дворянинъ.—44. Глупъ, какъ баранъ (кротокъ, какъ овца).—45. Старъ да малъ—дважды глупъ.

XII. *Ферекратъ*. 46. Съ одного вола двѣ шкуры драть.

XIII. *Пиндаръ*. 47. Лучше жить въ зависти, чѣмъ въ жалости.

XIV. *Эсхиль*. 48. Трудно противу рожна прати.—49. Не плюй въ колодезь, случится напиться.—50. Закусить удила.—51. Смѣлымъ Богъ владѣть.

XV. *Софокль*. 52. Писать на водѣ.—53. Спать соловьинымъ сномъ.

XVI. *Еврипидъ*. 54. Дай Богъ, чтобы земля на немъ легкимъ пухомъ лежала!—55. Другъ познается въ бѣдѣ.—56. Плохое начало не къ доброму концу.—57. У дурака дурацкая и рѣчь.—58. „Другіе помыслы мудрѣйшіе суть первыхъ“.

XVII. *Анонимъ* (неизвѣстный авторъ трагедіи). 59. Кого Богъ хочетъ погубить, у того умъ отнимаетъ.

XVIII. *Геродотъ*. 60. Глазъ вѣрнѣ уха.—61. Долгія руки.—62. Царское око (царское ухо).

XIX. *Фукидидъ*. 63. Хотя покою, готовься къ бою.

XX. *Аристофанъ*. 64. Ловить рыбу въ мутной водѣ.—65. Журавль въ небѣ не добыча.—66. Кто заварилъ кашу, тотъ и расхлебывай (самъ

накрошилъ, самъ и выхлебай).—67. Сулить золотыя горы.—68. Птичье молоко.—69. Собачья смерть.—70. Сквозь огонь и воду.—71. Онъ самъ своей тѣни боится.—72. Не имѣть ни кола, ни двора.—73. Это ясно и для слѣпаго.—74. Казать фигу.

XXI. *Архипъ*. 75. Хорошо море съ берегу.

XXII. *Ксенофонтъ*. 76. Деньги четвериками мѣрять.

XXIII. *Амфидъ*. 77. Гдѣ больно, тамъ рука.

XXIV. *Феофилъ*. 78. Пѣть старую пѣсню.

XXV. *Платонъ*. 79. Какъ посеешь, такъ пожнешь.—80. Изъ огня да въ полямя.—81. Доброе начало—половина дѣла.—82. Живи не какъ хочется, а какъ можется.—83. Лучше въ обидѣ быть, нежели въ обидчикахъ.—84. Подливать масло въ огонь (тушить масломъ огонь).—85. Бабьи сказки.—86. Рѣшетомъ воду носить.—87. Утереть кому носъ.—88. Подобный подобнаго любить.—89. Просьба паньска ривно з наказомъ хѳдить.

XXVI. *Хэриль*. 90. Капля по каплѣ и камень долбитъ.

XXVII. *Доріонъ*. 91. Буря въ стаканѣ воды.

XXVIII. *Аристотель*. 92. Корень ученія горекъ, но плоды его сладки.—93. Клинь клиномъ выбивать.—94. Драть съ живаго и съ мертваго.—95. Изъ двухъ золь выбирай меньшее.—96. Привычка—вторая природа.—97. Чтобы узнать человѣка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть.—98 и 99. Отъ хозяйскаго глаза и конь добрѣетъ; гдѣ хозяинъ ходитъ, тамъ и хлѣбъ родится.—100. Горе сдружаетъ людей.

XXIX. *Менандръ*. 101, 102, 103. Поговорки про женщинъ: лучше жить со змѣю, чѣмъ со злою женою: отъ пожара, отъ потопа, отъ злой жены, Боже, охрани; не вѣрь женѣ.—104. Богъ другаго любя прибегать.—105. Спать на одно ухо, на оба уха.—106. Слово—воробей, вылетитъ—не поймаешь.—107. Слѣпой рокъ; слѣпое счастье; колесо фортуны; счастье дороже ума.—108. Золотой молотокъ и желѣзныя ворота прокуетъ (стрѣлять серебряною дробью).—109. Бесѣды злыя тлятъ обычай благіе.—110. Когда дубъ въ дребезги упадетъ, кто хочеть щепки подбираетъ.—111. Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастьми.

XXX. *Филемонъ*. 112. Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.—113. Сколько головъ, столько умовъ.

XXXI. *Аполлодоръ Каристійскій*. 114. Держать волка за уши.

XXXII. *Посидипъ*. 115. Кто въ морѣ не бывалъ, тотъ горя не видалъ.

XXXIII. *Анонимъ* (неизвѣстный авторъ комедіи). 116. Пристало, какъ къ коровѣ сѣдло.—117. Любовь начинается съ глазъ.—118. Мы умолчимъ, такъ каменя возопіютъ.

XXXIV. *Каллимахъ*. 119. Суму нищаго не наполнишь.

XXXV. *Феокрытъ*. 120. Плевать въ пазуху.—121. Подергиванье бровей и чесанье глазъ.—122. Любовь слѣпа.—123. Кости да кожа.—124. Виноватаго Богъ найдетъ.—125. Лѣнивому всегда праздникъ.

XXXVI. *Апій*. 126. Всякъ своего счастья кузнецъ.

XXXVII. *Нэвій*. 127. Неправедное стяжаніе прахъ.

XXXVIII. *Пластъ*. 128. На языкѣ медокъ, а на сердцѣ ледокъ.—129. Легокъ волкъ на поминѣ.—130. Письмо, словно куры набродили.—131. У него глаза въ затылкѣ.—132. Какъ бѣшеная собака.—133. Ученаго учить—только портить.—134. Ни живъ, ни мертвъ.—135. Худа та мышь, которая одну лазею знаетъ.—136. Рубашка ближе къ плечамъ, чѣмъ кафтанъ.

XXXIX. *Енній*. 137. Висѣть на волоскѣ, на тонкой ниткѣ.

XL. *Катонъ Старшій*. 138. У брюха нѣтъ уха (брюхо злодѣй: стараго добра не помнить).—139. Домовитый больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ.

XLI. *Теренцій*. 140. Не къ добру курица пѣтухомъ запѣла.—141. Горохъ на спинѣ молотить.—142. Растравлять старую рану.—143. Самъ накрошилъ, самъ и выхлебай (см. № 66).

XLII. *Варронъ*. 144. Чим горшокъ накіпів, тим буде смердіти.—145. Жизнь чоловіка, як бульба на воді.—146. Снова, ситце на колочку нависится.—147. Друзей у богатыхъ, что мякины около зерна.

XLIII. *Цицеронъ*. 148. Отъ младыхъ ногтей.—149. Какъ съ неба свалился.—150. Бумага все терпитъ.—Съ молокомъ матери всосать.—152. Мыши изъ дому выбираются (предъ несчастьемъ).

XLIV. *Д. Лаберій*. 153. Сидѣть на двухъ стульяхъ.

XLV. *П. Суръ*. 154. За двумя зайцами погонишься, и одного не поймашь.—155. Кто зразу дав, той два рази дав.—156. Гдѣ дымъ, тамъ и огонь.—158. Добрая слава вѣрнѣ богатства.—159. Даръ принялъ тотъ, кто достойному далъ.—160. Кто даетъ, давать учить.—161. Убогій во многомъ нуждается, а скупой во всемъ.—162. Бѣшеному и дитяти ножа не давати.

XLVI. *Верилій*. 164. Любовь преодолеваетъ все; терпѣніе и трудъ все перетрутъ.—164. Доить козла.—165. Крадетъ волкъ и считанную овцу.

XLVII. *Гораций*. 166. Ни задавиться, ни зарѣзаться нечѣмъ.—167. Гони природу въ дверь, она вернется въ окно.—168. Голая истина.

XLVIII. *Проперій*. 169. Далеко изъ очей, далеко изъ сердца.

XLIX. *Овидій*. 170. Въ маѣ жениться—вѣкъ маяться.—171. Запутаться въ собственныхъ сѣтяхъ.—172. Ржа желѣзо ѣсть, а печаль сердце.—173. Изъ чернаго дѣлать бѣлое.

L. *Сенека*. 174. И пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбръ.—175. Вѣкъ живи, вѣкъ учись.—176. У смерти на глазахъ всѣ равны.—177. Сколько рабовъ, столько враговъ.—178. Онъ трехъ словъ не въ состоянїи связать.

LI. *Валерій Максимъ*. 179. „Не свыше сапога“.

LII. *Петроній*. 180. Коли не по коню, такъ по оглоблямъ.—181. Большому кораблю большое плаваніе.—182. Разбить горшокъ.—183. Какъ мокрая мышь.—184. Рыба хочеть плавать.—185. Солнышко на всѣхъ равно свѣтитъ.

LIII. *Плїній Старшій*. 186. Нѣтъ худа безъ добра.—187. Ежеднѣнь не будешь умень.—188. Нѣтъ такой плохой книги, которая въ какомъ нибудь отношенїи не была бы полезна.

LIV. *Венеціанскія схолїи къ Гомеру*. 189. Въ слѣпомъ царствѣ кривой—король.—190. Посла ни сѣкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ.

LV. *Фѣдръ*. 191. Князья бьются, а у бояръ шеи болятъ.

LVI. *Персїй*. 192. Изъ одного тѣста.—193. Умъ бороды не ждетъ.

LVII. *Квинтиліанъ*. 164. Лживому надо памяту быть.

LVIII. *Тацитъ*. 195. Блистать своимъ отсутствїемъ.

LIX. *Плутархъ*. 196. Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.—197. Коня въ рати узнаешь, а друга въ бѣдѣ.—198. И во снѣ не видываль.—199. Мертвая собака не кусаетъ.—200. На чужой совѣтъ до зову не ходи; пока позовуть, погоди.—201. Рожь сѣять въ песокъ, а овесъ въ грязь.—202. Ни конь безъ узды, ни богатство безъ ума.—203. Не люби друга потаковщика, люби встрѣчника.

LX. *Светоній*. 204. Шерсть стриги, а шкуры не дери.—205. Волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мѣняетъ.

LXI. *Авлъ Геллій*. 206. Спѣши, да не торопись (тише ѣдешь, дальше будешь).—207. Пускать пылъ въ глаза.

LXII. *Павсаній*. 208. За чужимъ кануномъ своихъ родителей поминать.

LXIII. *Фестъ*. 209. Житье, что гороху при дорогѣ.

LXIV. *Лукианъ*. 210. Дай, Боже, нашему теляти волка поймати!—212. Нѣмъ, какъ рыба; трусливъ, какъ заяцъ; (слѣпъ, какъ кротъ; голубиная кротость; слонъ слономъ: глухъ, какъ тетеревъ; гордъ, какъ павлинъ; болтливая сорока).—213. Некогда даже за ухомъ почесаться.—216. Водить кого за носъ.—217. Въ ухахъ звенить—кто нибудь поминаетъ.—218. Одною ногою стоять въ могилѣ.

LXV. *Диогенъ Лаертскій*. 219. Старая крыса ловушку обходить.

LXVI. *Зеновій*. 220. Не гоняется слонъ за мышью.—221. Лукъ семь недугъ лѣчить.—222. Что городъ, то норовъ.—223. Брось дѣло съ камнемъ въ воду.—224. Заячій сонъ.—225. Гороховое чучело.—226. Разводить бобы.—227. Кровавыми слезами восплакаться.—228. Бездонная бочка.

LXVII. *Диогеніанъ*. 229. Не учи рыбу плавать.—230. Кривое веретено не выправишь.—231. И глупый ино молвить слово въ ладъ.—232. Голь, какъ колъ; голь, какъ пестъ.—233. За царя Гороха.

LXVIII. *Импер. Антонинъ Пій*. 234. Кто первѣе, тотъ правѣс.

LXIX. *Авенэй*. 235. Вино старику ноги подымаеть.

LXX. *Лампрідій*. 236. Чего себѣ не хочешь, того и другому не твори.

LXXI. *Астримпсихъ*. 237. Заяць дорогу перебѣжить—къ несчастью.

LXXII. *Блаж. Иеронимъ*. 238. Даровому коню въ зубы не смотреть.—239. Одна паршивая овца все стадо испортить.—240. На всякій горшокъ найдется покрывка.—240а. На крѣпкій сукъ надобенъ острый топоръ.

LXXIII. *Блаж. Августинъ*. 241. Строить воздушные замки.—242. Куда голова, туда и животы.

LXXIV. *Макробій*. 243. Воронъ ворону глаза не выключеть.

LXXV. *Климакъ*. 244. Здоровому врачъ не надобенъ.—245. Огонь да вода супостаты.—246. Поглядимъ, откуда вѣтеръ подуеть.—247. Беречь, какъ зѣницу ока.

LXXVI. *Глика*. 248. Зловѣщій воронъ.—249. Сѣйи слезами радостью пожнеть.—250. Какъ постелешь, такъ и поспишь.

LXXII. *Никита Акоминать*. 251. Рога приставить.

LXXVIII. *Плянудъ и кодексы Крумбахера*. 252. Собаку съѣлъ, только хвостомъ подавился.—253. Пани, як дурни; що хотять те й роблять.—254. На дурака у Бога милости много (дураку законъ не писанъ).—255. Десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.—256. Кверху плевать, свою бороду заплевать.—257. Глупый да малый всегда говорить правду.—258. Не шепчи глухому, не мигай слѣпому.—259. „Печь хлѣбъ въ печкѣ сосѣда“.—260. Не давай денегъ, не теряй дружбы: гдѣ любить, тутъ не учащай.—261. Любить, какъ собака рѣдку.—262. „Гдѣ поють много пѣтуховъ, тамъ поздно встають“.—263. Много народу, да мало людей.—264. Какъ кошка съ собакой (дружны).—265. Скупой собираеть, а чортъ калиту шьетъ.—266. Не вороши, такъ и не воняеть.—267. Отъ худаго должника и мякиной бери.—268. Кто не слушается отца-матери, послушается телячьей шкуры.—269. Кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля!—270. Лучше съ умнымъ потерять,

чѣмъ съ глупымъ найти.—271. Лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю.—272. Есть старый—убилъ бы его; нѣтъ стараго—купилъ бы его.—273. Миръ по слюнѣкѣ плюнетъ, такъ море.—274. Ълъ ли, не ѡлъ ли, а за обѣдъ почтутъ.—275. Волка ноги кормятъ.—276. Лежи, когда Богъ убилъ.—277. Пѣшій конному не товарищъ.—278. Длинная нитка—лѣнивая швея.—279. Какъ чорта ни крести, онъ все кричитъ: пусти.—280. Кто до денегъ охочъ, тотъ не спитъ и ночь.—281. По ранѣ и пластырь.—282. Перековалъ лемехъ на свайку.—283. Первую дочь бери по матери, а вторую по сестрѣ.—284. Такая красавица, что на дворъ выйдетъ—три дня собаки лаютъ.—285. Дуракъ въ воду камень закинетъ, десятеро умныхъ не вытащатъ.—286. Государево добро на водѣ не тонетъ.—287. Слѣпой слѣпому путь кажетъ.—288. Битая посуда два вѣка живетъ.—289. Ино сладко проглотишь, да горько выплюнешь.—290. Плохо не клади—вора въ грѣхъ не вводи.—291. Ласковое теля двухъ матокъ сосетъ.

LXXIX. *Апостолій и Арсеній.* 292. „Лѣнивый и въ домѣ своемъ смокнетъ“.—293. Гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ столкнется.—294. И камень лежа мохомъ обростаетъ.—295. Рыба отъ головы тухнетъ.—296. Орелъ мухъ не ловитъ.—297. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай.—298. Крокодиловы слезы.

LXXX. *Θома Кемпійскій.* 299. Человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

LXXXI. *Еразмъ Роттердамскій.* 300. Где добре пиво, не треба ѡ вѣхы.

LXXXII. *Схоластическія пословицы.* 301. Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ.—302. Лучше споткнуться ногою, нежели словомъ.—303. Иному не можетъ быть благъ, кто себѣ золь.—304. О чемъ хочешь, чтобы другіе молчали, прежде самъ умолчи.—305. Стригъ чортъ свинью: визгу много, а шерсти нѣтъ.—306. Правда шутки не любятъ.—307. Не принять горькаго, не видать сладкаго.—308. На ретивую лошадь не кнутъ, а вожжи.—309. Въ тихую погоду и баба править.—310. Позднему гости кости.—311. Лучше поздно, чѣмъ никогда.—312. Куй желѣзо, пока горячо.—313. Рыжій да красный человекъ опасный.—314. Яблочко отъ яблони недалеко откатывается.—315. Старую собаку трудно къ цѣпи приучить.—316. Коли нѣтъ кота въ дому, играютъ мыши по столу.—317. Нѣтъ правила безъ исключенія.—318. На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ.—319. Не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ.—320. Отъ смерти нѣтъ зелья.—321. Изъ большой тучи да малая капля.—322. Когда меня любишь, и собачку мою люби.—323. У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ.—324. Повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сло-

мѣть.—325. Чей хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ.—326. Лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочется.—327. Не разгрызть орѣха, не съѣсть ядра.—328. Ни рыба, ни мясо.—329. Съ волками жить, поволчьи выть.—330. Не все то золото, что блеститъ.—331. Кто другому яму роетъ, самъ въ нее ввалится.

Прибавленіе 1 (ходячія латинскія поговорки). *Прибавленіе 2* (пословицы Евстаѣя).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ русскихъ пословицъ изъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, главнымъ образомъ, путемъ литературной традиціи, представляетъ интересъ въ виду новости предмета, можно сказать, совершенно неизвѣстнаго въ литературѣ: если не считать нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ этому вопросу въ книгѣ *Снегирева*, о которой будетъ сказано ниже, то настоящая книга представляетъ первую попытку изслѣдовать прототипы и оригиналы русскихъ пословицъ, находящіяся въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей, а также въ сборникахъ древнихъ и средневѣковыхъ пареміографовъ. Какъ первый опытъ разработки этого обширнаго матеріала, предлагаемая книга, безъ сомнѣнія, не свободна отъ промаховъ, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ располагалъ далеко не всѣми необходимыми научными пособіями. Она написана въ послѣдніе два-три года урывками среди обязательныхъ занятій и предназначается не для специалистовъ, а вообще для читателей, интересующихся научными вопросами и любителей пословицъ. Поэтому, не смотря на ученый характеръ и сухость предмета, авторъ старался изложить его доступнымъ языкомъ. При всемъ томъ онъ надѣется, что собранный имъ матеріалъ окажется не бесполезнымъ для будущихъ изслѣдованій въ области русскихъ пословицъ.

Книга обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ просвѣщенному вниманію Г. Предсѣдателя Кіевскаго Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики, Его Сіятельства Графа А. А. Мусина-Пушкина,

ХІІ

по предложенію котораго необходимы для напечатанія средства ассигнованы изъ суммъ Отдѣленія, о чемъ я съ признательностью долженъ упомянуть.

Считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, сочувствіе и содѣйствіе которыхъ дало мнѣ возможность исполнить настоящую работу: директору Кіевской 2-й гимназій А. А. Попову, директору 5-й гимназій В. И. Петру, профессору А. И. Сонни, И. С. Бернштейну (въ Варшавѣ), А. О. Семенову, В. П. Науменко, Н. С. Коджебашу, Ф. А. Дроздовскому и другимъ лицамъ, ссудившимъ меня тою или другою книгою.

Ив. Тимошенко.

*Кіевъ, 30 го марта
1897 года.*

ВВЕДЕНИЕ.

Говорятъ, что пословицы лучше, чѣмъ какой либо другой видъ народной словесности, выражаютъ міровоззрѣніе народа, его религіозныя, нравственныя и юридическія понятія; что это живые памятники, характеризующіе народъ, какъ личность, и наравнѣ съ былинами и пѣснями представляющіе духъ или характеръ народный въ его первобытномъ, естественномъ видѣ, въ которомъ цивилизація еще не наложила на народъ своей нивелирующей руки, ослабляющей его самобытность и сглаживающей его индивидуальныя особенности. Значеніе пословицы, какъ выразительницы народнаго характера, доказывается тѣмъ, что при переводѣ на другой языкъ пословицы часто теряютъ всю свою соль, а иногда и смыслъ, потому что ихъ складываетъ народъ примѣнительно къ своимъ понятіямъ, обычаямъ и отношеніямъ, которые не всегда встрѣчаются у другаго народа.

Правильность этихъ положеній едва ли можно оспаривать; но ошибочно было бы думать, что пословицы, какъ и всѣ словесныя произведенія народа, имѣющаго свою исторію и, слѣдовательно, входившаго въ различныя сношенія съ другими народами, совершенно самобытны и не заключаютъ въ себѣ элементовъ, привнесенныхъ извнѣ. Выдѣленіе этихъ элементовъ и вообще указаніе и объясненіе тождественныхъ, или даже только сходныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ этой отрасли литературы у разныхъ народовъ, представляетъ для историка большой интересъ, такъ какъ можетъ пролить новый свѣтъ на международныя связи и сношенія, о которыхъ исторія имѣетъ неясныя или недостаточныя свѣдѣнія.

Впрочемъ, сходство и даже тожество мысли или понятій, выражаемыхъ въ пословицахъ у разныхъ народовъ *въ различной формѣ*, не представляетъ еще ничего удивительнаго и замѣчательнаго, такъ какъ основныя понятія нравственности, идеи добра и зла, предписанія здраваго смысла и выводы изъ эмпирическихъ наблюденій природы и нравовъ животныхъ болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ народовъ¹⁾. Больше вниманія заслуживаютъ тѣ поговорки, которыя основываются на первобытныхъ воззрѣнiяхъ и повѣрiяхъ, общихъ индоевропейскимъ народамъ, потому что съ затемнѣнiемъ первобытныхъ вѣрованiй и вымиранiемъ предрасудковъ поговорки эти теряютъ смыслъ и становятся непонятными²⁾.

Для насъ, ~~при изслѣдованiи~~ литературныхъ источниковъ русскихъ пословицъ главный интересъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыхъ сходство съ иностранными пословицами не ограничивается содержанiемъ, но, при тожествѣ содержанiя, состоитъ и въ *сходствѣ формы*, ила самаго способа выраженiя; такiя явленiя не могутъ быть объяснены случайнымъ совпаденiемъ, и для объясненiя ихъ нужно обращаться къ исторiи и литературѣ и искать его въ международныхъ сношенiяхъ, въ культурныхъ влiянiяхъ и въ литературныхъ связяхъ.

Особенно разительное сходство имѣютъ многiя русскiя пословицы съ древне-греческими и византiйскими. Это явленiе легко объясняется сношенiями древней Руси съ Византiей и знакомствомъ русскихъ съ произведенiями духовной и свѣтской литературы грековъ; огромное влiянiе, оказанное Византiей на славянскiй и въ частности на русскiй мiръ въ области религiи, духовной литературы и искусства, отразилось и на произведенiяхъ народнаго духа,—на народныхъ сказанiяхъ, пѣсняхъ и, наконецъ, на пословицахъ; латинскiя же proverbia проникли къ намъ, вѣроятно, чрезъ Польшу и Кiевъ. Мы не будемъ

¹⁾ *Ф. Буслаевъ*. Историч. очеркъ русск. нар. словесности и искусства, т. I Спб. 1861, стр. 39: „пословица, какъ выраженiе общаго здраваго смысла, можетъ повторяться одна и таже у многихъ народовъ, безъ всякаго намѣреннаго заимствованiя“.

²⁾ См. №№ 120, 129, 221 и др. Интересно отмѣтить, напр., что нѣкоторыя изъ Писагоровыхъ *сѣмѣла* существуютъ и теперь въ числѣ славянскихъ (малорусскихъ и чешскихъ) повѣрiя, см. № 36.

касаться обширнаго вопроса о литературныхъ связяхъ нашихъ съ Византіей, которыя поддерживались особенно при посредствѣ южно-славянской письменности, а позднѣе—Аеонской горы, и о непосредственныхъ заимствованіяхъ изъ византійской литературы, сохранившей многое изъ классическаго періода, а также о развившихся позднѣе литературныхъ сношеніяхъ съ западной Европой при посредствѣ польской литературы. Для нашей цѣли важнѣе и интереснѣе были бы свѣдѣнія о томъ, какія именно произведетія древне-греческой и римской литературъ были извѣстны (въ подлинникѣ, или въ переводахъ) въ древней Руси; но этотъ вопросъ, кажется, менѣе разработанъ. Мы имѣемъ на этотъ счетъ самыя скудныя, отрывочныя указанія. Намъ извѣстно, напр., что въ Ипатьевской лѣтописи упоминается *Омиръ*; было высказано даже мнѣніе, что авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ былъ хорошо знакомъ съ Гомеромъ и Еврипидомъ¹⁾. Далѣе, басни Эсопа сдѣлались извѣстны въ Россіи въ началѣ XVII вѣка вмѣстѣ съ біографіей Эсопа, составленной Максимомъ Пландомъ; эта біографія съ приложеніемъ сборника стиховъ и изрѣченій Фалеса, Пяттака, Софокла, Еврипида и особенно Менандра въ теченіи XVII вѣка охотно переписывалась и читалась, а въ XVIII вѣкѣ обратилась въ народную лубочную книгу. О другихъ классическихъ авторахъ почти ничего неизвѣстно. Такія же скудныя свѣдѣнія мы имѣемъ и о сочиненіяхъ церковныхъ писателей, именно, по вопросу о томъ, когда они впервые сдѣлались извѣстны на Руси; а между тѣмъ, для выясненія исторіи нѣкоторыхъ нашихъ пословицъ важно знать, когда были принесены къ намъ сочиненія Климента Александрійскаго и нѣкоторыхъ западныхъ писателей, особенно, блаж. Иеронима и Августина, такъ какъ эти сочиненія, наполненныя цитатами классическихъ писателей, представляютъ одинъ изъ главныхъ путей, которыми древнія пословицы и пословичныя выраженія проникли въ русскій языкъ. Определенныя указанія существуютъ относительно сочиненій Григорія Богослова (Назіанзина) и Іоанна Дамаскина²⁾. Впрочемъ, отсутствіе ука-

¹⁾ См. А. Н. Пыпина „Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ (Ученыя Записки 2 отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. IV 1858, стр. 93).

²⁾ Древнѣйшій переводъ нѣкоторыхъ „Словъ“ Григорія сдѣланъ еще въ X вѣкѣ (по А. Будиловичу „Исслѣдованіе языка XIII словъ Григорія Богослова“, Спб. 1871, стр. 152),

заній на переводы другихъ писателей не означаетъ, что эти писатели были неизвѣстны на Руси: они, безъ сомнѣнія, были доступны нашимъ ученымъ пастырямъ Церкви и вообще образованнымъ людямъ въ подлинникѣ; иначе трудно объяснить, какимъ образомъ пословицы, находящіяся, напр., въ сочиненіяхъ блаж. Іеронима и заимствованныя имъ изъ народнаго языка, или чаще изъ древнихъ авторовъ, перешли въ русскій языкъ¹⁾.

Вообще нужно сказать, что вопросъ о происхожденіи многихъ нашихъ пословицъ изъ греческихъ и латинскихъ источниковъ совершенно не разработанъ. Извѣстный нашъ пареміологъ, *Ив. Снегиревъ*, занимался историческимъ объясненіемъ русскихъ пословицъ и коснулся также вопроса о заимствованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ классическихъ авторовъ. Но его замѣчательная книга — „Рус(с)кіе въ своихъ пословицахъ“ (М. 1831) написана въ то время, когда еще не было полного изданія греческихъ пареміографовъ²⁾. Нашъ почтенный пареміологъ располагалъ превосходнымъ въ свое время, но теперь уже устарѣвшимъ сборникомъ *Еразма Ротердамскаго*, котораго „*Adagia*“, или „*Adagiolum chiliades*“ въ первый разъ были напечатаны въ 1500 году; да онъ и не имѣлъ въ виду специально изслѣдовать вопросъ о родствѣ нашихъ пословицъ съ греческими и латинскими и коснулся его лишь мимоходомъ. Далѣе, греческая пареміографія теперь уже не исчерпывается пословицами и изрѣченіями, собранными Зеновіемъ, Діогеніаномъ и другими древними пареміографами, вошедшими въ Геттингенскій Корпусъ: за послѣднія два десятилѣтія найдены и обнародованы рукописные сборники *византійскихъ* пословицъ, представляющихъ для насъ, русскихъ большой интересъ³⁾. Такимъ

или въ XI вѣкѣ (по *Филарету* „Обзоръ русской дух. литературы“ Спб. 1884, стр. 11); сочиненія Іоанна Дамаскина (не всё, а только нѣкоторыя) переведены на славянскій языкъ Іоанномъ, вѣзархомъ Болгарскимъ, въ X вѣкѣ, а позднѣйшій переводъ принадлежитъ князю Курбскому, слѣдов., относится къ XVI вѣку.

¹⁾ Не забудемъ, что многіе письменные памятники погибли въ смутныя времена, напр. во время татарскаго погрома.

²⁾ Изданіе *Th. Gaisford*-а вышло въ 1836 г., а Геттингенскій Корпусъ *E. L. Leutsch*-а и *F. G. Schneidewin*-а въ 1839—51 г.

³⁾ Мы разумѣемъ труды *Крумбахера*, *Куртца* и другихъ. См. нашу статью „Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ“ въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1894 и

образомъ, и самое полное, Геттингенское изданіе оказывается теперь неудовлетворительнымъ, и въ Германіи уже готовится изданіе новаго свода греческихъ пареміографовъ. Что касается латинскихъ пословицъ, то литература ихъ въ послѣднее время обогатилась прекрасною книгою *A. Otto „Die Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarter der Römer“*. Leipz. 1890¹⁾). Впрочемъ, въ этой области, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ родахъ литературы, римляне создали мало самобытнаго и подверглись сильному вліянію Греціи.

Кромѣ нѣсколькихъ страницъ упомянутой книги нашего соотечественника, на русскомъ языкѣ, сколько намъ извѣстно, ничего не было написано о древне-греческихъ и латинскихъ пословицахъ и въ частности по вопросу о родствѣ ихъ съ русскими. Заграницей же наши пословицы, кажется, совсѣмъ неизвѣстны; если русскій языкъ, по своей трудности, почти не изучается иностранцами, то языкъ русскихъ пословицъ представляетъ для нихъ, вѣроятно, непреодолимую трудность. Вообще можно сказать, что богатая сокровищница русскихъ пословицъ далеко еще не изслѣдована съ культурно-исторической точки зрѣнія и не выяснено происхожденіе многихъ изъ нихъ путемъ сравненія съ пословицами другихъ народовъ.

Въ предлагаемой книгѣ мы сравниваемъ русскія и отчасти славянскія пословицы съ древнѣйшими ихъ образцами или прототипами, находящимися въ греческой и римской литературахъ, надѣясь установить одинъ малоизвѣстный, но неподлежащій сомнѣнію фактъ, что многія наши пословицы и поговорки представляютъ или буквальный переводъ, или передѣлку греческихъ и латинскихъ изрѣченій²⁾). Это изслѣдованіе показываетъ, что литературныя связи наши съ Византіей были

1895 г., въ которой мы старались доказать, что славяне и особенно русскіе имѣютъ наибольшее право (послѣ ново-грековъ) на родство съ Византіей въ области пословицы.

¹⁾ Дополненіемъ къ книгѣ Отто служатъ *Nachträge u. Ergänzungen v. V. Szeliński* (Лена 1892) и статьи *K. Веймана* и проф. *A. Н. Сонни* въ *Archiv für lat. Lexicogr. u. Gramm.* Leipz. 1892, 1 и 1894, 1 и 4.

²⁾ Прихѣръ передѣлки представляютъ №№ 19, 45, 49, 116, 203, 233, 294 и друг. Иногда сходство формы бываетъ замаскировано до неузнаваемости: старая одежда въ теченіи вѣковъ изнашивается и нѣсколько разъ, быть можетъ, перекраивается, при чемъ и внутреннее содержаніе или смыслъ измѣняется (см. № 282). Кромѣ массы заимствованныхъ посло-

обширнѣе и интимнѣе, чѣмъ можно было думать; пословица прибавляетъ еще одно звено, соединяющее насъ съ греческимъ и вообще классическимъ міромъ.

Какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной, или литературной передачи, прямо ли отъ грековъ, или чрезъ посредство другихъ народовъ, — отвѣта на эти вопросы читатель не найдетъ въ нашей книгѣ; да едва ли и возможно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью отвѣчать на нихъ. Устный способъ передачи, конечно, имѣлъ мѣсто при частыхъ международныхъ сношеніяхъ, какъ допускаетъ Крумбахеръ, объясняя переходъ пословицъ изъ Византіи въ Россію непосредственными торговыми сношеніями¹⁾; очень вѣроятно также, что нѣкоторыя древнія пословицы, особенно изъ разряда простонародныхъ (*δημώδης*, vulgare proverbium), перешли къ намъ раньше, чѣмъ были фиксированы письменно позднѣйшими пареміографами. Но все же устному способу передачи, который не поддается никакому изслѣдованію и изученію, едва ли можно придавать большое значеніе сравнительно съ литературной традиціей.

Наша древне-русская литература чрезвычайно богата разнаго рода сборниками компилятивнаго характера (мы разумѣемъ „Цвѣтники“, „Пчелы“, „Зерцала“, „Измарагды“, „Маргариты“, „Азбуковники“). Въ сборники эти, составлявшіе любимое чтеніе древнерусскихъ читателей, вносились извлеченія изъ Св. Писанія, отцевъ Церкви, византійскихъ писателей, древнихъ греческихъ и римскихъ философовъ и поэтовъ. Компиляторскія наклонности нашихъ древнихъ грамотѣевъ хорошо характеризуетъ *Даніилъ Заточникъ*, авторъ „Моленія“, па-

вицъ и несомнѣнно родственныхъ съ древними образцами, многія изъ приведенныхъ нами русскихъ поговорокъ и сравненій не болѣе, какъ простые аналогіи, свидѣтельствующія лишь о сходствѣ въ складѣ рѣчи или способѣ выраженія нашего и классическихъ языковъ; аналогія интересна только для филологовъ, но иногда путемъ сравненія аналогичныхъ явленій выясняется происхожденіе и смыслъ нѣкоторыхъ темныхъ поговорокъ (№№ 72 и 225).

¹⁾ „Ebenso und noch leichter mögen Fragmente der byzantinisch-griechischen Spruchweisheit auf dem natürlichen Wege der Tradition durch Schiffer und Kaufleute nach Russland gedrungen sein.“ *K. Krumbacher*, Eine Sammlung byzant. Sprichwörter (Sitzungsber. d. Kön. bayer. Akad. d. Wissensch. Philosoph.-philol. Classe. 1887. S. 65).

матника XII или XIII вѣка, изобилующаго пословицами; онъ говоритъ о себѣ: *Азъ бо аще не во авинехъ растухъ ни у философъ учихся. но быхъ падая аки пчела ꙗко книгамъ по различнымъ цвѣтомъ. оттуда избираю сладость словесную*“ (по изд. Ундольскаго). Особымъ предпочтеніемъ въ этихъ сборникахъ пользовались „анофѳегмата“, или „словеса“, т. е. замѣчательныя изрѣченія и остроумныя отвѣты философъ, царей, воеводъ и т. п. Многія изъ этихъ изрѣченій, по словамъ Снегирева (Русскіе въ своихъ пословицахъ, I стр. 70), проникли въ народъ и перешли въ народныя пословицы. Здѣсь мы приведемъ выдержку изъ той же книги Снегирева (стр. 103): „При постепенномъ въ Россіи просвѣщеніи, которое мало измѣняло народность до Петра I, языкъ Славяно-рус(с)кій, сперва по греческой, а потомъ по Латинской грамматикѣ образованный (?), не могъ не сродниться съ Греческими и Латинскими словами, оборотами и пословицами, кои изучались въ школахъ и передавались въ народъ; ибо во всѣхъ почти азбукахъ, грамматикахъ и словаряхъ того времени, по обычаю школьному, для назиданія юношества, помѣщались мудрыя изрѣченія и пословицы Греческихъ и Римскихъ писателей, къ коимъ присоединялись и новѣйшія съ речами, по большей части придуманныя Польскими Езуитами“. Итакъ, древне-русскіе сборники, а также школьныя книги нужно считать главными проводниками, при помощи которыхъ древнія пословицы проникли въ народъ¹⁾.

Но этотъ обширный матеріалъ древне-русской письменности, требующій спеціальнаго изученія, какъ ни важенъ онъ для выясненія ли-

¹⁾ Доказательствомъ того, что нѣкоторыя пословицы прямо изъ древнихъ текстовъ перенесены въ русскіе сборники, служить примѣръ двухъ пословицъ (№№ 98 и 99), которыя приводятся у Даля рядомъ, такъ, какъ онѣ стоятъ въ текстѣ Аристотеля. Мы хотимъ сказать не то, что Даль взялъ ихъ у Аристотеля (нашъ почтенный пареміографъ, конечно, и не подозрѣвалъ существованія подобнаго текста), а то, что порядокъ этотъ соблюдался (вѣроятно) по традиціи во всѣхъ сборникахъ искони, т. е. со времени первой, такъ сказать, пересадки обѣихъ этихъ сентенцій съ греческой на славянскую, или прямо на русскую почву. Другое объясненіе трудно придумать. Подобный примѣръ см. подъ № 229. Двѣ наши пословицы №№ 270 и 271, греческіе оригиналы которыхъ находятся въ сборникѣ Плянуда (изд. Kurtz) почти рядомъ (подъ №№ 117 и 119), у Даля на стр. 479 приводятся также одна возлѣ другой. Нѣкоторыя древнія поговорки перешли только въ нашъ литературный языкъ, но не сдѣлались достояніемъ народа; о нихъ см. подъ № 16.

тературной исторіи перешедшихъ къ намъ древнихъ пословицъ, совершенно не входитъ въ настоящія рамки нашего изслѣдованія: мы ограничиваемъ свой предметъ предѣлами греческой и римской литературы, — именно, сравненіемъ русскихъ пословицъ, собранныхъ Далемъ, съ соотвѣтствующими имъ мѣстами греческихъ и латинскихъ писателей, изслѣдованіе же посредствующихъ формъ пословицъ, если таковыя существуютъ въ древнихъ памятникахъ русской письменности, повторяемъ, не входитъ въ нашу задачу¹⁾. Очень возможно и даже вѣроятно, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ нами русскихъ пословицъ заимствованы не изъ древнихъ литературъ, а у новѣйшихъ народовъ, имѣющихъ ту же пословицу, особенно, у сосѣднихъ съ нами нѣмцевъ; но, можетъ быть, и нѣмцы кое-что позаимствовали у насъ: категорическое рѣшеніе подобныхъ вопросовъ весьма трудно. Гораздо больше правъ считаться посредниками въ этомъ отношеніи имѣютъ родственные намъ славянскіе народы, особенно тѣ изъ нихъ, которые, подобно русскимъ, вошли въ кругъ религіознаго и литературнаго вліянія Византіи.

Въ изложеніи своего предмета мы предпочли хронологическій порядокъ систематическому и алфавитному: въ книгѣ, посвященной *исторіи* русскихъ пословицъ, такой порядокъ является болѣе естественнымъ и удобнымъ. Читатель замѣтитъ, что чѣмъ древнѣе источникъ какого нибудь изрѣченія, тѣмъ, говоря вообще, менѣе ясны слѣды или признаки происшедшей изъ него русской пословицы; у Гомера, напр., позднѣйшія поговорки, болшею частью, находятся только въ зачаточномъ состояніи; у Эзопа самой пословицы еще нѣтъ: она служитъ только темой для басни, или же представляетъ выводъ изъ нея, но уже въ древней комедіи, затѣмъ у трагиковъ, далѣе — у Аристофана, Платона, Аристотеля, Менандра и т. д. чаще и чаще встрѣчаются пословицы, буквально соотвѣтствующія нашимъ.

Главные источники, изъ которыхъ мы черпали рѣпа шапц, слѣд.:

1) В. Далъ Пословицы русскаго народа. М. 1862; *его же* Толковный Словарь живаго великорусскаго языка. I—IV. Спб. 1880—82 г.

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя указанія на древне-русскіе источники даются подъ №№ 33, 35, 59, 101—103, 111, 148, 164, 190 и 285.

2) *Mudroslovi narodu slovanskeho ve prislovich. Fr. L. Čelakovsky. V Praze 1852.*

3) *Corpus paroemiographorum graecorum Ed. Leutsch et Schneidewin. I—II. Gottingae. 1839—1851.*

4) *A. Otto Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Römer. Leipz. 1890.*

5) Греческіе и латинскіе авторы.

Для читателей—неспециалистовъ предпосылаемъ краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографахъ ¹⁾).

Занятія пареміографіей начались у грековъ приблизительно за 350 лѣтъ до Р. Хр: именно, философъ *Аристотель*, по свидѣтельству своего біографа (*Diog. Laert. V I § 26*), первый составилъ сборникъ пословицъ, отъ котораго, впрочемъ, не осталось, почти никакихъ слѣдовъ у позднѣйшихъ писателей. За Аристотелемъ слѣдуетъ длинный рядъ пареміографовъ, упоминаемыхъ лексикографами; сочиненія ихъ, озаглавливаемые, большею частью, *περί παροιμιῶν*, не дошли до насъ; но слѣды ихъ болѣе или менѣе явственныя сохранились въ позднѣйшихъ сборникахъ. Изъ нихъ назовемъ только ученика Аристотелева *Феофраста* и извѣстнаго критикой гомеровскихъ поэмъ *Аристарха* Византійскаго; вромѣ того, слѣдуетъ еще упомянуть имена малоизвѣстныхъ *Луцилла* изъ города Тагга на о. Критѣ и *Дидима* изъ Александріи, потому что изъ ихъ сборниковъ черпали позднѣйшіе пареміографы. Далѣе, подъ именемъ *Платарха* теперь существуетъ два небольшихъ сборника: одинъ, содержащій 131 пословицу подъ заглавіемъ: *Πλουτάρχου παροιμίαι, αἷς Ἀλεξανδρεῖς ἐχρῶντο*, изданъ въ первый разъ *Гроновіемъ* изъ флорентинской рукописи (въ *Thesaur. antiq. Graec.*); другой— всего 52 нумера изданъ *Boissonade-омъ* по

¹⁾ Очеркъ исторіи греческой пареміографіи даетъ *F. G. Schneidewin* въ *Corp. paroem. gr. I praef. I—XXXIX*. Извлеченіе изъ этой статьи см. у *Pauly Realencyclor. d. class. Alterthumswiss. VI 1 (1852) S. 132—135*. О позднѣйшихъ пареміографахъ см. *K. Krumbacher's Gesch. der Byzant. Litter. Münch. 1891, §§ 152, 153*. Данныя для исторіи латинскихъ пословицъ см. въ упомянутой книгѣ *A. Otto*.

парижской рукописи подъ заглавіемъ: Πλούταρχου ἐκλογὴ περὶ τῶν ἀδυνάτων. Оба эти сборника помѣщены въ I томѣ Геттингенскаго Корпуса, но ученые не сомнѣваются въ томъ, что авторъ ихъ—какойнибудь александриецъ—лишь воспользовался именемъ Плутарха, чтобы придать авторитетъ своему произведенію ¹⁾.

Первые дошедшіе до насъ болѣе значительные сборники, *Зеновія* и *Диогеніана*, относятся ко II вѣку по Р. Хр. Зеновій, по показанію Свиды, былъ софистъ, жившій при Гадрианѣ и преподававшій въ Римѣ; между его сочиненіями Свида упоминаетъ греческій переводъ исторіи Саллюстія и извлеченіе изъ сборниковъ вышеупомянутыхъ Дидима и Луцилла въ трехъ книгахъ ²⁾; послѣднее дошло до насъ въ числѣ 552 номеровъ пословицъ подъ заглавіемъ: Ζηνοβίου ἐπιτομὴ ἐκ τῶν Ταρραίου καὶ Διδύμου παροιμιῶν συντεθεισα κατὰ στοιχεῖον и напечатано въ первый разъ во Флоренціи въ 1497, потомъ въ Венеціи у Альда въ 1505 г., поздыѣ въ Антверпенѣ въ 1612 г. въ сборникѣ *Андрея Шотта* и, наконецъ, вошло въ изданіе *Th. Gaisford*-а 1836 и въ *Corpus* Лейча и Шнейдевина (1839—51).—Другой собиратель пословицъ, *Диогеніанъ* изъ Гераклеи, былъ также современникъ Гадріана (Suid. I p. 1373 sq.); его сборникъ, содержащій 776 номеровъ, напечатанъ въ первый разъ *А. Шоттомъ* въ Антверпенѣ (1612 г.) подъ заглавіемъ: Παροιμίαι δημόδαις ἐκ τῆς Διογενεῖανου συναγωγῆς, а потомъ помѣщенъ въ I томѣ и въ сокращенномъ видѣ ³⁾ во II томѣ Геттингенскаго Корпуса ⁴⁾. Къ сборникамъ Зеновія и Диогеніана примыкаетъ въ видѣ извлеченія сборникъ неизвѣстнаго автора, изданный по тремъ рукописямъ: ватиканской, англійской и парижской (*Appendix proverbiorum Vaticana, Bodleiana, Coisliana*), всего 443 номера; онъ вошелъ также въ I томъ Геттингенскаго изданія.

¹⁾ Иначе думаетъ *O. Crusius* Ad Plut. de provv. Alex. libellum comment. Tübing. 1895.

²⁾ Suid. I 2 p. 722 (ed. Bernh.). Впрочемъ, схолиастъ Аристофана (Nub. 193) авторомъ этого извлеченія ошибочно считаетъ не *Зеновія*, а *Зенодота*, какъ принималъ и Еразмъ.

³⁾ *Diogeniani Epitome e codice Vindobonensi*, всего 300 номеровъ.

⁴⁾ Новый взглядъ на эти сборники, основанный на критическомъ изученіи кодексовъ Зеновія, даетъ *O. Crusius* въ *Analecta crit. ad paroemiogr. graecos*. Lips. 1883.

Перечисленными сборниками исчерпывается собственно древняя пареміографія; остальные писатели, занимавшіеся собираніемъ и объясненіемъ древнихъ пословицъ и изрѣченій (Григорій, Макарій, Апостолій и Арсеній), принадлежать уже позднѣйшему времени, именно, XIII—XV вѣкамъ.

Григорій Кипрскій, Патріархъ константинопольскій (1283—1289)¹⁾, оставилъ намъ небольшой сборникъ пословицъ (305 номеровъ), который изданъ *Пантинномъ* въ Лейденѣ (Lugduni Batavorum) въ 1619 г., а потомъ вошелъ въ I томъ изданія Лейча-Шнейдевина. Кроме того, во II томѣ того же изданія помѣщены пословицы Григорія Кипрскаго по Лейденскому (243 №№), Московскому (423) и Ватиканскому (97) кодексамъ.

*Макарій Хрисокефалъ*²⁾, Митрополитъ филадельфійскій, жилъ въ срединѣ XIV вѣка. Кроме многочисленныхъ богословскихъ трактатовъ, онъ оставилъ объемистый сборникъ сентенцій и изрѣченій разныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ *Ῥοδωνία* (розовый садъ), въ которомъ особый отдѣлъ образуетъ алфавитный сборникъ пословицъ (*Παρροιῖαι κατὰ στοιχεῖον*), всего 796 номеровъ; онѣ вошли во II томъ Геттингенскаго Корпуса.

Михаилъ Апостолій, жившій въ XV вѣкѣ, составилъ сборникъ пословицъ, который съ присоединеніемъ къ нему множества сентенцій и изрѣченій знаменитыхъ мужей древности, по своимъ размѣрамъ превосходитъ всѣ дошедшіе до насъ сборники. Но смерть помѣшала ему обработать собранный имъ матеріалъ.

Его сынъ Аристокбулъ, позднѣе Архіепископъ *Арсеній*, привелъ въ порядокъ и дополнилъ собранный отцомъ матеріалъ и подъ заглавіемъ *Ῥωμῖα* (фіалковый цвѣтникъ, въ pendant къ *Ῥοδωνία*) посвятилъ Папѣ Льву X. Одинъ отдѣлъ этого сборника, содержавшій *ἀπορρέματα*, издалъ самъ авторъ (s. l. et a.); остальной матеріалъ, долго остававшійся въ рукописяхъ, изданъ былъ сперва въ латинскомъ переводѣ

¹⁾ Объ его литературной дѣятельности вообще см. *K. Krumbacher Gesch. d. Byz. Litt.* § 97.

²⁾ Прозвище произошло отъ того, что онъ изъ сочиненій отцовъ церкви экцерпировалъ такъ называемыя *υρροῖα κερφάλια*.

Пантина (Lugd. Bat. 1619); греческій же текстъ, слишкомъ 200 лѣтъ спустя послѣ этого, издалъ по списку московской рукописи *Chr. Walz* (Arsenii Violetum, Stuttg. 1832), а потомъ *Лейчъ* напечаталъ во II томѣ Геттингенскаго изданія въ связи со сборникомъ Апостолия прямо съ автографа Арсенія, хранящагося въ парижской библиотекѣ, при чемъ матеріалъ, принадлежащій собственно Апостолию, расположенъ подъ 1771 номеромъ, а прибавленія, сдѣланныя Арсеніемъ, внесены для отличія мелкимъ шрифтомъ и не имѣютъ отдѣльной нумераціи.

Чтобы исчерпать содержаніе Геттингенскаго Корпуса, упомянемъ еще помѣщенные во II томѣ Эсоповы пословицы (всего 17 номеровъ) и особое добавленіе (*Mantissa proverbiorum*), куда вошли изрѣченія, которыя, какъ оказалось при сравненіи различныхъ кодексовъ Апостолия и Арсенія, не попали въ печатныя изданія, всего 251 номеръ.

Выше мы упомянули уже о недавно открытыхъ рукописныхъ сборникахъ *Византійскихъ* пословицъ, изъ которыхъ наиболѣе значительный (275 номеровъ) принадлежитъ монаху *Максиму Плянуду* жившему въ XIII—XIV в. и извѣстному въ исторіи Византійской литературы своими разнообразными сочиненіями и переводами римскихъ авторовъ на греческій языкъ; (о Плянудѣ, какъ объ авторѣ біографіи Эсопа, упомянуто нами выше). Сборникъ этотъ издалъ въ первый разъ *Пиколомини* въ 1879 г., а чрезъ 7 лѣтъ, въ 1886 г. (въ Лейпцигѣ) *Эд. Куртцъ* съ переводомъ и комментариемъ. Другое изданіе Византійскихъ пословицъ скомбинировано изъ разныхъ кодексовъ (отчасти, впрочемъ, и раньше уже изданныхъ) *К. Крумбагеромъ* подъ заглавіемъ: *Mittelgriechische Sprichwörter* (Münch. 1893). Въ упомянутой статьѣ — „Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ“ мы разобрали тѣ номера въ изданіяхъ Куртца и Крумбагера, которые послужили прототипами русскихъ и вообще славянскихъ послобцъ. Чтобы обнять предметъ въ возможной полнотѣ, мы и въ настоящую книгу внесли изъ этой статьи разборъ византійскихъ пословицъ съ необходимыми измѣненіями и сокращеніями.

Кромѣ спеціальныхъ сборниковъ, значительное число греческихъ пословицъ съ объясненіями находится у лексикографовъ: *Гесихія* (VI в.), *Фотія* (IX в.) и *Свиды* (X в.), а также у нѣкоторыхъ схолиа-

стовъ¹⁾. Нами просмотрѣвъ болѣе важный въ этомъ отношеніи лексиконъ Свиды въ изд. *G. Bernhardy* (Halis et Brunsvigae 1852 sq.).

Литература *римскихъ пословицъ* очень скудна: римляне вообще имѣли гораздо меньше вкуса въ пословицахъ, чѣмъ греки. Впрочемъ, это замѣчаніе относится только къ образованнымъ римлянамъ: воспитанные на греческихъ образцахъ, они разучились употреблять и понимать свои родныя поговорки, въ которыхъ не могло быть недостатка у такого практическаго народа, какъ римляне; это показываетъ избилующій чисто римскими поговорками языкъ Плавта, въ комедіяхъ котораго дѣйствуютъ люди низшихъ классовъ; но уже Теренцій, жившій немного позже Плавта и вращавшійся въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ греческое образованіе дѣлало болѣе и болѣе успѣховъ, предпочитаетъ греческія переводныя пословицы. Такимъ образомъ, становится понятнымъ, почему римляне не интересовались и не занимались собираніемъ и научнымъ изслѣдованіемъ своихъ пословицъ, если не считать отрывочныхъ замѣтокъ, встрѣчающихся у лексикографовъ и схолиастовъ временъ имперіи.

Затѣмъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ ничего не было сдѣлано для античной переіографіи; лишь на исходѣ XV столѣтія (въ 1500 г.) явилось знаменитое сочиненіе *Дезидерія Еразма Ротердамскаго*, который предпринялъ представить сводъ греческихъ и римскихъ пословицъ съ надлежащими объясненіями. При громадной начитанности въ древнихъ авторахъ и обширномъ знаніи предмета, Еразмъ достигъ того, что его *Adagia*, выдержавшія множество изданій (въ Парижѣ, Базелѣ и Венеціи) и постоянно пополнявшіяся (съ 800 номеровъ сборникъ этотъ возросъ до 4000 слишкомъ), на долгое время сдѣлались незамѣнимымъ сочиненіемъ и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Болѣе точную оцѣнку этого сборника, а также списокъ многочисленныхъ послѣдователей Еразма и новѣйшихъ сборниковъ и трактатовъ по предмету римскихъ пословицъ можно найти въ выше упомянутой книгѣ *A. Otto* (Einleit. XXXVIII—XLI).

¹⁾ Напр., у *Евстація* (XII в.), автора комментариевъ къ Гомеру и другимъ авторамъ, см. въ концѣ книги прибавленіе 2.

І. Гомеръ.

Homerus omnem poesin suam ita
sententiis farsit, ut singula ejus απο-
φθέγματα vice proverbiorum fungantur.

Macrob. sat. V 16, 6.

1. Гласъ народа — гласъ Божій. Зародышъ пословицы находится уже у Гомера, который происхожденіе народной молвы приписываетъ Зевсу (Hom. Od. I 282 ἢ ὄσαν ἀκούσης ἐκ Διός, cf. II 216), именно, благодаря ея таинственному началу и быстрому распространению, и называетъ ее „вѣстницей Зевса“ (Hom. II. II 94 Διὸς ἄγγελος). Гесіодъ называетъ молву богиней, никогда не умирающей совершенно, если она живетъ въ устахъ народа: Φήμη δ' οὔτις πάμπαν ἀπόλλυται, ἦντινα πολλοὶ λαοὶ φημιξωσι θεὸς νο τίς ἐστι καὶ αὐτή (Hesiod. Opp. 763). Такой же взглядъ на молву, какъ на слово или голосъ божества былъ усвоенъ и трагиками, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія мѣста у Софокла: εἶτε τοῦ θεῶν φήμην ἀκούσας (Soph. Oed. R. 42) — „слышалъ ли ты голосъ какого либо божества“, Ὁξεῖα γάρ σου βᾶξίς ὡς θεοῦ τινος διῆλδ' Ἀχαιοὺς πάντας, ὡς οἶχει θανῶν (Soph. Aj. 998): „быстрая молва о тебѣ, точно голосъ какого либо божества, распространилась у всѣхъ Ахейцевъ, что ты погибъ“. Вообще съ словами φήμη и φάτις греки соединяли значеніе молвы и вмѣстѣ съ тѣмъ божественнаго голоса или откровенія; персонифицированная Φήμη имѣла даже храмы и алтари, и ей приносились жер-

твы, какъ величайшей богинѣ¹⁾. Латинское слово *fata*, безъ сомнѣнія, имѣло первоначально тоже значеніе, что *φῆμη*, но затѣмъ представленіе о молвѣ, какъ о божественномъ голосѣ, кажется, утратилось у римлянъ; по крайней мѣрѣ, въ литературѣ римской нѣтъ ясныхъ слѣдовъ этого представленія; Плутархъ въ разсказѣ о Камиллѣ, построившемъ въ Римѣ храмъ Молвѣ²⁾, исходилъ, кажется, изъ чисто греческихъ понятій. Впрочемъ, греческое воззрѣніе, какъ оно выразилось у Гомера и трагиковъ, не могло остаться безъ вліянія на понятія, распространившіяся въ Римѣ позднѣе, особенно въ римскихъ школахъ, и, дѣйствительно, въ реторическомъ сочиненіи старшаго Сенеки встрѣчается сентенція въ смыслѣ греческихъ изрѣченій: *crede mihi, sacra populi lingua* (Sen. controv. I 1, 10 ed. Müll. 1887 p. 21). Что касается латинской сентенціи—*vox populi, vox Dei*, послужившей оригиналомъ нашей поговорки, то хотя она, безъ сомнѣнія, и возникла изъ классическихъ представленій о молвѣ, но сама не принадлежитъ античной древности; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ литературныхъ преданій, которыя бы говорили въ пользу ея древности; мы знаемъ только, что она существовала въ VIII вѣкѣ, такъ какъ приводится *Алмуномъ*³⁾, но, повидимому, еще въ началѣ XVI вѣка не получила proverbialнаго значенія, потому что не встрѣчается у Еразма въ числѣ его „*Adagia*“. Еще менѣе авторитета имѣетъ греческая версія: Βοὴ λαοῦ, βοὴ θεοῦ.

2. Наша пословица—кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ, чего и не хочетъ⁴⁾ представляетъ довольно точный переводъ греческой—*Εἰπὼν ἃ θέλει, ἀντάκουε ἃ μὴ θέλει*, сохранившейся въ *Append. proov. II 17* (—сборникъ неизвѣстнаго автора, помѣщенномъ въ концѣ I тома Геттингенскаго Корпуса), а также въ позднѣйшемъ сборникѣ Макарія (III 49). Кромѣ того, мы имѣемъ вариантъ пословицы—

¹⁾ Классическое мѣсто о значеніи греческой *Φῆμη* мы имѣемъ у оратора Эхина (in *Timarch. cap. 27, p. 18* и *de fals. legat. cap. 47, p. 47* ed. Steph.).

²⁾ *Plut. vit. Cam. 30* и *de fort. Roman. 5*.

³⁾ Именно, въ его „*Capitulare admenitionis ad Carolum*“, см. *L. Czajinski Księga przysłów, sentencji i wyrazów łacinskich. Warszawa. 1892, p. 523*.

⁴⁾ Даль IV 579; чешскую, польскую и сербскую параллели см. у Челяковского 73

Ἐἵπε ἃ θέλεις καὶ ἀκούσεις ἃ μὴ θέλεις въ небольшомъ сборникѣ, посвященъ имя Эсопа и напечатанномъ съ московской рукописи XV вѣка проф. В. К. Ернштедтомъ въ Ж. М. Н. Пр., 1893, 4. Первые слѣды этой пословицы очень древни и находятся уже у Гомера, Гесиода и Алкэя, именно, въ Иліадѣ встрѣчается слѣдующая сентенція: Ὀπποῖον κ' εἴπῃσθα ἔπος, τοῖόν κ' ἔπακούσῃς (Hom. II. XX 250)— „что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь“ (Гифѣд.). Гесиодовскій стихъ все еще довольно далекъ отъ нашей пословицы: Εἰ δὲ κακὸν εἴπῃς, τάχα κ' αὐτὸς μείζον ἀκούσῃς (Hes. opp. 721, cf. Eurip. Alc. 704 sq.)— „если скажешь кому дурное слово, то и самъ, пожалуй, еще больше отъ него услышишь“. За то изрѣченіе Алкэя, уцѣлѣвшее между его фрагментами,— Αἷ κ' εἴπῃς, τὰ θέλεις (ἢ κεν) ἀκούσῃς, τὰ κεν οὐ θέλεις (Alc. frgm. 82 Bergk, Poet. lug. Gr. III p. 953) можетъ считаться настоящимъ прототипомъ нашей пословицы¹⁾. Что у римлянъ греческая поговорка была въ употребленіи, свидѣтельствуютъ мѣста изъ Теренція и другихъ авторовъ, собранныя въ книгѣ А. Отто (№ 205, p. 45; cf. Erasmi. adag. I 1, 27). Наша пословица могла быть заимствована или изъ греческихъ источниковъ, или же изъ сочиненій блаж. Иеронима, въ которыхъ нѣсколько разъ встрѣчается это „vulgare proverbium“: *cum dixeris quod vis, audies quod non vis*²⁾.

3. Пословица—въ комъ стыдъ, въ томъ и страхъ³⁾ буквально (но въ обратномъ порядкѣ) соответствуетъ греческой пословицѣ—Ἰνα δέος, ἔνθα αἰδώς⁴⁾, „гдѣ страхъ, тамъ и стыдъ“, которая принадле-

¹⁾ Явные намеки на ту же сентенцію содержатся въ словахъ, приписываемыхъ Хилонѣ одному изъ семи мудрецовъ: μὴ καχολογεῖν τοὺς πλησίον. εἰ δὲ μὴ, ἀκούσεσθαι ἐφ' οἷς λυπήσεσθαι (Diog. Laërt. I 3, 69) и въ одномъ изъ фрагментовъ Софокла: Φιλεῖ δὲ πολλὴν γλῶσσαν ἐκχέας μίτην ἄκων ἀκούειν οὐδὲ ἐκὼν εἶπεν λόγους (Soph. frgm. 668 Dind. 262 Ahrens).

²⁾ Hieronymus apol. adv. libr. Ruf. III 42 p. 568, ed. Vallarsi; dial. adv. Pelag. I 25 p. 721.

³⁾ Даль IV 263 съ вариантами: *идѣ страхъ, тамъ и Богъ; кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится*. Срвн. Ев. Лук, 18,2.

⁴⁾ Diogen. V 30; Apost. IX 6 въ метрической формѣ: ἵνα γὰρ δέος, ἔνθα καὶ αἰδώς. Еразмъ (adag. I 2, 64) замѣчаетъ: „провѣрбiальное выраженіе, и теперь существующее въ въ народѣ... Дѣйствительно, значительная часть людей страхомъ наказанія (formidine fustis) удерживается отъ преступленій“.

жить въ очень древнимъ: сопоставленіе αἰδώς καὶ δέος встрѣчается уже у Гомера (II. XV 657 ἴσχε γὰρ αἰδώς καὶ δέος, cf. Soph. Aj. 1075 sq.). Самая пословица нѣкоторыми приписывается *Стасиму* (Mantis. p. 71), одному изъ поэтовъ, принадлежащихъ къ гомерическому циклу. Платонъ приводитъ ее, цитируя неизвѣстнаго поэта, также и Плутархъ ¹⁾. Изъ римскихъ авторовъ подобная сентенція находится у Публилія Сира: *Ubique pudor est, semper ibi sancta est fides* (P. Syri sent. 637 ed. Meyer).

4. Наша поговорка — чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться! (Даль III 488) оказывается очень древнею, какъ свидѣтельствуеъ рядъ авторовъ, греческихъ и римскихъ, начиная съ Гомера: τότε μοι χάνοι εὐρεῖα χθών (Hom II. IV 182, cf. XVII 416); *sed mihi vel tellus optem prius ima dehiscat* (Verg. Aen. IV 24, cf. X 674); *hiscere nempe tibi terra roganda foret* (Ov. her. VI 144, cf. met. I 546); Квинтиліанъ въ числѣ разныхъ фигуръ, придуманныхъ ораторами для выраженія аффектовъ, приводитъ восклицаніе: *Magnae nunc hiscite terrae* (Quintil. IX 2, 26). Оставляя въ сторонѣ другихъ авторовъ, мы приведемъ еще слова Лукіана, у котораго встрѣчается эта поговорка, именно, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ и у насъ она была бы какъ нельзя болѣе кстати; вотъ это мѣсто: „во время этого чтенія я обливался потомъ отъ стыда и, какъ говорить пословица, *желалъ провалиться сквозь землю*, видя, что присутствующіе смѣются при каждомъ словѣ ²⁾).

5. Душа въ пятки ушла (Даль 280) — поговорка, означающая состояніе человѣка, у котораго, подъ вліяніемъ сильнаго страха, мысли и чувства сосредоточиваются въ одномъ стремленіи — бѣжать, и вся жизненная энергія обнаруживается въ ногахъ, — ведетъ начало отъ Гомера: говоря о впечатлѣніи, произведенномъ на грековъ появленіемъ Гектора, который сравнивается со львомъ, наводящимъ ужасъ на охотниковъ, не ожидавшихъ съ нимъ встрѣчи, Гомеръ прибавляетъ:

¹⁾ Pl. t. Euthyphr. 12 B; Plut. vit. Cleom. 9; de cohib. ira 11.

²⁾ Γούτων—ἀναγνώσασκομένων μεταξύ ἰδρώς τε μοι περιχεῖτο ὑπ' αἰδοῦς, καὶ τοῦτο δὴ τὸ τοῦ λόγου χανεῖν μοι τὴν γῆν εὐχόμεν ἄρων τοὺς παρόντας γελῶντας ἐφ' ἐκίστηφ. Luc. conp. 28, cf. Piscat. 38 κατὰ γῆς δύναι εὐχόμεν.

Τάρβησαν, πᾶσιν δὲ παραί ποσὶ κάππεσε θυμός (Il. XV 280)— „дрогнули все, и у каждого въ ноги отважность упала“ (Гнѣд.). Гомерическое выраженіе, представляющее опытъ физиологическаго объясненія чувства внезапнаго страха, собственно не было пословицей; въ римской литературѣ и у новѣйшихъ народовъ тоже, кажется, нѣтъ подобнаго выраженія¹⁾; нужно поэтому думать, что наша поговорка взята прямо изъ Гомера. Неупотребительное у насъ аналогичное выраженіе— „душа въ носъ ушла“, о напряженномъ ожиданіи, находится у Петронія (sat. 62)— *mihi anima in naso esse* и въ такъ называемыхъ Ἀνακρεόντεια (Poet. Iug. Gr. Bergk III p. 1060. Anacreont 29): *κραδίη δὲ ῥινὸς ἄχρις ἀνέβαινε*.

6. Осиного гнѣздо не тронь (Даль II 716); греки также говорили: *σφηκιὰν ἱρέθισας (ἐκίνησας)*— „ты потревожилъ (тронулъ) осиное гнѣздо“, съ объясненіемъ *ἐπὶ τῶν ἑαυτοῖς κακὰ κινούντων*, т. е. „о тѣхъ, кто самъ на себя накликаетъ бѣду“ (Masag. VII 94; Apost. — Arg. XV 84 b). Болѣе древнія указанія на пословицу находятся у Аристофана:

ἐπεὶ θέλω γὼ σωφρόνως ὥσπερ κόρη καθῆσθαι,
 λυποῦσα μηδέν' ἐνθαδί, κινοῦσα μηδὲ κάρφος,
 ἦν μὴ τις ὥσπερ σφηκιὰν βλίττη με κἀρεδίζη,

т. е. „я хочу сидѣть скромно, какъ дѣвица, не огорчая никого и не трогая даже соломинки, если не будутъ вынимать изъ меня меду и тревожить, какъ осиное гнѣздо“²⁾ Что у Аристофана имѣется въ виду именно пословица, подтверждаетъ схолиастъ³⁾. Изъ римскихъ писателей у Плавта встрѣчается подобное же выраженіе: *inritabis crabrones* (Plaut. Amphitr. 707)— „ты потревожишь шершней“. Первоначаль-

¹⁾ *Faesi* къ приведенному мѣсту Гомера замѣчаетъ только: „Ausmalung des deutschen: der Muth entfiel, entsank ihnen“.

²⁾ Arist. Lysistr. 473 sqq; cf. Vesp. 229 *δικαστῶν σφηκιὰ* и Plut. de amic. mult. 7 *ἐχθρῶν σφηκίαις περιπέσειν*.

³⁾ Schol. in Arist. Lys. 475 *τὸ δὲ σφηκιὰν βλίττειν καὶ ἐρεθίζειν παροιμιακῶς λέγεται περὶ τῶν αὐτοῖς κακόν τι παρὰ γνώμην ἀβούλως κτωμένων*. Насколько у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ толкователей утратилось пониманіе античныхъ пословицъ, показываемъ Свида, который при объясненіи приведеннаго стиха Аристофана замѣчаетъ: *Σφηκία, εἶδος ζώου* (Suid. II 2, p. 999).

нымъ источникомъ греческой пословицы, безъ сомнѣнія, послужило известное мѣсто въ Иліадѣ Гомера, гдѣ дается мастерское описаніе Миридонянъ, выснавшихъ густой толпою изъ кораблей и спѣшившихъ на бой съ Троянцами, подобно осамъ; потревоженнымъ въ своемъ гнѣздѣ и безстрашно устремившимся на защиту своихъ дѣтей (Ном. II. XVI 257—267).

7. Сказано—сдѣлано, говоримъ мы, когда за словомъ немедленно слѣдуетъ дѣло. Нѣкоторыя мѣста у древнихъ авторовъ даютъ намъ возможность прослѣдить происхожденіе нашей поговорки, которая, зародившись у Гомера, прошла чрезъ сочиненія нѣсколькихъ греческихъ и римскихъ писателей и отъ римлянъ перешла въ новѣйшіе языки. Гомеръ употребляетъ еще полное выраженіе: $\text{Αὐτίκ' ἔπειθ' ἄμα μῦθος ἔην, τετέλεστο δὲ ἔργον}$ (II. XIX 242) — „скоро, какъ было сказано слово, исполнено дѣло“ (Гвѣд.); но уже у Пиндара и затѣмъ у Геродота встрѣчается зевгматическое соединеніе обихъ существительныхъ съ однимъ глаголомъ, а именно, у Пиндара (Pyth. IV 104—105 ed. Schneidew): $\text{οὐτε ἔργον οὐτ' ἔπος εὐτράτελον κείνοισιν εἰκῶν}$, у Геродота наоборотъ: $\text{ἄμα ἔπος τε καὶ ἔργον ἐτόλμα}$ (Herod. III 135, cf. I 90). По опущеніи глагола, изъ такихъ выраженій образовалась греческая поговорка, означающая быстроту въ исполненіи слова: $\text{ἄμ' ἔπος, ἄμ' ἔργον}$ ¹⁾. Латинская версія — *dictum factum* встрѣчается нѣсколько разъ въ комедіяхъ Теренція (Andr. 381, Heaut. 760 и 904; cf. Cic. Philipp. X 9, 19 nostra dicta facta) и отсюда, вѣроятно, перешла въ новѣйшіе языки; франц. *C'est dit, c'est fait*, нѣм. *Gesagt, gethan*.

8. Наше выраженіе — *напрасно землю тяготить* (Даль IV 466), употребляемое для обозначенія бесполезнаго человѣка, не ведетъ ли начало отъ гомеровскаго $\text{ἐτώσιον ἄχθος ἀρούρης}$ (II. XVIII 104; Od. XX 379) — „бесполезное бремя земли“? Что это было у грековъ про-вербiальнымъ выраженіемъ, видно изъ Платона и Лукіана (Plat. Theaet. 176 D $\gamma\eta\varsigma$ — $\acute{\alpha}\chi\theta\eta$, Lucian. Јсагом. 29 и apol. 14). Въ одномъ изъ фрагментовъ, приписываемыхъ Софоклу (Ahrans 765), также

¹⁾ Zenob. I 77; Diogen. II 24; Suid. I p. 256; Macar. I 94; Apost. II 77.

встрѣчается βάρος περισσόν γῆς-- „лишнее бремя земли.“ Наконецъ, у пареміографовъ γῆς βάρος придѣлится какъ пословица, примѣняемая, именно, къ бесполезнымъ людямъ (ἐπὶ τῶν ἀχρήστων, ἐπὶ τῶν εἰς μηδὲν συντελούντων¹⁾).

9. Говорить на вѣтеръ (т. е. попусту); собака лаетъ, вѣтеръ носитъ (Даль II 553), говоримъ мы о пустыхъ рѣчахъ. Что вѣтеръ уносить безслѣдно пустыня или оскорбительныя слова, такое представленіе существовало въ глубокой древности: слѣды его восходятъ до временъ Гомера и Теогида. У Гомера Евріалъ, извиняясь предъ Одиссеемъ въ необдуманно сказанномъ словѣ, говоритъ: ἐπος δ' εἰ κέρ τι βέβαχται Δεινόν, ἄραρ τὸ φέροισεν ἀναρπάξασαι ἄελλαι (Od. VIII 408)— „и если сказалъ я дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и развѣетъ“ (Жуковск.). Въ числѣ изрѣченій, приписываемыхъ Теогиду, встрѣчается слѣдующее: Τῶν δὲ κακῶν ἀνεμοὶ δειλὰ φέρουσιν ἔπη²⁾. Позднѣе у грековъ, безъ сомнѣнія, на основаніи гомерическаго представленія, образовалась поговорка: ἀνέμῳ διαλέγη (Zenob. I 38) — „на вѣтеръ говоришь“, которая, вѣроятно, имѣется въ виду въ словахъ Ап. Павла: ἔσευθε γὰρ εἰς ἄερα λαλοῦντες (I къ Коринѣ. 14,9). Многочисленныя мѣста изъ римскихъ поэтовъ, доказывающія, что римляне хорошо усвоили древне-греческое представленіе, приведены у А. Отто № 1864; нѣкоторыя изъ нихъ довольно точно соотвѣтствуютъ русскимъ поговоркамъ, напр. *inania venti verba ferunt* (Ov. met. VIII 134), т. е. „пустыя рѣчи вѣтеръ уносить“.

10. Что бѣда никогда не приходитъ одна, объ этомъ говорятъ многія русскія пословицы, напр. *бѣда ѣдетъ, бѣду везетъ; бѣда на бѣдѣ, бѣдой погоняетъ* и др. (Даль I 154); всѣ онѣ выражаютъ понятіе непрерывнаго ряда бѣдъ. Тоже выражается греческими пословицами: κακὸν ἐπὶ κακῷ или κακὸν κακῷ ἔπεται (Mascag. V 100; VI 11), первичные типы которыхъ находятся у Гомера; именно, въ Иліадѣ встрѣчаются слѣдующія два мѣста; πάντῃ δὲ κακὸν κακῷ ἐστήριχτο

¹⁾ Diogen. III 90; Suid. I p. 1103; Greg. Cyr. II 2; Mascag. II 98; Apost. V 41 f.

²⁾ Theogn. 1168 въ изд. Th. Bergk Poet. Iyr. Gr. Lips. II 1866 p. 555.

(II. XVI 111) собств: „бѣда въ бѣду упиралась“, какъ будто плотно сошнутый рядъ воиновъ (cf. *ibid.* v. 215); δέχεται κακὸν ἐκ κακοῦ αἰεὶ (Ном. II. XIX 290): „бѣда за бѣдой слѣдуетъ непрерывно“. Аналогичныя выраженія находятся у трагиковъ, затѣмъ у Геродота и Эліана ¹⁾. Столь распространенная греческая сентенція не могла остаться неизвѣстной римлянамъ; наиболее подходящее выраженіе находится у Теренція: *aliud ex alio malum* (Тег. Еуп. 987), т. е. „одна бѣда за другою“.

11. *Омовеніе рукъ* русской народъ считаетъ необходимымъ не только предъ молитвой и вообще священнодѣйствіемъ, но и предъ бѣдой: *не умывъ рукъ, за столъ не садятся* ²⁾. Поэтому, выраженіе — съ неумытыми руками приступать къ дѣлу, или грязными руками прикасаться къ чему въ фигуральномъ смыслѣ у насъ употребляется для означенія невѣжества и неуваженія къ дѣлу. Такія понятія очень древни и восходятъ ко временамъ Гомера и Гесіода, которые считали грѣховъ совершать жертвенное возліаніе богамъ неумытыми руками: Χερσαὶ δ' ἀνίπτοισιν Διὶ λείβειν αἶθοπα οἶνον Ἄζομαι (Ном. II. VI 266); Μηδὲ ποτ' ἐξ ἧοῦς Διὶ λείβειν αἶθοπα οἶνον Χερσὶν ἀνίπτοισιν μηδ' ἄλλοις ἀθανάτοισιν (Hesiod. opp. 724 sq). У Гомера гостямъ, прежде чѣмъ они сядутъ за столъ, служанка, или герольдъ приноситъ воды для омовенія рукъ (Χέρνιβα δ' ἀμφίπολος etc.); также предъ молитвой умывали руки (Odys. II 261), безъ сомнѣнія, въ томъ убѣжденіи, что приближаться къ Богу нужно какъ съ чистыми руками, такъ и съ чистыми помыслами. Происшедшая отсюда поговорка — ἀνίπτοις χερσὶν (ἀπτεσθαί) у Diogen. I 43 и Apost. II 95 рано сдѣлалась извѣстна римлянамъ (Plaut. Poenul. 316 *inlutis manibus*) и позднѣе встрѣчается даже въ Дигестахъ Юстиніана ³⁾. Еще болѣе распространена была у грековъ, а затѣмъ и у римлянъ аналогичная пословица: ἀνίπτοις ποσὶν ἀναβαίνειν ἐπὶ τὸ στέγος — „съ неумытыми ногами вступать въ

¹⁾ Eurip. Troad. 591; Soph. Ant. 590 (595); Herod. I 67; Aelian. V. Н. III 43 (у обоихъ послѣднихъ авторовъ выраженіе πῆμ' ἐπὶ πῆματι взято изъ оракула).

²⁾ Даль IV 509; см. А. Аванасьева Поэт. возвр. слав. на прир. М. 1868, II 43.

³⁾ Dig. I 2, 1 *illotis, ita ut dixerim, manibus protinus materiam interpretationis tractare.*

домъ*, въ смыслѣ: безъ знанія и надлежащей подготовки приступать къ дѣлу (*ἐπὶ τῶν ἀμαθῶς ἐπὶ τινα ἔργα καὶ πράξεις ἀφικουμένων*)¹⁾.

12. Плыветъ по теченію, говоримъ мы о человѣкѣ, который примѣняется къ обстоятельствамъ и не идетъ противъ господствующаго направленія; несетъ на вѣсахъ парусахъ — о человѣкѣ, который при благопріятныхъ обстоятельствахъ быстро стремится къ цѣли; тѣ же метафоры, происшедшія отъ обычнаго въ древности сравненія жизни съ мореплаваніемъ, были и у грековъ: *κατὰ ῥοῦν φέρεσθαι* (Diogen. V 82; Greg. Curg. II 87; cf. Plat. ger. 492 C), *πλησίσιον φέρεσθαι* (Plut. Cat. maj. 3). У Лукіана оба выраженія соединены: *κατὰ ῥοῦν προχωρεῖ καὶ πλησίσιος ἐπὶ τὴν νίκην φέρεται* (Lucian. Iur. trag. 50). И эти метафоры, по всей вѣроятности, заимствованы изъ гомерическаго языка, хотя у Гомера подобныя выраженія встрѣчаются только въ собственномъ смыслѣ (напр. II. XII 33, Od. V 327 и др. *Πλησίσιος* чисто гомерическій эпитетъ, но страдательное значеніе придано ему позднѣе). У римлянъ также были метафоры: плыть на вѣсахъ парусахъ (*plenis* или *plenissimis velis navigare* у Cic. pro domo sua X 24 и Petron. 45) и плыть противъ теченія (*adverso flumine*). Сенека говоритъ, что жить противъ природы значитъ тоже, что плыть на вѣсахъ противъ теченія (Sen. ep. 122, 19).

13. Слѣдующее выраженіе, повидимому, заимствовано прямо изъ гомерическаго языка: *языкъ сидитъ за костянымъ частоколомъ* (Даль IV 695); не есть ли это гомеровское *ἔρκος ὀδόντων*? И намъ кажется, что, согласно съ русской метафорой, подъ пресловутой „оградой зубовъ“ нужно разумѣть не губы (защиту зубовъ), какъ нѣкоторые понимаютъ, а ограду, состоящую изъ зубовъ, т. е. рядъ зубовъ, при открытыхъ губахъ говорящаго человѣка представляющійся въ видѣ частокола²⁾. Кромѣ того, по смыслу нашихъ поговорокъ, зубы и губы разсматриваются какъ *заноры* для болтливаго языка и глупыхъ рѣчей:

¹⁾ Zenob. I 95; Append. provv. I 29; Suid. I p. 440; Apost. III 20; Lucian. rhet. praes. 14, Pseudol. 4 и Demon. 4; A. Gell. N. A. I 9, 8 nunc autem—repente *pedibus inlotis* ad philosophos devertunt; cf. XVIII 5, 14; Macrob. sat. I 24, 12.

²⁾ Cf. K. Ameis Anh. zu Hom. Odys. I 64.

зубы да зубы—два запора; въ зубахъ не удержалъ, а въ зубахъ не удержишишь (Челяк. 79; Даль I 718); то же понятіе заключается и въ гомерическомъ выраженіи¹⁾.

14. Нѣкоторыя гомерическія выраженія перешли къ римлянамъ и затѣмъ въ новѣйшіе языки, напр. помереть со смѣху, γέλφ ἐχθρανεῖν (Hom. Od. XVIII 100), встрѣчается у Теренція (*Risu—emoriri* Ter. Eun. 432) и существуетъ у нѣмцевъ и французовъ (*Vor Lachen sterben, mourir de rire*), вмѣсто чего у другихъ латинскихъ писателей говорится: допнуть со смѣху—*risu rumpi* или *dirumpi*. Наши выраженія животики надорвать, бока надсадить можно сравнить съ лат. *risu dissolvere ilia sua* (Petron. 24).

15. Нѣкоторыя proverbіальныя сравненія, общія греческому и русскому языкамъ, ведутъ начало отъ Гомера. Сравненія эти, возникшія изъ наблюденія свойствъ предметовъ и животныхъ, существуютъ у всѣхъ народовъ. Все таки интересно отмѣтить нѣкоторыя древнія сравненія, разительно сходныя съ русскими, напр.

а) черный, какъ смоль: (νέφος) μελάντερον ἢ ὅτε πίσσα (Hom. II. IV 277); *coelum pice nigrius* (Ovid. her. 18,7); *Nigrior—pice sanguis* (Ov. art. am. II 658, cf. metam. X I 42 и Martial. I 115,4). У другихъ латинскихъ авторовъ говорится: черный, какъ уголь: Там *excoctam reddam atque atram quam carbost* (Ter. Ad. 849), или черный, какъ воронъ: *niger tanquam corvus* (Petron. 43).

б) блѣдъ, какъ снѣгъ или блѣде снѣга: (ἵπποι) λευκότεροι χιόνος (Hom. II. X 437), у римскихъ авторовъ: *candidior nive*²⁾.

в) слаще меду: Τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέειν αὐδῆ (Hom. II. I 249)— „и съ его языка текла рѣчь слаще меду“: У Дала (IV 222) приводится поговорка: слово твое слаще меду. Лат. *melle dulcior* встрѣчается у Плавта (Asin. 614, Trucul. 371), Цицерона (Cato M. de sen. 10, 3), Овидія (trist. V 4, 29) и другихъ. Вмѣсто греческаго выраженія ἵππος γλυκίων μέλιτος, принадлежащаго

¹⁾ Homerus—petulantiae verborum coercendae *vallum esse oppositum dentium* luculente dixit. A. Gell N. A. I 15, 3.

²⁾ Catull. 80, 2; Ov. her. 16, 249; am. III 5, 11; met. VIII 373; cf. Mart. I 115, 2.

Москxу, у насъ говорится: *сонъ милѣе отца и матери* (Даль IV 276).

г) Сравненіе безчувственного человѣка, или сердца человѣческаго съ камнемъ (или кремнемъ) также ведетъ начало отъ Гомера: σοὶ δ' αἰεὶ κραδίη στερεωτέρη ἐστὶ λίθοιο (Hom. Od. XXIII 103, cf. XIX 163 и II. XVI 34); встрѣчается и у Платона: λίθος-μήτε ὧτα μήτ' ἐγκέφαλον ἔχων (Plat. Hipp. maj. 292 D): „камень, не имѣющій ни ушей, ни мозга“, также у Лукіана: λίθος, οὐκ ἄνθρωπος ἐστὶ (dial. meretr. XII 2). Сравненіе человѣка въ томъ же смыслѣ съ желѣзомъ, если не считать гомерическаго выраженія, уподобляющаго непреклонное сердце топору (II. III 60), впервые встрѣчается у Пиндара: ἐξ ἀδάμαντος ἢ σιδάρου κεχάλκευται μέλαιναν καρδίαν (Pind. frgm. 100 Bergk I p. 327), затѣмъ у трагиковъ: Σιδηρόφρων τε καὶ πέτρας εἰργασμένος (Aeschyl. Prometh. 242), ὡς ἄρ' ἦσθα πέτρος ἢ σίδαρος (Eurip. Med. 1279). Римскіе поэты часто прибѣгаютъ къ подобнымъ метафорамъ, приписывая человѣку свойства камня (кремня) и желѣза, напр. Ter. Hecyr. 214 me lapidem non hominem putas; Verg. Aen. VI 471 quam si dura silex; Tibull. I 10, 59 Ah lapis est ferrumque, suam quicumque puellam Verberat; Prop. I 16, 30 ferro durior et chalybe; Ov. met. XIV 719 Durior et ferro—Et saxo; trist. III 11, 3 Natus es e scopulis. Даже прозаики употребляютъ иногда подобныя выраженія, напр. Cic. in Cat. IV 2 § 3; Plin. ep. II 3, 7.

Другія сравненія, не принадлежащія Гомеру, приведены ниже подъ №№ 44, 132, 145, особ. 212.

16. Нѣкоторыя античныя пословицы и выраженія, заимствованныя изъ мѣологии и исторіи древнихъ народовъ, вошли въ нашъ литературный языкъ, но не проникли въ народъ, потому ли, что не успѣли проникнуть, или потому, что оказываются непригодными и излишними для народа; таковы, напр., поговорки: Ахиллесова пята, очистить Ахилесовы конюшни (въ смыслѣ: совершить трудный подвигъ), сидѣть на двухъ стульяхъ (№ 153), любовь все побѣждаетъ¹⁾, науки юношей питаютъ²⁾ и многія другія. Впрочемъ,

¹⁾ *Omnia vincit amor* Verg. ecl. 10, 69.

²⁾ Ломоносовъ изъ Cic. pro Arch. poet. 7, 16.

нѣкоторыя историческія имена, напримѣръ, Креза и даже гомеровскаго Ира извѣстны въ русскихъ поговоркахъ: *богатъ какъ Креза, а живеть какъ пещъ* (Даль 89), *Иръ Крезу не товарищъ* (Даль 56). Кромѣ того, въ нашемъ литературномъ языкѣ находятся во всеобщемъ употребленіи латинскія формулы и поговорки, оставшіяся непереуведенными, напр. *beati possidentes, deus ex machina, tres faciunt collegium* и другія, литературные источники которыхъ мы указали въ концѣ зяги (прибавл. 1). Латинская сентенція—*ibi bene, ibi patria*, заимствованная изъ греческихъ источниковъ и уже сроднившаяся съ русскимъ литературнымъ языкомъ, къ чести русскаго народа, осталась ему совершенно чуждой. Также выраженіе—*золотой вѣкъ*, означающее первобытную счастлиаую эпоху, удержалось только въ литературѣ, потому что самой идеи золотого вѣка, столь распространенной и общей въ древнемъ мірѣ, нашъ народъ не имѣеть, и въ этомъ сказывается глубокая разница между современнымъ и античнымъ челоукомъ: послѣдній былъ обращенъ лицомъ къ прошедшему, въ которомъ онъ видѣлъ идеаль жизни, и тыломъ къ будущему, которое представлялось ему мрачнымъ и неутѣшительнымъ (не только здѣсь, но и въ загробной жизни): *впереди и въ прошедшемъ, позади и въ будущемъ* для грека были синонимы¹⁾. У насъ, наоборотъ, прошедшее позади, а будущее впереди: *заднее Божье, а переднее Государство; задняго не поминать, но впередъ не грѣши* (Даль 112). Эта коренная разница между античнымъ и нашимъ воззрѣніемъ—очень интересное явленіе, на которое, кажется, не обращено вниманіа; достаточно сказать, что для древняго грека, при его взглядѣ на прошедшее и будущее, идея историческаго прогресса должна была казаться абсурдомъ.

¹⁾ Греч. πρό, πρόσθεν, προπαροιθεν впереди и въ прошедшемъ (Ном. II. I 70 πρό τ' ἐόντα=προεληλυθότα praeteritū); ὀπίσω, ὀπίσθεν позади и въ будущемъ; cf. πρόσω καὶ ὀπίσω (II. I 348; III 109; XVIII 250; Odys. XXIV 452 и *Aeneis* примѣч. къ этому мѣсту). Что прошлое время было лучше, а настоящее всегда хуже прошлаго,—это любимая сентенція древнихъ: Ἄδει τὰ πέρσσι βέλτιω (Diogen. II 54 и др.); *Cotidie est deterior posterior dies* P. Syri sent. 103; *Tempus sed tacitum subruit, horaque Semper praeteritā deterior subit* (Sen. Hippol. 775); cf. Hor. carm. III 6, 46 sqq.

Здѣсь мы остановимся на одномъ изъ литературныхъ провербальныхныхъ выраженій—*сардоническій смѣхъ* (Даль IV 141), которое вошло въ русскій и вообще въ новѣйшіе языки съ греческаго. *Σαρδώνιος γέλως* приводится у всѣхъ почти пареміографовъ¹⁾ и встрѣчается у Платона, Цицерона (въ греч. транскрипціи), Плутарха, Лукіана²⁾ и другихъ писателей; но за первоначальный источникъ его признается загадочное мѣсто въ Одиссеѣ Гомера (XX 302): *μείδησε δὲ θυμῷ Σαρδόνιον (σαρδόνιον) μάλα τοῖον*.—Что касается значенія этого выраженія, то толкованія древнихъ нѣсколько отступаютъ отъ современнаго пониманія его въ смыслѣ *язвительнаго смѣха*: греческіе пареміографы объясняютъ сардоническій смѣхъ въ смыслѣ *притворнаго, неискренняго смѣха* (*ὁ προσποιητὸς καὶ μὴ ἐκ χαירוῦσης καρδίας*); по другой версіи это выраженіе означало *смѣхъ отчаянія* и примѣнялось къ тѣмъ, которые смѣются надъ собственнымъ несчастьемъ, или даже въ минуту собственной гибели (*ἐπὶ τῶν ἐπὶ κακῷ γελώντων, ἐπὶ τῶν ἐπ' ὀλέθρῳ τῷ σφῶν αὐτῶν γελώντων*). Но у самого Гомера (въ Иліадѣ) есть одно мѣсто, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, можно составить опредѣленное понятіе о значеніи загадочнаго выраженія, а именно: *ἡ δ' ἐγέλασσε Χειλέσιν οὐδὲ μέτωπον ἐπ' ὄφρ' αἰ κυανέησιν Ἰάνθη* (Ном. II. XV 101),—рѣчь идетъ здѣсь о разгнѣванной Герѣ: „она-жъ улыбалась устами, Но чело у нее между черныхъ бровей не свѣтлѣло“ (Гнѣвичъ). Схолиастъ замѣчаетъ къ этому мѣсту: *Οὗτος ὁ γέλως Σαρδώνιος καλεῖται, ὅτ' ἂν τις μὴ ἐκ διαθέσεως γελᾷ*. Итакъ, „сардоническій смѣхъ“, по смыслу древнѣйшихъ источниковъ,—это смѣхъ однѣми губами (отъ растяженія которыхъ обнажаются зубы), при чемъ на лицѣ сохраняется мрачное и злобное выраженіе (Сf. *μειδιῶν βλοσυροῖσι προσώπασι* Ном. II. VII 212)³⁾. Пониманіе „сардоническаго смѣха“ въ смыслѣ ѣдкаго, язви-

¹⁾ Zenob. V 85; Diog. VIII 5; Suid. II 2 p. 682; Greg. Cyrp. III 67; Macar. VII 59; Apost. XV 35.

²⁾ Plat. rep. 337 A; Cic. fam. III 25, 1; Plut. vit. G. Gracc. 12; de superst. 9; Luc. Asin. 24; Iup. trag. 16.

³⁾ Такое пониманіе не противорѣчитъ этимологическому производству слова, и его можно согласить съ наблюденіями ботаниковъ надъ дѣйствиемъ „сардонической травы“ на

тельного смѣха произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія гомеровскаго выраженія съ позднѣйшимъ (хотя тоже древнимъ) *саркастическимъ смѣхомъ*.—Что касается происхожденія и этимологіи загадочнаго слова, то еще древніе придумали нѣсколько совершенно различныхъ толкованій¹⁾, изъ которыхъ мы отмѣтимъ главнѣйшія. Всѣ они связываютъ гомеровское изрѣченіе съ названіемъ острова Сардиніи (ἡ Σαρδῶ): рассказываютъ, будто населявшіе этотъ островъ карфагенскіе колонисты приносили въ жертву (по нѣкоторымъ источникамъ—*лобанили*²⁾ стариковъ или родителей, достигшихъ свыше 70-и лѣтняго возраста (по другой версіи въ жертву приносились плѣнники); при этомъ слезы и печаль, какъ признакъ малодушія, были предосудительны; напротивъ, радость и смѣхъ считались доказательствомъ мужества и доблести; отсюда будтобы и произошло названіе *сардоническаго смѣха*. Другіе говорятъ, что въ Сардиніи, какъ и въ Карфагенѣ, человѣческую жертву клали въ объятія раскаленной статуи божества; корчась отъ боли съ оскалившимися зубами приносимый въ жертву представлялъ подобіе смѣющагося человѣка (Erasm. adag. III 5, 1). Наконецъ, по третьему толкованію названіе это произошло отъ произрастающаго въ Сардиніи ядовитаго растенія, похожаго на сельдерей и горькаго на вкусъ (βοτάνη σελίνου παραπλησία, родъ *ранункула*, *Sardonia herba*); говорятъ, что отъ употребленія въ пищу этого растенія люди подвергаются судорожному смѣху (правильнѣе—судорогамъ лица, похожимъ на смѣхъ) и даже умирають. Существованіе подобнаго растенія на о. Сардиніи удостовѣряется Плиніемъ, Павсаніемъ и позднѣйшими писателями³⁾.—

организмъ человѣка (разумѣемъ судорожное сокращеніе мускуловъ губъ и щекъ), о чемъ будетъ сказано ниже.

¹⁾ Эти толкованія находятся у Зеновія, Свиды, Апостолія, также въ схолияхъ къ Одиссеѣ и Платону. Специальное сочиненіе объ этомъ предметѣ *L. Mercklin*-а „Die Talossage und das Sardoniche Lachen“ (Petersb. 1851) намъ известно лишь по заглавію; впрочемъ, мы вовсе не имѣли въ виду излагать вопросъ въ полномъ его объемѣ, а хотѣли намѣтить лишь нѣкоторые его пункты.

²⁾ Τιμαίος δὲ (φησι) τοὺς ἰκανὸν βεβιωκότας χρόνον ἐν Σαρδοῖ, συνωθημένους σχίζαις ὑπὸ τῶν οἴων εἰς ἕν ἐμελλον θάπτεσθαι βόθρον γελῶν (Suid. II 2, p. 683); ἔπειτα ἕλαστος αὐτῶν σχίζαν ἔχων τόππει τὸν ἑαυτοῦ πατέρα (Schol. ad. Plat.); cf. Aelian. var. hist. IV 1.

³⁾ Plin. h. n. XX 45; Paus. X 17, 13; см. еще у *Leutsch*-а (Corp. paroem. Graec II p. 638) цитату изъ сочиненія Павла Эгискаго (греч. врача VII вѣка).

Новѣйшіе ученые большею частью принимаютъ производство гомерическаго слова отъ корня *сар* (усил. *сарδ*, какъ *tend-ere*, *τείνειν*), *σαίρω*, *σείσθη* въ значеніи обнажать (скалить) зубы,—производство, извѣстное уже и древнимъ (*ἀπὸ τοῦ σείσθηναί τοις ὀδοῦσι*—Zelob., Suid. cf. Soph. frgm. 714 Ahrens ed. F. Didot p. 370).—Въ заключеніе замѣтимъ, что если толкованія древнихъ, берущія за исходной пунктъ названіе о. Сардиніи (которое, мимоходомъ сказать, и не встрѣчается у Гомера), признаются теперь не идущими къ дѣлу произвольными измышленіями¹⁾, то, съ другой стороны, и за правильность этимологій—*сар*, *σαίρω*—нельзя ручаться²⁾.

Когда эта статья была уже окончена, намъ попалась книга *К. Корневэна* „Ядовитыя растенія“ (съ франц. Спб. 1895). Вотъ что въ ней сказано о занимающемъ насъ предметѣ (стр. 134): „*Ranunculus sceleratus* L. (herbe Sardonique) растеть въ низкихъ равнинахъ, въ топкихъ мѣстностяхъ, по краямъ лужъ... (стр. 135). Симптоматологія. Вслѣдъ за раздраженіемъ пищеварительнаго канала появляются признаки нервного характера... Замѣчаются судорожныя подергиванья ушей, губъ и щекъ“. Если эти симптомы имѣютъ сходство съ тѣми сокращеніями мускуловъ, которыя происходятъ у насъ во время смѣха, то очень вѣроятно, что „сардоническій смѣхъ“ произошелъ отъ *Sardonia herba*; но чтобы установить связь между „сардоническимъ смѣхомъ“ и о. Сардиніей, нужно еще доказать, что названіе растенія произошло отъ названія острова.

II. Гесіодъ.

17. Жнешь, гдѣ не стыжъ (Даль 672), говоритъ мы охотнику пользоваться плодами чужихъ рукъ, заимствовавъ это выраженіе изъ Евангелія (Лук. 19, 21 *θερίσεις, δὸν οὐκ ἔσπερας*, срв. Матѣ. 25, 24);

¹⁾ „Beide Erklärungen... scheinen rein fingirte Angaben zu enthalten, welche nur einer hermeneutischen Verlegenheit ihren Ursprung verdanken“. *Faesi* zu *Odyss.* XX 302.

²⁾ По поводу этой этимологій *Th. Bensley* (Griech. Wurzellex. Berl. 1839. I 424) замѣчаетъ: „Ich wage weder zu entscheiden, noch eine neue Etymologie hinzufügen“.

но евангельское изрѣченіе представляет старинную поговорку, очень распространенную у грековъ—*ἀλλέτριον ἀμᾶς θέρος* ¹⁾, „жнешь чужую жатву“, начало которой восходитъ къ отдаленной древности: уже Аристофанъ знаетъ ее (*τάλλέτριον ἀμῶν θέρος* Arist. Equ. 392), но древнѣйшимъ источникомъ пословицы служитъ еогонія Гесиода, гдѣ встрѣчается стихъ: *ἀλλέτριον χίματον σφετέρην ἐς γαστέρ' ἀμῶνται* (Hesiod. Theog. 599), т. е. „чужой трудъ они пожинаютъ для собственного чрева“.

18. У грековъ была довольно распространенная поговорка: *Δῶρα θεοῦς πείθει καὶ αἰδοίους βασιλῆας*—„дары прельщаютъ боговъ и почтенныхъ царей ²⁾“. Стихъ этотъ съ легкимъ измѣненіемъ приводитъ Платонъ, но безъ указанія имени автора (Plat. ger. III p. 390 E); только у позднѣйшихъ писателей встрѣчается указаніе, что стихъ этотъ принадлежитъ Гесиоду (Suid. и Macar. III 43), и на этомъ основаніи въ новѣйшихъ изданіяхъ онъ помѣщается въ числѣ фрагментовъ Гесиода ³⁾. Но у Макарія въ сказанномъ мѣстѣ, также въ лексиконѣ Свида (II 2 p. 251), наконецъ, въ небольшомъ сборникѣ московской синодальной бібліотеки XV вѣка, напечатанномъ проф. Ернштедтомъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1893, кн. 4), находится только вариантъ: *Δῶρα καὶ θεοῦς πείθει* (или *ἐπεισε*) въ соотвѣтствіи съ Eurip. Med. 964: *πείθειν δῶρα καὶ θεοῦς λόγος* (scil. *ἐστίν*). Другой вариантъ приведенъ проф. Ернштедтомъ изъ Nosti fr. 8 (*Kinkel* p. 56): *Δῶρα γὰρ ἀνθρώπων νόον ἤπαφεν ἠδὲ καὶ ἔργα* ⁴⁾, по конъектурѣ Наука: *δῶρα γὰρ ἀθανάτων νόον ἤπαφεν ἠδ' ἀνθρώπων*—„дары ослѣпляютъ (обманываютъ) умъ боговъ бессмертныхъ и людей“, что соотвѣтствуетъ одному мѣсту у Овидія: *Munera (crede mihi) capiunt hominesque deosque* (Ov. art. am. III 653). Но ни одинъ изъ этихъ вариантовъ

¹⁾ Diog. II 75; Suid. I 238; Macar. I 81; Apost. II 37 и 51; параллельныя выраженія см. у Diog. II 62; Greg. Cyr. I 55; Macar. I 78; Apost. II 24 и 29.

²⁾ Diog. IV 21; Suid. I p. 1448; Greg. Cyr. II 18, cod. Mosq. II 83; Apost. VI 42.

³⁾ Hesiod. frgm. CXXVII ed. *Lehrs*; Epic. Gr. frgm. ed. *Kinkel* Lips. 1877, fr. 236 p. 175.

⁴⁾ Такъ и у Климента Александрійскаго: Strom. VI 2, p. 264 Syll.

пословицы съ ея языческимъ политеизмомъ не могъ перейти къ намъ безъ поправки, которая бы сдѣлала ее болѣе удобною для заимствования; такую поправку мы находимъ въ Коаленовомъ кодексѣ XIV вѣка, представляющемъ сокращеніе лексикона Свида и напечатанномъ впервые Gaisford-омъ: здѣсь рядомъ съ обыкновенной редакціей пословицы прибавленъ варіантъ: δῶρα καὶ σοφοῦς (вмѣсто θεοῦς) παρῆ-παφεν¹⁾, что буквально соотвѣтствуетъ нашей пословицѣ: *дары и мудрыхъ осмѣляютъ* (Даль II 363); книжный характеръ этой пословицы, свидѣтельствующій, что источникъ ея не народная мудрость, а ученая цитата, ясно виденъ въ сравненіи съ чисто народной редакціей той же пословицы: *подарки глаза запорашиваютъ*²⁾.

III. Солонъ.

19. Одна изъ древнихъ гномъ, приписываемыхъ Солону, нѣсколько напоминаетъ нашу поговорку: ~~много будешь знать—скоро состарьешься~~ (Даль 627); мы разумѣемъ его знаменитое изрѣченіе: Ἡγήσχω δ' αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος (Th. Bergk Poet. Iyr. Gr. II p. 427): „я старѣю, постоянно приобрѣтая новыя знанія“. Что русская поговорка, иронически относящаяся къ молодымъ людямъ, желающимъ знать вещи, не соотвѣтствующія ихъ возрасту, представляетъ передѣлку греческой³⁾, этого, конечно, нельзя утверждать; но нѣкоторое основаніе для такого предположенія мы усматриваемъ въ большомъ распространеніи и популярности греческой сентенціи: литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ могло быть сдѣлано заимствование, очень много⁴⁾. Изъ латинскихъ авторовъ Цицеронъ пользуется изрѣченіемъ

¹⁾ Cf. Schneidew. not. crit. ad Diogen. IV 21. Поправка сдѣлана, можетъ быть, на основаніи Второзак. 16, 19, или Сир. 20, 29.

²⁾ Даль III 162. Славянскія паралели (чешск., польск. и серб.) приведены у Челяк. 48.

³⁾ Если мы вмѣсто темпоральной допустимъ условную или причинную связь между предложеніями, то получится почти тотъ же оборотъ мысли, что и въ нашей поговоркѣ: πολλὰ διδασκόμενος (τάχα) ἡγήσεται (—σῆ, —σει).

⁴⁾ Напр. Plat. Anterast. p. 133 C; rep. VII p. 536 D; Lach. pp. 188 B, 189 A; далѣе Plut. Sol. 2; Dio Chrysost. or. 18 и пареміографы: Zenob. III 4; Diogen. III 80; Suid. I 1102; Greg. Cyr. cod. Leid. I 79, cod. Mosq. II 69; Apost. V 40.

Солона (de sen. 8 § 26 и 14 § 50), также Валерій Максимъ (VIII 7, 14) и другіе. Что греческая поговорка въ русской передѣлкѣ получила ироническій характеръ, это вполне соответствуетъ понятіямъ народа, который, называя ученье свѣтомъ, а неученье тьмою, въ тоже время не жалуется большой учености и многознанія, противоположаемыхъ природному уму и смысленности¹⁾, въ соответствіи съ другимъ знаменитымъ изрѣченіемъ, приписываемымъ философу Гераклиту: *πολομαθία νόον οὐ διδάσκει*²⁾.

IV. Хилонъ.

20. Въ нашей и, вѣроятно, въ другихъ литературахъ очень распространена латинская поговорка—*de mortuis aut bene, aut nihil* (*nil nisi bene*), авторъ которой неизвѣстенъ; не можетъ она похвалиться и древностью, такъ какъ не встрѣчается въ римской литературѣ и неизвѣстна даже Еразму, который популяризировалъ греческія сентенціи на Западѣ въ своихъ латинскихъ версіяхъ. Но благодаря своей общей распространенности, латинская поговорка вытѣснила національныя соответствующія поговорки, которыя, можетъ быть, и существуютъ, въ родѣ нѣмецкой—*Di Toten soll man ruhen lassen* „мертвыхъ нужно оставлять въ покоѣ“ (срвн. русск. *костями не шевели*, Даль IV 645), но очень мало извѣстны въ литературномъ языкѣ. Впрочемъ, мы имѣемъ поговорку—*о покойникѣ худа не молви* (Даль III 249, также *покойника не поминай лихо* III 280), которая представляетъ буквальное воспроизведеніе греческой—*τὸν τεθνῆχίτα μὴ καχολογεῖν*, считающейся въ числѣ сентенцій Хилона, одного изъ семи мудрецовъ (Diog. Laert. I 3, 70). Извѣстно, что Солону, другому греческому мудрецу, приписывается даже законъ, запрещающій

¹⁾ Наука учитъ только умнаго; не нуженъ ученый, а нуженъ смысленный; съ въ ученъ немногъ, да съ разумъ твердъ и т. п. (Даль 452, 460; II 341).

²⁾ A. Gell. N. A. praef. 12; Diog. Laert. IX 1.1; Stob. anthol. ed. Wachsm. II 229.

дурно отзываться объ умершихъ: Επαινεῖται δὲ τοῦ Σόλωνος καὶ ὁ κωλύων νόμος τὸν τεθνηκότα κακῶς ἀγορεύειν (Plut. vit. Solon. 21).

V. Эсопъ.

21. Ототрѣлъ змѣю за пазухой, или *выкормилъ змѣйку на свою шейку*¹⁾, говоримъ мы, разумѣя подъ змѣей человѣка, который за благодаренія плотить черною благодарностью. Происхождение нашей поговорки изъ греческихъ источниковъ не подлежитъ сомнѣнью, но литературная традиція ея неполна и неудовлетворительна. У пареміографовъ ея нѣтъ, только Апостолій приводитъ сентенцію: ὄφιν τρέφειν καὶ πονηρὸν εὐεργετεῖν ταῦτόν ἐστιν. οὐδέτερου γὰρ ἢ χάρις εὐνοίαν γεννᾷ (Apost. Arsen. XIII 79 а) и приписываетъ ее Плутарху; но если Плутархъ и писалъ что нибудь подобное, то писалъ, очевидно, подъ впечатлѣнiемъ известной басни Эсопа—'Οδοιπόρος καὶ Ἐχίς²⁾, и такимъ образомъ первоисточникъ нашей пословицы восходитъ къ глубокой древности: Эсопъ считался современникомъ Солона, а первое письменное изложеніе его басенъ было сдѣлано за 300 лѣтъ до Р. Хр. Что изъ Эсоповой басни рано возникли провербiальныя выраженія, показываютъ слѣдующіе стихи Теогида, жившаго однимъ столѣтiемъ позже Эсопа:

ἔρρε, θεοσίην τ' ἐχθρὲ καὶ ἀνθρώποισιν ἄπιστε,
ψυχρὸν δε ἐν κόλπῳ ποικίλον εἶχες ὄφιν,

по конъектурѣ Бергка:

ψυχρὸν σ' ἐν κόλπῳ ποικίλον εἶχον ὄφιν

(Theogn. 601 sq. Bergk II p. 525), т. е. „прочь, ненавидный богамъ и вѣроломный въ глазахъ людей! Какъ пеструю холодную змѣю, я отогрѣлъ тебя за пазухой“. Кроме того, слѣды греческой пословицы можно найти въ испорченномъ текстѣ ямбографа III вѣка до Р. Хр. *Герода* или *Геронда* (VI 102 ed. Bueschel.)³⁾. Но у римскихъ

¹⁾ Даль I 710, ср. выраженіе *пазушная змѣя* у Даля I 690.

²⁾ Fabulae Aesopicae ed. ster. Lips. 1829. № 130, cf. Phaedri fab. IV 18 Homo et Colubra.

³⁾ Cf. C. Weyman Zu d. Sprichwörtern . . d. Römer. Archiv f. lat. Lex. u. Gramm. 1892, 1.

писателей мы находимъ вполне сложившуюся поговорку, именно у Цицерона: *in sinu-viperam venenatam ac pestiferam habere* и Петронія: *viperam sub ala nutricas*¹⁾, но наша поговорка все-таки ближе къ своему первоисточнику, такъ что ее можно передать словами самого баснописца: ἐδέριμανεν ἔχιν ἐν τῷ ἑαυτοῦ κόλπῳ, у Фэдра; *colubram—sinu fovit*.

22. Собака на спянь, полнѣе: какъ собака на спянь: и сама не ѣсть, и другимъ не даетъ (Даль 91 и 746). Греки въ томъ же смыслѣ говорили: κῶων ἐπὶ (ἐν) φάτνῃ—„собака у ясель“, или „въ ясляхъ“. Первоначальный источникъ пословицы—басня Эсопа подъ тѣмъ же заглавіемъ—Κῶων ἐν φάτνῃ (ed. ster. 1829 № 404); затѣмъ она встрѣчается у Лукіана (Tim. 14; adv. ind. 30) и въ сборникахъ пареміографовъ²⁾. У римлянъ не было этой пословицы: по крайней мѣрѣ, она не встрѣчается у латинскихъ писателей; латинская версія—*canis in praesepi* принадлежитъ Еразму (adag. I 10, 13). Изъ новыхъ народовъ ее сохранили, кромѣ русскихъ, чехи, поляки и болгары (Челяк. 55). Французы въ томъ же смыслѣ говорятъ: *le chien du jardinier*.

23. Наша пословица—*свои грѣхи за собою, чужіе передъ собою* (Даль I 413) какъ будто прямо взята изъ Сенеки: *aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt* (Sen. de ira II 28, 8). Источникъ пословицы—извѣстный апологъ Эсопа о двухъ сумкахъ (Πῆραι δύο № 407) слѣдующаго содержанія: „каждый человѣкъ носить двѣ сумки, одну спереди, другую сзади; и та и другая наполнена пороками, но передняя чужими, а задняя своими; и потому люди не видятъ собственныхъ пороковъ, но отлично замѣчаютъ чужіе“³⁾. У римскихъ поэтовъ нрѣдко встрѣчается намекъ на тѣже сумки, напр. Catull 22, 21 *sed non videmus, manticae quod in tergo est*⁴⁾. Иначе выражается таже мысль въ Евангеліи Мате. 7, 5; Лук. 6, 42.

¹⁾ Cic. de harusp. resp. 24, § 50; Petron. 77.

²⁾ Diog. Vind. II 83; Suid. I 1 p. 831 и II 463; Greg. Cyr. II 61; Macar. IV 43 и V 34; Apost. VIII 44.

³⁾ Phaedri fab. Lips. 1790 IV 9; Babr. fab. Boisson. Paris. 1844 № 66.

⁴⁾ Cf. Hor. sat II 3,299; Pers. IV 24 и Hieron. ep. 102,2.

24. Выраженіе—~~лебединая пѣсня~~ (*der Schwanengesang, le chant du cygne*) въ смыслѣ послѣдней, предсмертной пѣсни (Даль 539) вошло въ новѣйшіе языки съ греческаго: у грековъ была поговорка; κίχνηιον ᾄσμα, или κίχνηιον μέλος, употреблявшаяся въ томъ же смыслѣ¹⁾, у латинскихъ писателей *cygnea vox*. Поговорка возникла изъ повѣрья, будто лебеди поютъ передъ смертью; самое же повѣрье существовало уже въ глубокой древности: древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ находится въ баснѣ Эзопа—Κίχνος (ed. ster. 1829 № 288): Τοὺς κίχνοὺς φασὶ παρὰ τὸν θανάτου ᾄδειν, т. е. „говорять, что лебеди поютъ передъ смертью“; затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ свидѣтельствъ (въ хронологическомъ порядкѣ)—Эхила (Agam. 1444), Платона (Phaed. XXXV р. 84 E и 85 B), Поливія (XXX 4, 7), Цицерона (Tuscul. I 30 § 73 и de orat. III 2 § 6), Овидія (met. XIV 430), Сенеки (Hippolyt. 302), Марціала (XIII 77), Плутарха (s. s. conv. sar. 18 р. 161 C), Апулея (Florid. III num. 17), Филострата (Apoli. Туап. III 49 ed. Кауз. I р. 121), Эліана (de nat. ап. V 34) и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, напр. блж. Иеронима (ер. 60, 1)²⁾. Платонъ и за нимъ Цицеронъ (въ вышепоказанныхъ мѣстахъ) говорятъ, что лебедь, какъ птица, посвященная Аполлону, обладаетъ даромъ предвидѣнія будущаго и поетъ передъ смертью, предвкусывая блаженство загробной жизни (τὰ ἐν ᾄδου ἀγαθά). Въ связи съ этимъ находится очень древнее вѣрованіе, будто человѣкъ передъ смертью получаетъ даръ предвидѣть и предсказывать будущее³⁾. Откуда и какимъ путемъ поговорка—*спѣть лебединую пѣсню* перешла къ намъ, неизвѣстно.

25. Черепаха съ зайцемъ въ спорѣ о быстротѣ ногъ одинаково фигурируютъ какъ въ нашей, такъ и въ греческой пословицѣ. У насъ говорится: *черепашка съ зайцемъ навывпередки пошла* (Даль 931),

¹⁾ Diogen. V 37 ἐπι τῶν ἐγγύς θανάτου καὶ τὰ τελευταῖα φεγγομένων. Greg. Curg. II 78; Масар. V 40; Apost. X 18.

²⁾ См. еще V. Szelinsky Nachträge und Ergänzungen zu Otto (Iena 1892), p. 7.

³⁾ Hom. II. XVI 851 sqq. XXII 355—360; Plat. apol. 30 р. 39 C; Cic de divin. I 30 § 64.

а греки, чтобы обозначить чтонибудь невозможное, говорили: *πρότερον χελώνη παραδραμεῖται δασύποδα*,¹⁾ т. е. „скорѣе черепаха обгонитъ зайца“. Что пословица произошла изъ басни Эсопа — *Χελώνη καὶ Λαγῶς* (Fab. Aesop. ed. ster. № 173), не подлежитъ сомнѣнію. Но литературная традиція пословицы, — мы разумѣемъ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы догадываться о томъ, какимъ путемъ она перешла къ намъ, неизвѣстна. Цитата изъ Либанія (греч. софиста IV в. по Р. Хр.), приводимая Шнейдевиномъ къ Diog. VII 57, по этому вопросу не имѣетъ для насъ никакого значенія. Можно замѣтить только, что по способу выраженія наша пословица приближается скорѣе къ первоначальному источнику, — Эсопу, у котораго черепаха сама вызывается на состязаніе съ зайцемъ (*ἐγὼ τὸν ταχὺν σε ἐν δρόμῳ νικήσω*), чѣмъ къ позднѣйшей редакціи, въ которой пословица приводится Діогеніаномъ и Апостолиемъ.

26. *Волка въ пастухи поставили; нанялся волкъ въ пастухи; волкъ овцу пасетъ* (Даль 634; I 236) — такія поговорки встрѣчаются уже въ древности и, какъ кажется, ведутъ начало изъ Эсоповой басни *Λύκος καὶ Ποιμήν* (№ 105), въ которой пастухъ, отправляясь въ городъ, поручилъ волку стеречь стадо. Отсюда, вѣроятно, произошли поговорки, употреблявшіяся для выраженія чегонибудь противуестественнаго, невозможнаго: *λύκος καὶ οἶν ποιμαίνει*, или *πρὶν κε λύκος οἶν ποιμαίνη*, „т. е. скорѣе волкъ будетъ пасти овцу“, или просто *λύκος ποιμήν* (Diog. V 96; VII 63; Apost. X 96 в). У римскихъ писателей также встрѣчаются подобныя выраженія, напр. у Плавта: *lupos apud oves linguere—custodes*, Цицерона: *o graeculatum custodem ovium, ut ajunt, lupum* и Овидія: *credis ovile lupo*, „довѣряешь овчарню волку“²⁾.

27. Мысль, что бѣдствія и страданія служатъ для людей урокомъ и представляютъ хорошую школу, древніе выражали во многихъ сентенціяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ глубокой древ-

¹⁾ Diog. VII 57, cod. Vind. III 63; Suid. I p. 1177 и II 2, 493; Apost. XIV 88 cf. V 82.

²⁾ Plaut. Pseud. 140—141; Cic. Phil. III 11, 27; Ov. art. am. II 346.

ности. У насъ эта мысль выражается, между прочимъ, поговоркой: *что мучитъ, то и учитъ* (Даль 210), прототипы которой можно найти у Эсопа: *πολλάκις τὰ παθήματα τοῖς φρονίμοις γίνεται μαθήματα*, (Aesop. fab. ed. ster. № 164), т. е. „страданія нерѣдко служатъ для умныхъ людей урокомъ“, далѣе—у Эсхила (Agam. 177), Геродота (I 207), Ксенофонта (Сугор. III 1, 17) и другихъ. Наша поговорка болѣе приближается въ сентенціямъ, встрѣчающимся въ византійскихъ источникахъ: въ стихотвореніи *Михаила Глики* (XII в.) находится стихъ: *ἀφ' ὧν ἡμεῖς ἐπίδομον, ἐμάθομεν ἀρχούντως*¹⁾, т. е. „чѣмъ мы поучились, тѣмъ достаточно научились“, тоже у Apost. XIII 90 *Ἐξ ὧν ἐπαθεῖς, ἐμαθεῖς*, cf. Масар. III 44.

28. Въ басни Эсопа *Ἦς καὶ Κύων* (№ 186) собака хвастаетъ предъ свиньей тѣмъ, что она скоро производитъ дѣтенышей; на это свинья замѣчаетъ: „но за то ты рожаетъ слѣпыхъ“. Нравоученіе басни: дѣла или вещи нужно цѣнить не по скорости, съ какою они произведены, а по ихъ законченности и степени совершенства. Отсюда произошла пословица—*κύων σπεύδουσα τυφλὰ τίχτει*—„собака (сука) въспѣдствіе поспѣшности мечетъ слѣпыхъ“. Она встрѣчается у Аристофана²⁾ и Галена и вошла въ сборники Макарія, Апостолія и Еразма³⁾; далѣе, она находится у Плянуда (№ 51) и КрUMBахера (№ 16) и до настоящаго времени сохранилась у грековъ въ нѣсколькихъ вариантахъ. У насъ также говорится: *собака скоро рождаетъ, да слѣпыхъ*, или: *наскорь слѣпыхъ рожаютъ* (Даль 614; IV 234), и малорусская пословица гласитъ: *это скоро робить, той слѣпыхъ родить*⁴⁾. Народная мудрость осуждаетъ поспѣшность или торопливость, при которой неизбежны ошибки и результатомъ которой бываетъ незаконченное произведе-

¹⁾ К. Krumbacher, *Mittelgriech. Sprichw.* S. 55 sq.

²⁾ Arist. Pax 1078 *χὴ κώων ἀκαλανθῆς ἐπαγομένη τυφλὰ τίχτει*, гдѣ, впрочемъ, подъ *ἀκαλανθῆς* нѣкоторые разумѣютъ какую-то птицу (щегленка?), см. Schol. и Suid. I 149 *εἶδος ὀρνέου· ἢ ὁ κύων (!)*.

³⁾ Масар. V 32, гдѣ см. прим. Лейча съ цитатой изъ Галена; Apost. X 23; Erasmus. II 2, 35: *Canis festinans caecos parit catulos*.

⁴⁾ Челяк. 258; *М. Номиса* Украинські приказки, прислів'я и таке инше. Спб. 1864 № 5575.

ніе, какимъ представляются слѣпорожденные. Что нынѣшніе греки сохранили пословицу—наслѣдіе своихъ предковъ, неудивительно; но могло ли у насъ, независимо отъ греческихъ источниковъ, возникнуть такое странное представленіе, по которому рожденіе слѣпыхъ является результатомъ поспѣшности?

29. Наша пословица—*не ноги кормятъ (носятъ) брюхо, а брюхо—ноги* (Даль 328) составлена по типу одной изъ пословицъ Плянуда: Ἡ κοιλία βαστάζει τὰ γόνατα (Planud. 182), т. е. „брюхо носить колѣни“; но первоначальный источникъ пословицы—басня Эсопа—Κοιλία καὶ Πέδες (№ 286), въ которой желудокъ и ноги спорятъ о силѣ, и когда ноги хвастали силою, говоря, что онѣ носятъ желудокъ, послѣдній возразилъ: „но если я не стану васъ кормить, то вы и себя самихъ не въ состояніи будете носить“. У другихъ пареміографовъ, кромѣ Плянуда, этой пословицы нѣтъ; встрѣчаются только родственныя по смыслу изрѣченія, напр., слѣдующіе стихи неизвѣстнаго поэта:

Ἄνδρὸς γέροντος αἱ γνάθοι βακτηρία¹⁾
и Πεινῶντος ἀνδρὸς ἰσχνὰ τέκτικνήματα²⁾.

Первый стихъ—„старика челюсти поддерживаютъ (челюсти—посохъ)“, если не обращать вниманія на превратное толкованіе пареміографовъ (ἐπὶ τῶν πρὸς τὸ γῆρας πολλὰ ἐσθιόντων Diog., также Suid. I 391, cf. Etasm. II 6, 15), имѣетъ ясный смыслъ; пока челюсти (т. е. зубы) служатъ, старикъ держится на ногахъ. Со вторымъ стихомъ—„у голоднаго челоуѣка голени слабы“ можно сравнить новѣйшія поговорки (итальянскія, нѣмецкія и турецкія), приведенныя Крумбахеромъ (S. 254—255), выражающія ту же мысль аллегорически: „пустой мѣшокъ не стоитъ прямо“; и у насъ говорится: *пустъ мѣшокъ стоять не будетъ* (Даль III 561)

30. Пословица—*Μία χελιδὼν ἕαρ ὁ ποιεῖ* т. е. „~~одна ласточка не дѣлаетъ весны~~“ принадлежитъ къ очень распространеннымъ и ведетъ начало изъ классической древности. Она находится въ тѣсной

¹⁾ Diogen. I 78; Greg. Cyr. I 58; Masar. II 5.

²⁾ Masar. VII 16; Mant. provv. II 56.

связи съ содержаніемъ басни Эсопа—Νέος ἄσπυτος καὶ Χελιδών, въ которой разсказывается про расточительнаго юношу, промотавшаго отцовское имѣніе; когда у него остался одинъ плащъ, онъ и его продалъ, увидѣвъ первую ласточку, но надежда на скорое возвращеніе весны его обманула, и онъ жестоко поплатился, такъ какъ настали опять морозы, да и сама ласточка погибла (Fab. Aes. ed. ster. 1829 № 123). Пословица сама собою вытекаетъ изъ басни, или, можетъ быть, самая басня написана на тему, представляемую пословицей. Послѣдняя встрѣчается впервые у Кратина, писателя древней комедіи¹⁾; ея объясняются слова Аристофана: δεῖσθαι δ' εἰσεν οἶκ ὀλίγων χελιδόνων (Arist. Av. 1417)—„онъ, повидимому, нуждается не въ одной ласточкѣ (non paucis hirundinibus egege videtur“), т. е, онъ нуждается въ веснѣ или теплѣ: рѣчь идетъ о сикофантѣ, на которомъ старый хитонъ (ср. схоли въ этому мѣсту). Далѣе, пословицу приводятъ Аристотель (Ethic. Nicom. I cap. 6 или 7 § 16), Либаній, Юліанъ и другіе (см. Schneidew. ad. Zenob. V 12). Позднѣе она вошла во всѣ почти сборники (Zenob. V 12; Suid. II 845; Greg. Surr. III 11; Масар. VI 1; Apost. XI 63). У римлянъ не было этой пословицы; латинская версія *una hirundo non facit ver* позднѣйшаго происхожденія (Erasm-adag. I 7, 93). Въ новогреческой пословицѣ мѣсто ласточки занимаетъ кукушка (Ktumbach. S. 206), но въ итальянской, венеціанской, испанской, нѣмецкой и въ многочисленныхъ славянскихъ (Челяк. 290; Ном. 5271) удержалась ласточка. Наша пословица—*одна ласточка не дѣлаетъ весны* имѣетъ книжный характеръ, но простой народъ знаетъ другую пословицу: *одной ласточкѣ* (первой касаткѣ) *не вѣрь* (Даль 733),—еще холодъ будетъ.

31. Наша поговорка—*плясать по чьей либо* (*по чужой дудкѣ*) (Даль I 514) означаетъ: дѣйствовать не по собственной волѣ, а по произволу другаго, вообще подчиняться кому, особенно по неволѣ. Нѣмцы также говорятъ: *Nach Iemandes Pfeife tanzen sollen.*

¹⁾ Bothe Poet. com. Gr. frgm. Paris 1855 p. 12; Th. Kock Com. att. frgm. Lips 1880. I p. 22.

Подобное выраженіе находится въ Евангеліи: ἠΰλησαμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ὤρχησασθε— „мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали“, т. е. не хотѣли внимать намъ и исполнять нашу волю¹⁾. Въ про- вербiальномъ характерѣ этого выраженiя едвали можно сомнѣваться. Затѣмъ мы не имѣемъ никакихъ литературныхъ слѣдовъ существова- нiя пословицы, кромѣ одного разсказа у Геродота и басни Эсона, ко- торыя могли послужить источникомъ этой пословицы. По словамъ Геродота, Киръ Старшій послѣ покоренiя лидянъ, когда мало-азiятскіе греки, которыхъ онъ прежде тщетно пытался склонить на свою сторону, изъявили готовность также подчиниться ему на извѣстныхъ условiяхъ, разсказалъ имъ басню (λόγον=apologum, fabulam): одинъ флейтистъ, желая наловить рыбы, сталъ играть на флейтѣ въ ожиданiи, что рыба сама выйдетъ на берегъ; но обманувшись въ своей надеждѣ, онъ за- кинулъ сѣть и вытащилъ множество рыбы; видя, какъ она бьется въ сѣтяхъ, онъ сказалъ: „перестаньте плясать; когда я игралъ на флей- тѣ, вы не хотѣли послушать меня и выйти на берегъ, чтобы попля- сать“ (οὐδ' ἐμέο ἀλλέοντος ἠθέλητε ἐκβαίνειν ὄρχεόμενοι Herod. I 141). Басня эта приписывается Эсопу, у котораго она носитъ заглавіе Ἀλι- εὺς, а у Вабрiя Ἀλιεύς ἀλλῶν, т. е. рыбакъ, играющій на флейтѣ. Мѣсто, соотвѣтствующее евангельскому, у Эсона изложено такъ: ὅτε μὲν ἠΰλουον, οὐκ ὤρχεσθε (Fab. Aes. № 34; Vabr. fab. 9), что можно перевести кратко: „вы не хотѣли плясать по моей дудкѣ“ (когда я игралъ). Имѣетъ ли современная поговорка какую нибудь связь съ этими древнѣйшими источниками, трудно сказать за неимѣнiемъ сви- дѣтельствъ въ другихъ, посредствующихъ литературныхъ источникахъ.

32. Пословица— гора мышъ родила²⁾, извѣстная и въ другихъ языкахъ, ведетъ начало изъ Эсоповой басни, которая, однако, намъ извѣстна только въ передѣлкѣ Фѣдра: *Mons parturiens*³⁾. Самымъ

¹⁾ Ев. Мате. 11, 17; Лук. 7, 32; см. въ Толковомъ Евангеліи Архим. Михаила. М. 1877, т. I стр. 213 объясненіе Св. Иоанна Златоуста.

²⁾ У Дала 561 отнѣчена, какъ переводная; нѣм. *Der Berg hat eine Maus geboren*; франц. *C'est la montagne qui a enfanté une souris*.

³⁾ *Mons parturibat, gemitus immanes ciens Eratque in terris maxima expec- tatio. At ille murem peperit. Phaedri fab. Lips. 1790, IV 22.*

раннимъ писателемъ, у котораго приводится пословица, является Гораций: *parturiunt montes, nascetur ridiculus mus* (Нор. ер. II 3, 139; но уже Порфиріонъ замѣчаетъ: *graecum hoc proverbium est ὠδινεν ὄρος, τὸ δ' ἔτεχε μῦν*. Въ такой же формѣ приводится пословица и у пареміографовъ: *ὠδινεν ὄρος, εἴτα μὲν ἀπέτεχεν* съ объясненіемъ: *ὅταν ἐλπίσας τις μεγάλα μικροῖς ἐντίχη* (Diog. VIII 75; Greg. Cyrp. IV 5; Masar. VIII 94; Apost. XVIII 57); у Лукіана только: *ὠδινεν ὄρος*, у Авеня: *ὠδινεν ὄρος, Ζεὺς δ' ἐφοβέτο, τὸ δ' ἔτεχεν μῦν*¹⁾. Интересный рассказъ мы находимъ у Плутарха: когда Агесилай съ наемнымъ войскомъ пріѣхалъ въ Египетъ на помощь царю Таху, государственные чины, при громадномъ стеченіи публики, собрались на берегъ для встрѣчи спартанскаго царя и знаменитаго полководца, наполнившаго міръ славою своихъ подвиговъ. И что же они увидѣли? Прежде всего ихъ поразило отсутствіе всякаго блеска и роскоши; затѣмъ они съ удивленіемъ увидѣли маленькаго и тщедушнаго старичка, въ плохомъ плащѣ лежавшаго просто на травѣ, и со смѣхомъ привели пословицу: *ὠδινεν ὄρος, εἴτα μὲν ἀπέτεχεν* (Plut. Ag. 36). Замѣтимъ еще, что пословицу цитируетъ по Горацию блаж. Іеронимъ (adv. Iovinian. I 1 p. 238 Vall.).

33. Онъ изъ пещу веревки вьетъ (Даль 89 и 456), говорится у насъ о скрагѣ, умѣющемъ изъ всего извлекать пользу. У грековъ также была поговорка: *ἐξ ἄμμου σχοινίον πλέκειν*²⁾. Кромѣ позднѣйшихъ пареміографовъ, поговорка встрѣчается въ небольшомъ сборникѣ пословицъ, приписываемыхъ Эсопу³⁾ и, такимъ образомъ, начало ея относится къ отдаленной древности, если только эти пословицы принадлежатъ знаменитому баснописцу. Изъ римскихъ писателей поговорку эту приводятъ одинъ Колумелла, писавшій о сельскомъ хозяйствѣ въ I вѣкѣ по Р Хр.: *quod ajunt Graeci, ex incomprehensibili parvitate arenae funis effici non possit*⁴⁾. Интересно, что витье вере-

¹⁾ Luc. Q. m. hist. conscrib. 23; Athen. XIV 616 D.

²⁾ Suid. I 2 p. 293; Greg Cyrp. cod. Mosq. III 46; Masar. III 97 и Apost. VII 50.

³⁾ Aesop. provv. 10 въ Corp. paroem. Gr. II p. 229.

⁴⁾ Colum. de r. r. X praef. 4.

вокъ изъ песку извѣстно въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ, какъ задача, къ которой прибѣгаютъ чародѣи, и встрѣчается въ старинной повѣсти „объ Акирѣ премудромъ“, какъ задача, предложенная Акиру фараономъ¹⁾.

VI. АлкэЙ.

34. Нѣкоторыя наши пословицы, касающіяся вина и его дѣйствія на человѣка, вполне соотвѣтствуютъ греческимъ. Древнѣйшая изъ нихъ—*вся правда въ винѣ* (Даль III 391), извѣстная и въ другихъ языкахъ, встрѣчается уже въ одномъ изъ фрагментовъ *Алкэя*, жившаго за 600 лѣтъ до Р. Хр: *Οἶνος, ὃ φίλεται καὶ ἀλήθεια* (Alc. frgm. 57 Th. Bergk III 948). Подобныя выраженія можно указать у Теогида, Теокрита и другихъ (cf. Athen. II p. 37 E). Пареміографы даютъ два выраженія: *Οἶνος καὶ ἀλήθεια* съ объясненіемъ: *ἐπί τῶν ἐν μῆθῃ ἀλήθειαν λεγόντων*²⁾ и *Ἐν οἴνῳ ἀλήθεια* (Zenob. IV 5; Diog. IV 18 и Apost. VII 37). Изъ римскихъ авторовъ наиболѣе подходящее къ греческому выраженію находится у Плинія Старшаго: *vulgo veritas attributa vino est.* (Plin. H. N. XIX 28). Другія пословицы, имѣющія отношенія къ вину, см. подъ № № 196, 235 и 257.

35. Въ смыслѣ нашей пословицы—*знать звѣря по когтямъ* (Даль II 130, IV 540) греки говорили: *Ἐξ ὀνύχου (ἐκ τῶν ὀνύχων) τὸν λέοντα* (Diog. V 15; Масар. III 95; Apost. VI 93), т. е. „(знать) льва по когтямъ“. Глубокая древность этого изрѣченія засвидѣтельствована Плутархомъ, который приписываетъ его Алкэю (Plut. de def. орас. 3; Alc. frgm. 112 Bergk p. 959). Кромѣ указанныхъ пареміографовъ, пословица приводится, или только подразумѣвается у нѣкоторыхъ авторовъ, напр. у Лукіана (Hermot. 55), Филострата, (Vit. Apoll. Туап. I 32, p. 40, ed. Kayser p. 33) и другихъ. Извѣстная латинская версія—*ex ungue leonem* позднѣйшаго происхожденія и не

¹⁾ А. Н. Лымина Очеркъ лит. ист. стар. пов. и сказ. русскихъ въ Уч. Зап. 2 Отд. Имп. Ак. Н. 1858 кн. IV, стр. 82.

²⁾ Diog. VII 28; Greg. Cyrp. III 23; Масар. VI 26; cf. Plat. Symp 217 E и Plut. vit. Artax. 15.

встрѣчается ни у классическихъ авторовъ, ни у Еразма въ числѣ его Adagia. Когда и какъ греческая поговорка перешла къ намъ, неизвѣстно; мы знаемъ только, что у Св. Димитрія Туштало, русскаго писателя и проповѣдника XVII вѣка, она встрѣчается въ словѣ на Рождество Христово въ буквальномъ переводѣ съ греческаго: „И нѣгдѣ приповѣствуется: *отъ ногтій познается левъ*“¹⁾.

VII. Пифагоръ.

36. У нашихъ крестьянъ (на Югѣ Россіи) существуетъ повѣрье, по которому огонь ножомъ разгребать грѣшно, или вообще не слѣдуетъ, а почему не слѣдуетъ, остается невыясненнымъ: повидимому, сознание мотивовъ или оснований этого повѣрья утратилось. Нѣчто подобное мы находимъ у древнихъ грековъ и римлянъ. Въ числѣ разныхъ предписаній Пифагора, которыя у писателей называются то σύμβολα, то даже ἀινίγματα (загадки), находится слѣдующее: πῦρ μαχαίρα μὴ σκαλεῖν, т. е. „огня ножомъ не разгребать“. Изрѣченіе это приводитъ Плутархъ (4 раза), Лукіанъ, затѣмъ два біографа Пифагора—Диогенъ Лаертскій и Порфирій, далѣе—Авеннэй (собств. цитируемый имъ какой-то Деметрій Византійскій), блаж. Иеронимъ, Апостолій—Арсеній и, наконецъ, Еразмъ. Мы намѣренно пропустили древнѣйшаго автора, Горация, котораго трудно объяснить мѣсто (sat. II 3, 275) стоять въ сторонѣ; но мы ниже возвратимся къ этому мѣсту. Плутархъ (vit. Num. 14), привелъ нѣкоторыя изъ пифагорейскихъ правилъ, прибавляетъ, что смыслъ ихъ былъ скрытъ отъ толпы²⁾. Въ другомъ мѣстѣ³⁾ онъ объясняетъ: πῦρ σιδήρῳ μὴ σκαλεῖν ἀντὶ τοῦ θυμοῦμενον μὴ ἐρεδίζειν, т. е. „огня жельзомъ не разгребать въ смыслѣ: не раздражать разгнѣваннаго“. Это объясненіе было принято

¹⁾ *Ив. Снегиревъ* Русскіе въ своихъ пословицахъ, I 94; о сочиненіяхъ Св. Димитрія см. у Филарета Обзоръ русск. дух. лит. Спб. 1884, стр. 263—265.

²⁾ Cf. Erasmi. adag. I 1, 2: Pythagorae symbola—oraculorum instar celebrata.

³⁾ De educ. puer. 17; ср. еще Quaest. Rom. 72 и De Is. et Os. 10.

всѣми послѣдующими выше перечисленными авторами¹⁾, за исключеніемъ Лукіана, который ограничивается ироническимъ упоминаніемъ загадочнаго изрѣченія (Luc. ver. hist. II 28). Обращаясь теперь къ упомянутому мѣсту Горация, мы видимъ, что здѣсь пиеагорейское правило приведено далеко не въ томъ смыслѣ, какой придается ему позднѣйшими толкователями. Гораций (въ лицѣ Дамасиппа), бичуя разные общественные недуги, какъ особые виды безумія или помѣщательства, и описывая, между прочимъ, крайности, въ которыя впадаютъ влюбленные, ихъ причуды, ребячество и глупость, прибавляетъ: *Adde cruorem Stultitiae, atque ignem gladio scrutare*, т. е. „къ глупости прибавь еще кровь и огонь *резреби мечомъ*“ (?). Далѣе приводится примѣръ какого-то Марія, убившаго сначала свою возлюбленную, а затѣмъ покончившаго съ собою, и спрашивается: „развѣ это не сумасшедшій?“ Толкователи не сомнѣваются, что Гораций имѣлъ въ виду известное правило Пиеагора — τὸρ μαχαιρὰ μὴ σκαλεβεῖν, и подѣ *ignis* разумѣютъ пылъ страстей, а подѣ *gladius*—убійство или пролитіе крови; такимъ образомъ, выраженіе—*ignem gladio scrutare* разсматривается какъ фигуральная замѣна предыдущаго выраженія—*adde cruorem stultitiae*²⁾. Можетъ быть, это толкованіе и правильно, но нельзя отрицать, что въ немъ чувствуется что-то недосказанное; во всякомъ случаѣ, традиціонное объясненіе—раздражать разгнѣваннаго, на основаніи горацианскаго мѣста, должно быть отвергнуто, какъ неподходящее. Можетъ быть, во времена Горация смыслъ этой формулы былъ уже не совсѣмъ ясенъ. Не находится ли пиеагорейское правило въ связи съ первобытными вѣрованіями, по которымъ огонь служилъ символомъ

¹⁾ Diog. Laert. VIII 1, § 17 sq. Porphyr. de vita Pythag. 42; Athen. X p. 452 D; Hieronym. apol. adv. libr. Ruf. III 39 p. 566 Vall: *ignem gladio ne fodias*. Iratum videlicet ét tumidum animum verbis maledicis ne lacessas. Apost. XI 5 a; Erasmi. adag. I, 1, 2 p. 16. Впрочемъ Еразмъ смѣшиваетъ пиеагорейское наставленіе съ пословицей Εἰς τὸρ ξαίρειν (Plat legg. p. 780 C), да и послѣднюю неправильно объясняетъ въ смыслѣ *ignem dissecare* (Adag. I 4, 55), см. Schneidew. ad. Zenob. V 27.

²⁾ Но лучше въ этихъ двухъ выраженіяхъ допустить градацію: *cruor*—нанесеніе ранъ, а *ignem gladio scrutare*—убійство. Отъ такихъ неопредѣленныхъ объясненій, какое даетъ, напр., Orelli, мѣсто Горация нисколько не выигрываетъ въ ясности; нѣкоторые толкователи совсѣмъ обходятъ темное мѣсто.

жизни¹⁾. и запрещеніе приближать къ огню ножъ или мечъ—орудіе смерти („разгребать огонь ножомъ“) не есть ли фигурально выраженное запрещеніе убійства (можетъ быть, не только человѣка, но и животныхъ,—извѣстно, что пифагорейцы воздерживались отъ животной пищи, что находилось въ связи съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ). Допустивъ это предположеніе, можно было бы установить связь между нашимъ повѣрьемъ и пифагорейскимъ правиломъ и понять, почему огонь ножомъ разгребать у насъ считается грѣхомъ.—Другое изъ предписаній Пифагора, не менѣе загадочное—*μη γεύεσθαι μελανούρων*—„не вкушай того, что имѣетъ черный хвостъ“, объясняемое Плутархомъ (de educ. puer. 17) въ смыслѣ: не имѣть общенія съ дурными людьми, встрѣчается въ числѣ чешскихъ поговорокъ, но въ другомъ смыслѣ: *Nezkousej toho, co ma ocas černy* (со zly konec bere) у Челяк. стр. 32. Еразмъ (I 1, 2 р. 15) приводитъ довольно темное толкованіе грамматика Трифона (временъ Августа), по которому *μη γεύεσθαι μελανούρων* значитъ *ψευδῆ λόγον μη προτεσθαι, τὸ γὰρ ψεῦδος ἐν τοῖς ἐσχατοῖς μέρεσι (?) μελαίνεται καὶ ἀμαυροῦται*. Онъ же упоминаетъ еще объ одномъ толкованіи, по которому подъ *μελάνουρος* будтобы разумѣется каракатица (*seria sputia*), испускающая изъ хвоста черную жидкость. Но если ужъ искать „чернохвостыхъ“ въ мірѣ животныхъ или птицъ, то скорѣе всего можно остановиться на *аистъ*, убійство котораго (и употребленіе въ пищу) и у нашихъ крестьянъ считается грѣхомъ, а въ древности въ нѣкоторыхъ странахъ каралось, какъ уголовное преступленіе (Plin. h. n. X 31).—Упомянемъ еще объ одномъ изъ символовъ Пифагора, именно: *Μη ζυγόν ὑπερβαίνειν*—„не переступай вѣсовъ, или черезъ вѣсы“. Плутархъ (de educ. puer. 17) объясняетъ это изрѣченіе въ смыслѣ: не нарушай справедливости²⁾ (вѣсы—символь справедливости). Но *ζυγός* или *ζυγόν* первоначально означаетъ коро-

¹⁾ Слѣды этихъ вѣрованій остались въ русскомъ языкѣ: (*кресить* или *кресать*, значитъ добывать огонь, а въ Сл. о П. Иг.—оживлять, *воскрешать*). Сюда же относится старинное уподобленіе жизни горячей свѣчѣ въ нашихъ и въ нѣмецкихъ сказаніяхъ. *Θ. Бу-славскъ*. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848, стр. 68—69.

²⁾ Cf. Hieron. apol. adv. libr. Ruf. III 39, p. 566 Vall. *stateram ne transilias id est, ne praeterregiare justitiam*.

мысло вѣсовъ (τάλαντον чашка вѣсовая), а у насъ въ Малороссіи, а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ Россіи крестьяне считаютъ чуть не грѣхомъ переступить чрезъ лежащее на землѣ обыкновенное коромысло, посредствомъ котораго носятъ тяжести на плечахъ. Представляетъ ли этотъ предразсудокъ случайное совпаденіе съ пифагорейскимъ правиломъ, или мы имѣемъ здѣсь дѣло съ давно отдѣлившимися другъ отъ друга обломками одного общаго повѣрья, мы не беремся рѣшить.

VIII. Гиппонактъ.

37. Многія наши поговорки про женщинъ, особенно изъ разряда тѣхъ, въ которыхъ проявляется свойственная грекамъ *μισογύνεια*, заимствованы изъ новой комедіи (см. № 101 и слѣд.); но одна изъ нихъ принадлежитъ очень древнему ямбическому поэту, *Гиппонакту*, жившему за 540 лѣтъ до Р. Х. Въ числѣ его фрагментовъ сохранилось двестише:

Δύ' ἡμέραι γυναῖκός εἰσιν ἤδισταί,
ὅταν γαμῆ τις κ' ἀμφέρη τεθνηχόαν¹⁾,

т. е. „два дня жена наиболѣе намъ мила бываетъ: когда женишься и и когда выносятъ ее (изъ дому) мертвую“. Наша поговорка представляетъ довольно близкій переводъ греческаго оригинала: *дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ* (Даль 399; I 548). Греческое двестише принадлежитъ къ очень рѣдкимъ въ литературѣ и извѣстно намъ только изъ двухъ сборниковъ—*Стобэя* (компилятора V вѣка по Р. Хр.) и Апостоля—*Арсенія*²⁾; изъ одного изъ этихъ сборниковъ заимствована наша поговорка, неизвѣстная, кажется, въ другихъ новѣйшихъ языкахъ.

IX. Теогнидъ.

38. Сознаніе слабости и ограниченности человѣческой природы, выразившееся въ извѣстной сентенціи — „ошибаться свойственно чело-

¹⁾ Hippon. fr. 29 (12) *Bergk Poetae lyr. Gr. II* (Lips. 1866) p. 760.

²⁾ Stob. Floril. 68, 8; Apost. VI 38 c.

вѣку“, или, какъ гласитъ русская поговорка, *ошибаться—человѣческое дѣло* (Даль II 653), замѣчается у очень древнихъ греческихъ писателей. Первые слѣды этой сентенціи находятся у Теогида, элегическаго поэта, жившаго за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Хр: онъ выражаетъ ту мысль, что не возможно сохранить ни съ кѣмъ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеній, если сердиться за всякую ошибку друзей, „такъ какъ ошибки неизбѣжны между смертными“—*ἀμαρτολαὶ γὰρ ἐν ἀνθρώποισιν ἔπονται Θνητοῖς* (Theogn. 327. Bergk p. 507). Гораздо яснѣе та же мысль выражена у Софокла; *Ἀνθρώποισι γὰρ τοῖς πᾶσι κοινόν ἐστὶ τοῦξαμαρτάνειν* (Soph. Ant. 1023 sq.) и Еврипида: *ἀμαρτεῖν εἰκὸς ἀνθρώπους* (Eurip. Hippol. 615). Киръ у Ксенофонта въ томъ же смыслѣ говорить: *τὸ γὰρ ἀμαρτάνειν ἀνθρώπους ὄντας οὐδὲν οἶμαι θαυμαστόν* (Xen. Cyrop. V 4,19), а Лукіанъ приписываетъ подобную сентенцію своему другу, философу Демонакту: *ἦγεῖτο γὰρ ἀνθρώπου εἶναι τὸ ἀμαρτάνειν* (Luc. Demon. 7); наконецъ, у Герода, ямбическаго поэта III вѣка до Р. Хр., встрѣчается выраженіе: *ἀνθρώπος εἶμι, ἤμαρτον* (Herod. V 27 ed. Buechel.). Какъ видно, это была любимая у грековъ сентенція, но у насъ она болѣе извѣстна въ латинской версіи Цицерона; *cujusvis hominis est errare* (Cic. Phil. XII 2, 5). Приведенная выше русская поговорка буквально соотвѣтствуетъ латинской сентенціи—*errasse humanum est*, встрѣчающейся у блаж. Иеронима (epist. 57, 12), изъ сочиненій котораго заимствованы и другія русскія поговорки.

39. Наше выраженіе—*онъ самъ для себя куетъ цѣпи* можно сравнить съ однимъ древнимъ гексаметромъ, приписываемымъ Теогиду: *Ὀδοῦς ἀνήρ, φίλε Κύρνε, πέδας χαλκεύεται αὐτῷ* (Theogn. 539 Bergk II p. 421). Подобное выраженіе встрѣчается еще у *Азонія*, римскаго поэта IV вѣка по Р. Хр: *sic vetus verbum jubet, Compedes, quas ipse fecit, ipsus ut gestet faber*¹⁾. Ср. № 192.

40. *Чужую пашню пахнетъ, а своя въ залежи* (Даль 682), говоримъ мы про человѣка, трудящагося за другихъ, а свое дѣло

¹⁾ Anson. Edyll. VII (Schenkl XXV) p. 115 ed Peiper.

оставляющаго въ сторонѣ; разумѣется, нашу поговорку можно примѣнить и къ мужу, покидающему свою жену и ухаживающему за чужою женою, — такой именно смысл имѣетъ двѣ классическихкія поговорки, греческая и латинская. Первая принадлежитъ Θεογνιδу:

Ἐχθαίρω — ἀνδρα μάργον,

Ὅς τὴν ἀλλοτρίην βούлет' ἄρουραν ἀροῦν

(Theogn. 581 sq. *Bergk* III p. 524) т. е. „ненавижу сластолюбца — мужа, готоваго пахать чужую пашню“¹⁾. Латинская поговорка, буквально соответствующая нашей, находится у Плавта: *Fundum alienum arat, incultum familiarem deserit* (Plaut Asin. 874), т. е. „чужую пашню пахать, а свою неспаханной (въ залежи) оставляетъ“.

Х. Епихармъ.

41. Извѣстная, кажется, на всѣхъ европейскихкія языкахъ²⁾ поговорка — рука руку моетъ (т. е. услуга за услугу) приписывается очень древнему писателю, именно, Епихарму, представителю дорическо-сицилійской комедіи, жившему за 500 лѣтъ до Р. Хр.: въ числѣ незначительныхъ фрагментовъ, уцѣлѣвшихъ отъ его комедій, находится это знаменитое изрѣченіе — Ἄ δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίθει³⁾. О принадлежности этого изрѣченія Епихарму мы имѣемъ два свидѣтельства, которыя, впрочемъ, нельзя назвать вполне авторитетными: одно находится въ псевдоплановскомъ діалогѣ Ἄξιόχος (p. 366 С, гдѣ, вмѣсто νίθει, нѣкоторые читаютъ χνίθει), а другое въ позднѣйшемъ сборникѣ пословицъ, — Апостолія-Арсенія: Ἄ δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίθει. Ἐπὶ χάρμῳ ἀπόφθεγμα κατὰ φιλαργύρων (Apost. I 36 а), т. е. „изрѣченіе Епихарма противъ людей корыстолюбивыхъ“ (?). Латинская версія — *manus manum lavat* встрѣчается у писателей сравнительно позднѣйшихъ

¹⁾ Это выраженіе напоминаетъ подобныя же метафоры у трагиковъ, сравнивающихъ сожителство мужа съ женою съ обработкой поля, или съ посѣвомъ.

²⁾ Славянскія параллели см. у Челяк. 86.

³⁾ *S. Fr. Lorenz* Epicharm. Berl. 1864 p. 274. Cf. Menandri monost. 543: Χεῖρ χεῖρα νίθει, δάκτυλοι δὲ δάκτυλος *A. Meineke* Fragmenta com. Gr. IV p. 355.

(I вѣка по Р. Хр.), именно, у Сенеки и Петронія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ свою поговорку¹⁾.

42. Слѣды нашей пословицы—*изъ одного дерева икона и лопата* (Даль 802) восходятъ къ глубокой древности. Въ одномъ сборникѣ пословицъ (App. provv. Coisl. 168) приводится стихъ: Ἐκ παντός ξύλου κλῆος γένοισ' ἄν καὶ θεόςъ съ объясненіемъ: „изъ одного матеріала можно сдѣлать что нибудь хорошее и дурное; дѣти одного отца могутъ быть различны, одинъ трусъ, другой храбрый“; слѣдов., древнее изрѣченіе объяснялось въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется наша пословица. Что стихъ этотъ, какъ думаютъ²⁾, принадлежитъ Епихарму, на это есть указанія у древнихъ пареміографовъ, которые, однако, приводятъ изрѣченіе въ сокращенномъ видѣ: Ἐκ παντός ξύλου κ'ῶφον γένοισ' ἄν и придаютъ ему другой смыслъ съ указаніемъ на Епихарма, какъ на источникъ³⁾. Нужно замѣтить, что κ'ῶφον и κλῆος—синонимы, означающіе колодку, надѣвавшуюся на шею преступникамъ. Таковы собственно языческіе прототипы позднѣйшей, византійской пословицы, которая перешла къ намъ въ буквальномъ переводѣ и впервые встрѣчается въ хроникѣ Кедрена (XI вѣка), влагающаго ее въ уста Императору Василию II (въ примѣненіи къ несходнымъ братьямъ): ἀφ' ἐνόςъ ξύλου καὶ σταυρόςъ καὶ πτόον⁴⁾, а затѣмъ въ сборникѣ Плянуда (№ 38): ἐκ ταύτοῦ ξύλου καὶ σταυρόςъ καὶ πτόον. Византійской пословицѣ буквально соответствуетъ малорусская: *з одного дерева и хрест, и лопата* (Ном. 8059).—Въ противоположномъ смыслѣ, сравнительно съ Епихармовымъ изрѣченіемъ, высказывался Пифагоръ: *non—ex omni ligno, ut Pythagoras dicebat, debet Mercurius exculpi*⁵⁾. Слова Пифагора сдѣлались пословицей, которая перешла въ

¹⁾ Sen. lud. de mort. Cl. 9: Noli mihi invidere, mea res agitur; deinde tu si quid volueris, invicem faciam: *manus manum lavat*. Cf. Petron. 46.

²⁾ *Schneidewin* къ Zenob. IV 7; *Lorenz*. Epicharm. p. 253.

³⁾ Zenob. IV 7; cf. Plut. provv. I 93; Greg. Cyr. cod. Mosq. II 100.

⁴⁾ См. *Ed. Kurtz* Zu den παροιμίαι δημόδεις (Philologus Bd. 49 Gött. 1891. S. 460), гдѣ приводятся и другіе византійскіе варианты.

⁵⁾ Apul. de magia cap. 43; (ed. Hildebr. Lips 1843, p. 311); cf. Iambl. de vita Pythag. 34 § 245.

западно-европейскіе и нѣкоторые славянскіе языки, но не проникла къ намъ. Итальянцы говорятъ: „не изъ каждаго дерева дѣлаются святыне“; нѣмцы: „не изъ каждаго дерева можно вырѣзать флейту“ (*Nicht aus jedem Holze kann man Pfeifen schneiden*), чехи: *ne z každého dřeva neb kamene sv. Vaclav*; сербы: *изъ свакогъ паня не може се светаиз изтесати* (Otto № 1098; Челяк. 213).

XI. Кратинъ.

43. Никто бы не могъ подумать, что русская пословица—безрыбы и ракъ рыба, на безлюдьи и Гома въ чести (и Гома дворянинъ) произошла изъ греческихъ источниковъ; а между тѣмъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Греки имѣли нѣсколько поговорокъ, въ которыхъ, *mutatis mutandis*, нельзя не узнать прототиповъ нашей пословицы; мы разумѣемъ слѣдующія поговорки:

Ἐν γὰρ ἀμυχανίῃ καὶ Καρχίνος ἔμμορε τιμῆς,

Ἐν δὲ διχοστασίῃ καὶ Ἀνδροκλῆς πολεμαρχεῖ,

т. е. при пуждѣ и *Ракъ* достигаетъ почести; а при внутреннихъ раздорахъ и Андрокль бываетъ полемархомъ“. У пареміографовъ (Zenob. III 77; Diogen. IV 55; Suid. I 2 p. 234; Масар. III 91; Apost. VII 16 и 39 b.) приводятся эти сентенціи безъ указанія на источникъ; мы можемъ привести нѣсколько мѣстъ изъ Плутарха, въ которыхъ встрѣчается таже пословица съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, именно:

Ἐν δὲ διχοστασίῃ καὶ ὁ πάγκρατος ἔλλαχε τιμῆς

(Plut. Lysandr. c. Sull comp. 1; Alex. 53; frat. am. 2), т. е. „во время междоусобій и отъявленные негодяи достигаютъ высокаго (почетнаго) положенія“. Но первоначальный источникъ ея гораздо древнѣе; по крайней мѣрѣ, второй изъ приведенныхъ гексаметровъ принадлежитъ древней аттической комедіи и приписывается Кратину (*Th. Kock. Com. att. frgm. Lips. 1880. I p. 129*). Древніе пареміографы примѣняютъ эти поговорки къ людямъ ничтожнымъ (ἐπί τῶν εὐτελέων), случайно достигавшимъ высокаго, незаслуженнаго положенія, т. е. толкуютъ ихъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употреб-

ляется и наша поговорка. Слово ἀρηχανία (недостатокъ орудій или средствъ, пригодныхъ для достиженія цѣли) отлично можетъ быть передано нашимъ словомъ „безлюдье“ въ смыслѣ недостатка способныхъ и дѣльныхъ людей, а отсюда и переводъ словомъ „безрыбье“, къ чему могло подать поводъ греческое слово Καρχίνος, нельзя считать слишкомъ отдаленнымъ или неумѣстнымъ. Если даже принять Καρχίνος за собственное имя¹⁾, то и тогда родство нашей пословицы съ греческою остается внѣ всякаго сомнѣнія; иначе трудно было бы объяснить, почему и у насъ, какъ у грековъ, въ одномъ и томъ же смыслѣ фигурируетъ *рыба*; притомъ же вполне возможно допустить, что греческое собственное имя потомъ стало употребляться какъ нарицательное; дѣйствительно, въ позднѣйшемъ сборникѣ (Apost.-Arg. VII 16 и 39 b), напечатанномъ прямо съ автографа, это слово употребляется, какъ нарицательное (κρχίνος).

44. Баранъ и овца всегда служили символомъ глупаго человѣка: ~~глупъ, какъ баранъ~~, говоримъ мы; и греки говорили: μωρότερος πρόβατου (Mac. VI 8). Такія поговорки очень древни; еще во фрагментахъ Кратина встрѣчается сравненіе глупаго человѣка съ овцой: Ὁ δ' ἡλίθιος ὡς περ πρόβατον βῆ βῆ λέγων βαδίσει (Bothe Poet. com. Graec. fragm. p. 13; Th. Rook I p. 25). У Аристофана одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ, что ему представилось собраніе барановъ, засѣдающихъ на Пниксѣ, разумѣя подъ баранами аэнянцъ²⁾. Диогенъ синопскій называлъ богатаго неуча бараномъ съ золотымъ руномъ (Diog. Laert. VI § 47). Катонъ Старшій сравнивалъ римлянъ съ овцами за ихъ стадные инстинкты (Plut. vit. Cat. M. 8). Изъ одного мѣста у Сенеки видно, что названіе *баранъ*, да еще *морской* (?) у древнихъ считалось оскорбительнымъ: Chrysippus ait quendam indignatum, quod illum aliquis *vervecem marinum* dixerat (Sen. de const. sap. 17; ср. у Petron. 57: *quid rides vervecem?*).

¹⁾ Фукидидъ (II 28) упоминаетъ о Каркинѣ, афинскомъ стратегѣ во время Пелопоннесской войны.

²⁾ Arist. Vesp. 31 sq. Cf. ego же Plut. 922 προβατίου βίον (ζῆν) и schol. ἀντί τοῦ μωροῦ καὶ ἀνοήτου. Suid. II 2, p. 416—417.

Съ другой стороны, овца и ягненокъ служили синонимомъ *кротости*, какъ и у насъ: выраженіе — ἀρνίου μαλαχώτερος встрѣчается въ отрывкѣ *Филиппида*, писателя новой комедіи (*Th. Kock. III* p. 310), а изъ римскихъ писателей у Теренція: *placidus quasi ovis* (*Ter. adelph. 534*). Другія сравненія человѣка съ животными см. подъ № 212.

45. Пословица — старый, что малый, дважды глупъ, или *старъ да малъ дважды глупъ* (Даль 371; IV 324) представляетъ прихѣръ не совсѣмъ правильной парафразы греческой очень распространенной пословицы — Δίς παίδες οἱ γέροντες, которая у нареміографовъ приводится съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν πρὸς τὸ γῆρας εὐηθεστέρων, т. е. „старикъ—вторично дѣти: говорится про тѣхъ, которые въ старости глупѣютъ“. Что δίς здѣсь значитъ не „дважды“, а „вторично, во второй разъ“, это требуется по смыслу и доказывается замѣной слова синонимами πάλιν, αὐτίς (*iterum, gursus*). Древнѣйшій источникъ пословицы — отрывокъ, приписываемый Кратину: Ἦν ἄρ' ἀληθὴς ὁ λόγος ὡς δίς παῖς γέρον (*Bothe* p. 12. *Th. Kock I* p. 20). Затѣмъ подобная же сентенція встрѣчается въ одномъ изъ фрагментовъ Софокла: πάλιν γὰρ αὐτίς παῖς ὁ γηράσκων ἀνὴρ (*Soph. frgm. 214 ed. Ahrens*); далѣе, пословица приводится Аристофаномъ (*Nubb. 1417* и *Schol. ad. Eq. 1107 [1096]*) и Платономъ: ὁ γέρον δίς παῖς γίγναι' ἄν (*Plat. legg I 646 A*), позднѣе — пареміографами ¹⁾, далѣе — Лукіаномъ: παλιμπαιδας τοὺς γέροντας γίγνεσθαι (*Luc. Saturn. 9*), Климентомъ Александрійскимъ (*Strom. VI 2* p. 265 *Sylb.*), латинскимъ поэтомъ Авзоніемъ, который цитируетъ ее по гречески (*Auson. liber protrept. ad. Ner. ed. Peiper. Lips. 1886* p. 216) и позднѣйшими, напр. византійскимъ хронистомъ XII вѣка Константиномъ Манассомъ въ его *Compend. chron. v. 6350* (*ed. Beck. Bonnæ 1837*, p. 270). На латинскомъ языкѣ также извѣстна эта сентенція, напр. у Плавта можно указать подобныя мѣста: *ajunt solere eum (senem) repuerascere* (*Merc. 296*); *Hic illést senecta aetate factúst puer* (*Trin. 43*). Позд-

¹⁾ *Diog. IV 18; App. provv. IV 68; Suid. II 95; Greg. Cyr. Leid. I 89; Macar III 31; Apost. VI 27.*

нѣе она встрѣчается въ дистихахъ Діонисія Катона: *Nam quisunque senet, puerilis sensus in illo est* (Dicta Catonis IV 18, ed. Némethy. Budap. 1895).

ХII. Ферекратъ.

46. Наша поговорка — *съ ободраннаго шкуру дерешь* (Даль 116) буквально соотвѣтствуетъ греческой: 'Εχδεδαρμένον δέρεϊς, а вмѣсто нашего вола (*съ одного вола двѣ шкуры драмъ*) греки ставили собаку: *Κόνα δέρεϊν δεδαρμένην*¹⁾. Что изрѣченіе принадлежитъ Ферекрату, одному изъ поэтовъ древней аттической комедіи, на это есть указаніе у Аристофана (*Lysistr.* 158 τὸ τοῦ Φερεκράτους, κόνα δέρεϊν δεδαρμένην), у котораго оно приводится, однако, въ специфическомъ значеніи²⁾. Поэтому нѣкоторые пареміографы несовсѣмъ ясно представляютъ себѣ смыслъ Ферекратава изрѣченія (ἐπὶ τῶν μίτην τι ποιούντων—*Diogen.*); впрочемъ, Свида и Григорій Кипрскій даютъ объясненія, болѣе подходящія къ смыслу нашей поговорки; εἰρηται δὲ ἐπὶ τῶν ἄλλο (можетъ быть, ἄλλως) πασχόντων αὐδῆς ἐφ' οἷς πεπύδασι (Suid.), т. е. „говорятся о тѣхъ, которые вторично поплачиваются за вину, за которую уже понесли наказаніе“, или ἐπὶ τῶν καχούντων τοὺς ἐν συμφοραῖς (*Greg. Surr.*)— „о тѣхъ, которые обижаютъ людей и безъ того несчастныхъ“.

ХIII. Пиндаръ.

47. *Лучше жить въ зависти, чѣмъ въ жалости*— очень распространенная въ новѣйшихъ языкахъ пословица³⁾—ведеть начало изъ

¹⁾ Diog. V 85; Suid. I 2 p. 125 и II 454; Gr. Surr. II 44; cod. Mosq. III 17; Apost. VI 87 и X 29.

²⁾ Cf. Schol. ὀλίγοις χρῆσασθαι καὶ ἀποδέρεϊν τὰ ἀποδεδαρμένα σκύτη и Th. Kock Com. att. frgm. I p. 199; L. Bauck De proverbiis... apud Aristophanem com. Regim. 1880 p. 20.

³⁾ Даль 741; I 576; славянскія параллели (чешская, сербская и хорватская) приведены у Челяковского 109—110. Французы говорятъ: *Il vaut mieux faire envie que pitié*, нѣмцы: *besser Neider als Bemilleider*.

отдаленной древности: источникъ ея—одно мѣсто въ пиндійскихъ гимнахъ Пиндара, имѣющее видъ общей сентенціи или proverbіального выраженія, а именно: κρέσσον γὰρ οἰκτιρῶν φθόνος Pind. Pyth. I 164). Сентенцію эту повторилъ Геродотъ, вложивъ ее въ уста Періандру въ слѣдующемъ видѣ: φθονέεσθαι κρέσσον ἐστὶ ἢ οἰκτεῖρεσθαι (Herod. III 52), т. е. „лучше быть предметомъ зависти, чѣмъ состраданія“. Изрѣченіе Пиндара не попало въ сборники пословиць, хотя позднѣйшіе пареміографы вносили въ нихъ замѣчательныя изрѣченія поэтовъ. У римлянъ также не было подобной поговорки; сентенціи въ родѣ: *praestare invidiam dico misericordiae*, или *invidiosum esse praestat, quam miserabilem*, приписываемыя нѣкоторыми Публилію Сиру, вовсе не принадлежатъ знаменитому римскому мимोगрафу; вторая изъ нихъ, не болѣе, какъ переводъ геродотовской фразы, принадлежитъ Еразму (adag. IV 4, 87). Откуда заимствована наша пословица, прямо ли изъ греческихъ источниковъ, или изъ какаго нибудь славянскаго сборника, или отъ западныхъ народовъ, неизвѣстно.

XIV. Эсхилъ.

48. *Трудно противу рожна прати*—поговорка, вошедшая въ нашъ живой языкъ (Даль IV 101), безъ сомнѣнія, изъ славянскаго перевода Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ она приводится при описаніи обращенія Савла (Дѣян. Ап. IX 5 и XXVI 14): *жестоко ти естъ противу рожну прати*, греч.: σκληρόν σοι πρὸς κέντρα λαχτιζειν. Поговорка—πρὸς κέντρα λαχτιζειν принадлежитъ къ очень древнимъ и произошла отъ обыкновеннаго въ древности способа погонять быковъ острымъ шестомъ или стрекаломъ (κέντρον, stimulus, рожѣнъ: оттавливая ногу стрекало, быкъ ранилъ самого себя. Въ житейскомъ смыслѣ пословица означаетъ: идти противъ сильнаго, или бороться противъ общаго теченія значить ухудшить свое положеніе¹⁾). Древнѣйшіе лите-

¹⁾ Erasm. adag. I 3, 46: contra stimulos jactare calcem est frustra repugnare iis, quos vincere nequeas, aut eos provocare, qui lacesciti noceant, aut reluctari fatis et incommodum, quod evitare non queas, impatienter ferendo non solum non effugere, v. rum etiam conduplicare.

ратурные источники ея—Эсхиль и современникъ его—Пиндаръ¹⁾. Затѣмъ она встрѣчается у Еврипида (Vasch. 795) и позднѣе во всѣхъ почти сборникахъ пареміографовъ²⁾. У римлянъ—*contra stimulos calces* (или *calcitrage*) была также употребительная поговорка, безъ сомнѣнія, какъ переводъ греческой: въ первый разъ она встрѣчается у Теренція, любившаго пересаживать греческія выраженія на римскую почву, въ слѣдующемъ видѣ: *advorsum stimulum calces* (Ter. Phorm. 78), между тѣмъ какъ до него Плавтъ, передѣлавъ ее по своему: *si stimulos pugnis caedis, manibus plus dolet* (Plaut. Trucul. 768), т. е. „если кулакомъ ударишь по рожну, больше боли причинишь рукавъ“³⁾.

49. У Эсхила (въ Евменидахъ) встрѣчается одно выраженіе, напоминающее нашу поговорку: не пить въ колодезь случится напиться (Даль III 125) съ вариантомъ: не мути водою, случится напиться, именно: $\beta\omicron\rho\beta\omicron\rho\rho\ \delta\delta\omega\rho\ \lambda\alpha\upsilon\pi\rho\delta\nu\ \mu\alpha\iota\omega\nu,\ \alpha\upsilon\tau\omicron\theta\omicron\delta'\ \epsilon\upsilon\rho\eta\sigma\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\omicron\tau\omicron\nu$ (Aesch. Eumen. 694—695), т. е. „мутя грязью свѣтлую (чистую) воду. ты потомъ не найдешь питья“. Нельзя, конечно, утверждать, что именно Эсхилевскій стихъ послужилъ прототипомъ нашихъ поговорокъ, такъ какъ существуетъ нѣкоторая разница между греческимъ и нашимъ способомъ выраженія (хотя въ сущности только кажущаяся), но то обстоятельство, что стихъ этотъ позднѣе сдѣлался proverbiallyннымъ выраженіемъ и вошелъ во всѣ главнѣйшіе сборники⁴⁾, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что наша поговорка заимствована изъ одного изъ греческихъ источниковъ, при чемъ изрѣченіе Эсхила въ свободной передачѣ переводчика, или въ устахъ народа подверглось нѣкоторому измѣненію. Къ римлянамъ и къ запад-

¹⁾ Aeschyl. Agam. 1624 $\pi\rho\varsigma\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \mu\grave{\eta}\ \lambda\acute{\alpha}\kappa\tau\iota\zeta\epsilon$ и Prometh. V. 323 $\pi\rho\varsigma\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \kappa\acute{\alpha}\lambda\omicron\nu$ (pedem) $\acute{\epsilon}\kappa\tau\epsilon\nu\epsilon\iota\varsigma$. Pind. Pyth. II 172—174 $\kappa\omicron\tau\iota\ \kappa\epsilon\nu\tau\rho\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\omicron\iota\ \lambda\alpha\kappa\tau\iota\zeta\epsilon\mu\epsilon\nu\ \tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota$ $\cdot\omicron\lambda\iota\alpha\theta\eta\rho\varsigma\ \sigma\acute{\iota}\mu\omicron\varsigma$.

²⁾ Zenob. V 70; Diog. VII 84; Suid. II 2 p. 472; Greg. Cyr. III 46; Macar. VI 44; Apost. XIV 100.

³⁾ Мѣста позднѣйшихъ латинскихъ авторовъ съ тою же поговоркою приведены у Отто подъ № 1698.

⁴⁾ Zenob. II 76; Diogen. III 55 (cod. Vind. II 7); Suid. I p. 1009 sq; Greg. Cyr.; cod. Leid. I 68; Macar. II 84.

но-европейскимъ народамъ эта пословица, кажется, не проникла. Въ книгѣ Челяковскаго (стр. 51) дается указаніе, что поговорка наша находится и въ Талмудѣ.

50. Наша метафора—закусить удила, принимаемая къ человеку, обнаруживающему неудержимую стремительность и упорное сопротивление, ведетъ начало отъ греческой трагедіи: у Эсхила Прометей сравнивается съ невыъзженнымъ молодымъ конемъ, закусившимъ удила: $\delta\alpha\chi\omega\acute{\nu}\ \delta\epsilon\ \sigma\tau\acute{o}\mu\omicron\nu\ \omega\varsigma\ \nu\epsilon\omicron\zeta\upsilon\gamma\eta\varsigma\ \Pi\acute{\omega}\lambda\omicron\varsigma\ \beta\acute{\iota}\alpha\zeta\epsilon\iota\ \kappa\alpha\iota\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \eta\gamma\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \mu\acute{\alpha}\chi\epsilon\iota$ (Aeschyl. Prom. 1009 sq.). Римлянамъ также была известна эта метафора: изъ поэзіи она перешла у нихъ въ прозу и встрѣчается въ письмахъ Цицерона: *frenum tomordi* (Cic. ad. fam. XI 24).

51. Что смѣлый человекъ дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а съ помощью божественной силы, какъ гласитъ наша поговорка: *смѣлымъ Богъ владеетъ* (Даль IV 246),—такой взглядъ былъ очень популярнымъ въ древности, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя поговорки, гласящія, что смѣлому помогаетъ Божество, или Фортуна. Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежатъ греческимъ трагикамъ: $\delta\tau\alpha\nu\ \sigma\tau\epsilon\upsilon\delta\eta\ \tau\iota\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma,\ \chi\acute{\omega}\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ ¹⁾. Далѣе, у Менандра встрѣчается стихъ: $\tau\acute{o}\lambda\mu\eta\ \delta\iota\kappa\alpha\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ \sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ (Men. frgm. inc. 47 Düb. ed. D. Didot p. 61): „державшему за правду и Богъ помогаетъ“. Изъ множества латинскихъ сентенцій болѣе известны: *fortis Fortuna adjuvat* (Ter. Phorm. 203) и *Audentes deus ipse juvat* (Ovid. met. X 586).

XV. СОФОКЛЪ.

52. Поговорка—писать на воду, или на песокъ (Даль 480) означаетъ напрасный, бесполезный трудъ, напр. *дурака учить, что на воду писать*. Такія поговорки были очень употребительны у грековъ; обыкновенное выраженіе было: $\kappa\alpha\theta'\ \upsilon\delta\alpha\tau\omicron\varsigma$ (или $\epsilon\iota\varsigma\ \upsilon\delta\omega\rho$) $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\nu$, $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\epsilon}\phi\rho\alpha\nu\ \gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\nu$ ²⁾. Чаще всего это выраженіе применялось къ пу-

¹⁾ Aesch. Pers. 742. cf. Soph. frgm. 666 Dind., 753 Ahr. и Apost. XIII 36 a.

²⁾ Diog. V 88; Plut. proov. Boisson. 5; Suid. I 2 pp. 558, 562, 793 и II 27 съ объясненіемъ: $\epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\omega\nu\ \mu\acute{\alpha}\tau\tau\upsilon\ \pi\omicron\nu\omicron\upsilon\acute{\nu}\tau\omega\nu$, Масар. IV 95 и V 50.

стымъ общаніямъ и клятвамъ вѣроломныхъ людей, особенно женскимъ, какъ у насъ говорится: *ею елова на водъ пиши* (Даль 716), т. е. не придавай имъ никакого значенія (срви: *это силами на водъ писано* Даль 302); то же гласитъ стихъ, приписываемый Софоклу, — древнѣйшій литературный источникъ поговорки: "Ὀρχοὺς ἐγὼ γυναικῶς εἰς ὄψωρ γράφω (Soph. frgm. 694 Dind., 769 Ahrens). Выраженіе ἐν ὄψωρ γράφειν встрѣчается и у Платона (Phaedr. 276 C). Одинъ изъ менестрховъ Менандра также довольно близко подходитъ къ нашей поговоркѣ: Ἀνδρῶν δὲ φαύλων ὄρχον εἰς ὄψωρ γράφει¹⁾. Изъ позднѣйшихъ греческихъ писателей поговорка встрѣчается у Лукіана (catapl. s. τυραν. 21), а изъ римскихъ у Катулл: *sed mulier cupido quod dicit amanti, In vento et rapida scribere oportet aqua* (Catull. 70, 3 sq.). Французы говорятъ: *crire sur la sable*, нѣмцы: *schreibe ich in den Rauch, in den Schornstein*.

53. Наша поговорка — *спать соловьинымъ сномъ* (Даль IV 272), т. е. чутко, есть отраженіе весьма стариннаго представленія, будто соловей спитъ очень мало, или даже вовсе не спитъ (вспом.); такъ, именно, думали греки еще во времена Гесіода, слѣдов., за 700 слиткомъ лѣтъ до Р. Хр., какъ мы узнаемъ изъ Эліана: λέγει Ἡσίοδος, τὴν ἀηδόνα μόνην ὀρνίθων ἀμοιρεῖν ὑπνοῦ καὶ διὰ τέλους ἀγρυπνεῖν (Aelian. V. N. XII 20); отсюда у нихъ возникли пословицы, применявшіяся къ людямъ, потерявшимъ сонъ, или проводящимъ ночи безъ сна. Одну изъ этихъ пословицъ, — *Ὅδ' ὄσον ἀηδόνες ὑπνώουσιν* („они не спятъ даже столько, сколько соловьи“), Сuida приписываетъ Софоклу (Suid. I p. 127), но въ сохранившихся трагедіяхъ и фрагментахъ Софокла намъ не удалось найти подобнаго выраженія. Въ сборникахъ пареміографовъ встрѣчаются слѣдующіе варианты: *οὐδ' ὄσον ἀηδόνες ὑπνοῖ? ἐπι: τῶν ἀγρυπνούντων, οὐδ' ἀηδόνιον κατ' ἔδαρθον, οὐδ' ὄσον ἀηδόνες ὑπνώσσοουσιν*²⁾.

¹⁾ Menandr. mon. 25 Meineke Frgm. com. Gr. IV p. 341; cf. Macar. VI 48 Apost. VI 56 и 80.

²⁾ App. provv. IV 41; Macar. VI 69; Apost. XIII 52.

ХVI. Еврипидъ.

54. *Дай Богъ, чтобы земля на немъ лежимъ пухомъ лежала* (Даль 298, малорусск. у Ном. 251), говоримъ мы о покойникѣ; такое же пожеланіе умершему существовало и у грековъ. Древнѣйшая формула находится у Еврипида: *κούφα σοι χθών ἐπάνωθε πέσοι* (Eurip. Alcest. 463). Надписи надгробныя представляютъ слѣдующіе варианты:

βῶλός σοι κούφα Ἐλεφνηορίς ὄστεα κρύπτοι ¹⁾

ἀλλ' ἔστω σοι ὁ πᾶς κούφος λίθος ²⁾.

κούφη σοι κόνις ἦδε πέλοι ³⁾.

Еще одна формула—*κούφη γῆ τοῦτον καλύπτει* съ длиннымъ и туманнымъ объясненіемъ находится у Свида (II 366). У пареміографовъ этой поговорки нѣтъ. У римлянъ формула—*sit tibi terra levis* была очень употребительна и часто встрѣчается на надписяхъ (S. T. T. L.) и у писателей, напр., у Тибулла: *bene — placideque quiescas Terraque secura sit super ossa levis* (Tibull. II 5, 49—50) и Овидія: *Et sit humus cineri non onerosa tuo* (Ov. amor. III 9, 68).

55. ~~Первоначально слѣди~~ известной на всѣхъ языкахъ сентенціи—~~другъ познается въ бѣдѣ~~ (Даль III 239) находятся у Еврипида: *Ἐν τοῖς κακοῖς γάρ ἀγαθοὶ σαφέστατοι Φίλοι* (Eurip. Нес. 1226, cf. Orest. 454 sq.). Болѣе известно изрѣченіе Еннія, цитируемое Цицерономъ: *Ennius recte: amicus certus in re incerta cernitur* (Cic. de amic. 17, § 64). Подобныя сентенціи встрѣчаются и у другихъ авторовъ, напр. у Публилія Сира: *Amicum an pomen habeas, aperit calamitas* и Петронія: *veri autem in angustiis amici apparent* ⁴⁾. Срвн. № 197.

56. Наша пословица—*плохое начало (началишко у Дала II 509)* не къ доброму кониу находятъ довольно близкую аналогію въ

¹⁾ Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta. Ed. G. Kaibel Berol. 1878, № 108 (Chalcide Euboeae, до P. Xp.).

²⁾ ibid № 538 (circa Theodosiam, II в. по P. X.).

³⁾ ibid. № 551 (R mae, II или III вѣка).

⁴⁾ P. Syri sent. 42; Petron. 61.

изрѣченіи, приписываемомъ Еврипиду: *Κακῆς ἀπ' ἀρχῆς γίνεται τέλος κακόν* (Eurip. fragm. 36 ed. Wagn. p. 629), собств: „отъ плохаго начала происходитъ плохой конецъ“.

57. Слова Тиресія у Еврипида—*μῶρα γὰρ μῶρος λέγει* (Eurip. Vasch. 369) въ позднѣйшихъ источникахъ приводятся, какъ провербiальное выраженіе¹⁾ и соответствуютъ нашей поговоркѣ: *у дурака дурацкая и рѣчь* (Даль I 517). Общее положеніе—„каковъ человѣкъ, такова его и рѣчь“, *qualis homo, talis ejus oratio*, Цицеронъ приписываетъ Сократу²⁾.

58. Въ нашемъ Духовномъ Регламентѣ (въ I части на 3 листѣ) сказано: „древнее пословіе есть греческое: *δρῦνιε νομῆσαι μὲν σοφῶν εἰσὶν ἄλλοι* (латинскіе переводы)“). Интересно въ такомъ документѣ, какъ Духовный Регламентъ, встрѣтить ученую цитату,—изъ Еврипидова Гипполита: *αἱ δευτεραὶ πῶς φροντίζεσ σοφώτεραι* (Eurip. Hippol. 436). Но мы не будемъ удивляться этому, если вспомнимъ, что авторъ Регламента, ученый сподвижникъ Петра Великаго (который и самъ любилъ пословицы), былъ воспитанникъ Кіевской Академіи, закончившій образованіе въ римскомъ іезуитскомъ Коллегіумѣ и, слѣдов., хорошо знакомый съ греческими и римскими писателями,—разумѣемъ Теофана Прокоповича. Цитата эта взята или прямо изъ подлинника, или же изъ сборника Апостолія-Арсенія (I 59 с.), въ которомъ приводится упомянутый стихъ Еврипида; третьяго источника нѣтъ. Стихъ этотъ у грековъ не былъ собственно пословицей,—кромѣ Апостолія, въ другихъ сборникахъ его нѣтъ, но онъ находится въ родствѣ съ настоящей греческой пословицей, довольно извѣстной не только въ спеціальныхъ сборникахъ (напр. Zenob. III 15), но и у авторовъ (напр. Plat. legg. V 723 DE): *Δευτέρων ἀμεινόνων*, которую можно перевести такъ: второй опытъ бываетъ удачнѣе перваго⁴⁾. Римлянамъ

¹⁾ Apost. - Ars. XI 98 а *Μωρὰ μωρός λέγει* и Erasm. adag. I 1, 92 *stultus stulta loquitur*.

²⁾ Cic. Tuscul. V 16, 47; то же Sen. de mor. 73.

³⁾ См. И. Сигурева Рус(скіе) въ своихъ пословицахъ. М. 1831, I стр. 79.

⁴⁾ Пословица произошла отъ того, что послѣ первой неудачной жертвы приносили вторую, которая лучше удавалась (*δευτέρων τ. ε. θυσίων*).

былъ извѣстенъ еврипидовскій стихъ въ передачѣ Цицерона: *posteriores cogitationes (ut ajunt) sapientiores solent esse* (Cic. Phil. XII 2, § 5).

XVII. АНОНИМЪ.

56. *Кого Богъ хочетъ погубить, у того умъ отнимаетъ*— пословица, извѣстная уже въ древне-русской письменности, именно, въ Ипатьевской лѣтописи, въ слѣдующей формѣ: „Богъ егда хочетъ показнати челоуѣка, отнимаетъ у него умъ“¹⁾. Сентенція эта ведетъ начало изъ глубокой древности. Что божество иной разъ отнимаетъ у челоуѣка здравый смыслъ,—такое представленіе можно указать уже у Гомера (II. VI 234; XVII 470). Но прототипомъ нашей поговорки можетъ считаться фрагментъ изъ трагедіи неизвѣстнаго автора:

ὄταν δ' ὁ δαίμων ἀνδρὶ πορσύνῃ κακὰ,
τὸν νοῦν ἔβλαψε πρῶτον, ᾧ βουλεύεται²⁾,

т. е. „когда божество готовитъ челоуѣку несчастье, то прежде всего отнимаетъ у него умъ, которымъ онъ разсуждаетъ“. Подобныя же сентенціи можно найти у Софокла (Antig. 622—625), у оратора Лисурга, который въ рѣчи своей противъ Леократа цитируетъ слѣдующіе стихи неизвѣстнаго поэта:

Ὅταν γὰρ ὀργὴ δαιμόνων βλάβῃ τινα,
τοῦτ' αὐτὸ πρῶτον ἐξαφαιρεῖται φρενῶν
τὸν νοῦν τὸν ἐσθλόν, εἰς δὲ τὴν χεῖρω τρέπει
Γνώμην, ἣν εἰδῆ μηδὲν ὦν ἀμαρτάνει³⁾.

т. е. „когда гнѣвъ боговъ постигаетъ челоуѣка, то прежде всего божество отнимаетъ у него здравый смыслъ и даетъ превратное направленіе его мыслямъ, чтобы онъ не признавалъ своихъ ошибокъ“. Вѣро-

¹⁾ М. Михельсонъ. Мѣткія и ходячія слова. Спб. 1894, стр. 201. Славянскія поговорки у Челяк. 205; Ном. 6178.

²⁾ Frgm. Eurip. ed. Wagner. Paris. 1846; anonym. trag. frgm. 186 p. 183, cf. frgm. 106 p. 178.

³⁾ Lycurg. contra Leocrat. cap. 21, p. 198 Reisk.

ятаю, изъ греческихъ источниковъ произошла сентенція Публилія Сира: *stultum facit Fortuna, quem vult perdere* (P. Syri 612).

ХVШ. Геродотъ.

60. Аксиома—*глазъ вѣрнѣе уха*, откуда произошло правило: *не вѣрь ушамъ, вѣрь очамъ* (Даль I 341), была давно высказана греческими писателями. Въ первый разъ у Геродота встрѣчается изрѣченіе (влагаемое въ уста царю лидійскому Кандавлу): ὅτα γὰρ τῶν ὄψεων ἀνθρώποισι ἐόντα ἀπιστότερα ὀφθαλμῶν (Herod. I 8), т. е. „уши для человѣка не столь вѣрные показатели, какъ глаза“. Въ томъ же смыслѣ у грековъ была другая сентенція: ὀφθαλμοὶ τῶν ὄτων ἀκριβέστεροι μάρτυρες („глаза болѣе достовѣрные свидѣтели, чѣмъ уши“), которую нѣкоторые приписывали философу Гераклиту, жившему почти столѣтіемъ раньше Геродота; но, кажется, это недоразумѣніе произошло отъ смѣшенія именъ Геродота и Гераклита въ текстѣ Полибія (XII 27, 1); наконецъ, аналогичное изрѣченіе—ὄψις γὰρ ὅτων κριτικώτερα πᾶσι нѣкоторые относятъ къ числу фрагментовъ Софокла, современника Геродота (*Bachr ad. Herod. I 8*). Но авторскія права все же должны остаться за Геродотомъ, такъ какъ ихъ признавали сами древніе; по крайней мѣрѣ, Лукіанъ положительно высказывается въ пользу Геродота: Ἡροδότῳ μὲν οὖν τὰ δι' ὀμμάτων φαινόμενα πιστότερα εἶναι τῶν ὄτων δοχεῖ¹⁾: „итакъ, явленія, воспринимаемыя зрѣніемъ, Геродотъ считаетъ болѣе достовѣрными, чѣмъ впечатлѣнія органа слуха“. Какъ пословицу, изрѣченіе Геродота приводитъ одинъ Апостолій (XVIII 71). Римскіе писатели ту же сентенцію выражали различными способами, напр. Плавтъ: *Pluris est oculatus testis unus, quam auriti decem* (Plaut. Trucul. 490), т. е. „больше значитъ одинъ очевидецъ, чѣмъ десять свидѣтелей, знающихъ только по слуху“; Сенека: *homines amplius oculis, quam auribus credunt* (ep. I 6, § 5); о преимуществѣ зрѣнія передъ слухомъ, вслѣдствіе большей скорости свѣта сравнительно со скоростью звука, говоритъ Сенека въ

¹⁾ Luc. de salt. 78; cf. de oeco 20 и quom. hist. conscrib. 29.

другомъ мѣстѣ (nat. qu. II 12, 6). Въ противоположномъ смыслѣ, о нѣкоторыхъ преимуществахъ слуха предъ зрѣніемъ высказывается Страбонъ (II сар. 5, р. 117, § 11).

61. Рука во многихъ языкахъ служитъ символомъ власти, могущества: *у него долія руки*, говоримъ мы, т. е. онъ далече достанетъ (Даль I 473); *у большаго человѣка руки доли* (Даль IV 111); серб. *у кралева су дуге руке* (Челяв. 321); наоборотъ, *коротки руки*, говоримъ мы чловѣку, не имѣющему власти или возможности сдѣлать что нибудь. Такія же выраженія у грековъ и римлянъ употреблялись съ давняго времени. Еще у Геродота о царѣ персидскомъ говорится: καὶ γὰρ δύναμις ὑπὲρ ἀνθρώπων ἢ βασιλέος ἐστὶ καὶ χεῖρ ὑπερμήκης (Herod. VIII 140); поэтому, эпитетъ μακρόχειρ (долгорукій) былъ примѣнимъ ко всѣмъ персидскимъ царямъ, но историкъ приурочилъ его къ одному Артаксерксу I, большею частью, ошибочно понимая его въ смыслъ физическаго недостатка, несоразмѣрной длины рукъ (H. Stein къ Herod. VIII 140). У римскихъ писателей также встрѣчается эта метонимія, напр. у Овидія: *An nescis longas regibus esse manus*¹⁾. Позднѣе у грековъ была даже поговорка: μακρὰι τὸράνων χεῖρες (ἐπὶ τῶν ἀγαν δυνάμενων), но она приводится только въ одномъ сборникѣ: Apost. XI 7 а.

62. Образное выраженіе—*царское око* въ примѣненіи къ царскимъ наместникамъ (Даль II 686), также какъ и аналогичное ему выраженіе—*царское ухо* были извѣстны грекамъ: βασιλέως ὀφθαλμοί и βασιλέως ὄτα говорили греки для обозначенія особыхъ чиновниковъ персидскаго царя, имѣвшихъ назначеніе все развѣдывать и обо всемъ доносить царю. Выраженія эти встрѣчаются у Геродота (I 114), Аристофана (Acharn. 92), Ксенофонта (Сугор. VIII 2,10 sqq.), Аристотеля (Polit. III сар. 11 или 16, § 9), Плутарха (Artax. 12 и de curiosit. 16), Лукиана (adv. ind. 23 и de merc. cond. 29), Апулея²⁾ и Филострата (vit. Apoll. Tyan. I 23). Кромѣ того, βασιλείος

¹⁾ Ov. her. XVII 166; cf. Sen. ep. XI 3 (82) § 5.

²⁾ Apul. de mundo 26, ed. Hildebr. Lips. 1843 p. 278.

ὄφθαλμός, какъ proverbium, вошло въ нѣкоторые сборники пословиць (Append- provv. I 49 и Apost. IV 81).

XIX. Эукидидъ.

63. Что миръ пріобрѣтается войною,—это давно признанная истина; уже у Эукидида встрѣчается подобная сентенція: ἐκ πολέμου μὲν γὰρ εἰρήνη μᾶλλον βεβαιούται (Thucyd. I 124): „войною миръ болѣе укрѣпляется“; также у римскихъ авторовъ (историковъ у поэтовъ), напр., *paritur pax bello* у К. Непота (Eram. 5,4); *saevius pax quaeritur armis* у Стація (Theb. VII 554). Оборотъ рѣчи, приближающійся къ позднѣйшей латинской поговоркѣ—*si vis pacem, para bellum*, мы находимъ впервые у Цицерона (Philipp. VII 6, 19): *si pace frui volumus, bellum gerendum est*: „если мы хотимъ наслаждаться благами мира, должны вести войну“. Но настоящимъ прототипомъ, по которому составленъ вошедшій во всеобщее употребленіе латинскій афоризмъ, находится у военнаго писателя IV вѣка по Р. Хр., *Веллеція*, въ предисловіи къ его трактату (Epit. inst. rei milit. praef. 3): *Qui desiderat pacem, praeparat bellum*. Въ переводѣ на національный языкъ афоризмъ этотъ существуетъ у чеховъ: *Kdo chce pokoji, hotov se k boji* и (по-этому же образцу) у русскихъ: *хотя покою, готовься къ бою* (у Челяк 369).

XX. Аристофанъ¹⁾.

64. Въ смыслѣ нашей пословицы—ловить рыбу въ мутной водѣ, т. е. пользоваться замѣшательствомъ въ дѣлахъ для достиженія личныхъ выгодъ, греки говорили: „ловить угрей“ (ἐγχελεῖς θηρᾶσαι); именно, у Аристофана въ одномъ мѣстѣ говорится о *любителей угрей* (οἱ ἐγχελεῖς θηρώμενοι), „которые при спокойномъ состояніи озера ничего не могутъ поймать, но, взбаламучивая тину

¹⁾ Специальное сочиненіе: De proverbii aliisque locutionibus ex usu vitae communis petitis apud Aristophanem comicum. L. Bauck. Regim. 1880.

(вверхъ дномъ), успѣшно ловить добычу; также точно можно дѣйствовать на политическомъ поприщѣ, заводя смуты въ государствѣ¹⁾. Впрочемъ, аристофановское выраженіе лишь позднѣе получило провербiальный характеръ; а первоначально „охотники на угрей“ было не болѣе, какъ крылатое слово Аристофана. Оно не вошло въ спеціальныя сборники пословицъ и неизвѣстно въ римской литературѣ²⁾. Только у Свиды (лексикографа X вѣка) два раза приводится изрѣченіе Аристофана и трактуется какъ proverbium, хотя и безъ указанія на источникъ (Suid. I 2 p. 97 и II 2 p. 1050). Происшедшая изъ него пословица извѣстна въ славянскихъ и западно-европейскихъ языкахъ, напр. польск. *W odmęcie ryby najlepiej się lowią*, чешск. *Snaze jest v kalne vode ryby loviti* (Челяк. 360); франц. *pêcher en eau trouble* (*Eau trouble, gain du pêcheur*). Изъ того обстоятельства, что римляне не знали этой пословицы, можно заключить, что она перешла къ славянамъ не съ Запада, а, скорѣе, совершила обратный путь,—съ Востока на Западъ. Интересно, что Петръ Великій въ одномъ изъ своихъ указовъ (17 апрѣля 1722 г.) принималъ эту пословицу къ дыкамъ, своекорыстно толковавшимъ законы, „дабы въ мутной водѣ рыбу ловить“³⁾.

65. Вмѣсто нашего журавля въ пословицѣ—*журавль въ небѣ не добыча* (Даль I 563), греки ставили орла: ἀετός ἐν νεφέλαις т. е. „орелъ въ небѣ (въ облакахъ)“, по объясненію пареміографовъ, ἐπὶ τῶν δυσάλωτων—о томъ, что трудно поймать⁴⁾. Пословица встрѣчается у Аристофана (Equ. 1013 и Av. 978) и, по словамъ схоли-

¹⁾ Ὅπερ γὰρ οἱ τὰς ἐγγέλαις θηρώμενοι πεπόνθασ', Ὅταν μὲν ἡ λίμνη καταστῆ, λαμβάνουσι οὐδέν, Ἐὰν δ' ἔσῃ τε καὶ κάτω τὸν βόρβορον κυκῶσι, Αἰρούσι, καὶ σὺ λαμβάνεις, ἦν τὴν πόλιν ταράττης.. (Arist. 864—867; Equ. cf. Nub. 559).

²⁾ Латинскій стихъ—*Turbato melius capiuntur flumine pisces* позднѣйшаго происхожденія. Въ упомянутомъ сочиненіи *Баука* читатель напрасно будетъ искать какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ выраженій Аристофана, получившихъ значеніе пословицъ въ славянскихъ языкахъ.

³⁾ *Ив. Снегиревъ* Рус(c)кіе въ своихъ пословицахъ. III, 269.

⁴⁾ Zenob. II 50; Diog. I 67; Suid. I p. 119 и I 2 p. 22; Greg. Cyrp. I 20; Masar. 40; Arpst. I 45.

аста, ведетъ начало отъ оракула, даннаго афинскому народу (cf. Plut. Demosth. 19).

66. Кто заварилъ кашу, тотъ и расхлебывай (Даль 181; II 100), т. е. зачинщикъ или виновникъ какого либо неприятнаго дѣла пусть и отвѣчаетъ или поплачивается за него. Греки въ томъ же смыслѣ говорили: ἦν τις ἐμαζε μᾶζαν, ταῦτῃ χαῖ ἐσθιέτω (Масар. IV 50): „кто замѣсилъ тѣсто, тотъ и ѣшь его“. Кромѣ Макарія, поговорка не встрѣчается у другихъ пареміографовъ и, повидимому, принадлежитъ не къ книжнымъ цитатамъ, а къ народнымъ изрѣченіямъ и притомъ, кажется, очень древнимъ; по крайней мѣрѣ, μᾶζαν μαραχύναι въ метафорическомъ значеніи находится уже у Аристофана (Есх. 55; см. schol.). Относительно слова μᾶζα нужно замѣтить, что, кромѣ тѣста (именно, ячменнаго), оно означало, по объясненію Сви-ды¹⁾, пищу изъ молока и яшннхъ зеренъ или крупъ (σίτος), слѣдовательно, нѣчто въ родѣ нашей каши, или же раз-маз-ни²⁾. Родственный смыслъ имѣетъ и римская поговорка: *tute hoc intristi, tibi omne est exedendum*³⁾, существующая у насъ почти въ буквальномъ переводѣ: *самъ накрошилъ* (натеръ, замѣсилъ, заварилъ), *самъ и выхлебай* (Даль 122, 181; II 439).

67. Наша поговорка — силить золотыя горы (Даль 717) о щедрыхъ, но не исполнимыхъ обѣщаніяхъ, известная, впрочемъ, и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ⁴⁾, принадлежитъ къ очень древнимъ. У грековъ и затѣмъ у римлянъ было распространено мнѣніе о несмѣтныхъ сокровищахъ восточныхъ, особенно персидскихъ царей. Самое выраженіе — *золотыя горы* произошло, вѣроятно, отъ того, что золото, какъ и другіе металлы, добывалось въ горныхъ рудникахъ, богатство

¹⁾ Suid. II p. 661 Μᾶζα, χορίως ἢ τροφή ἀπὸ γάλακτος καὶ σίτου, παρὰ τὸ μᾶζεσθαι.

²⁾ Санскр. корень *masg'* (изъ *madg*) въ греч. является въ словахъ: μαγ, μαχ, μασ съ основнымъ значеніемъ *тереть*, потомъ — *мѣсить*, къ этому же корню принимаютъ славянскія слова: *мазати*, *масть*, *мас-ло* и т. п. Th. Bensley Griech. Wurzellexicon. Berl. 1839 — 42, I 515 и II 859.

³⁾ Ter. Phorm. 318, cf. Auson. Edyll. VII p. 115 ed. Peip.

⁴⁾ *Einem goldene Berge versprechen. Promettre monts et merveilles*. Польск. *Złote gory obiecują, a niema i olowianych*. Серб. *Zlatna brda obećevati* (Челяк. 526).

которых и вошло въ поговорку. Древнѣйшіе слѣды этой поговорки находятся у Аристофана, у котораго въ одномъ мѣстѣ говорится о персидскомъ царѣ: *κᾶχεσεν ὄχτὼ μῆνας ἐπὶ χρυσῶν ὄρων* (Acharn. 82). Въ этихъ неудобопереводимыхъ словахъ комика нужно видѣть просто насмѣшку надъ пресловутыми „золотыми горами“, или рудниками персовъ, подобно тому какъ не менѣе пресловутый „золотой платанъ“, подъ которымъ будто бы спалъ Ксерксъ во время похода въ Грецію, сдѣлался позднѣе также предметомъ насмѣшекъ для грековъ (Xen. hist. Gr. VII 1, 38). Впрочемъ, схолиастъ Аристофана допускаетъ двойной смыслъ въ приведенномъ выраженіи: *τί τε οὐρόδοχα ἀγγεῖα ἃ φασι ἰν ἀμίδας, καὶ τὰ τῆς Περσίδος ὄρια, ἐν οἷς φασι γίνεσθαι τὸν χρυσόν*. У римскихъ комиковъ не разъ встрѣчаются „серебряныя и золотыя горы“). У Теренція есть одно мѣсто, съ буквальной точностью соотвѣтствующее нашей поговоркѣ: *is senem per epistulas Pellexit, modo pop montis auri pollicens*²⁾. Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ греческихъ поговорокъ нѣтъ этой поговорки; отсюда съ нѣкоторою вѣроятностью можно заключить, что она пришла къ намъ съ Запада.

68. *Птичье молоко* у насъ означаетъ нѣчто неслышанное, невозможное: *все ешь у богатого, oprичъ птичьего молока; въ Москвѣ все найдешь, кромѣ птичьего молока* (Даль 960; III 555; малор. у Ном. 1348). У грековъ *γάλα ὀρνίθων* или *ὀρνίθιον γάλα* было очень употребительное proverbium и означало нѣчто рѣдкое и драгоценное³⁾. Его приводитъ Аристофанъ⁴⁾, Страбонъ, Петроній, Лукианъ, Аэенэй и другіе писатели. Остановимся на нѣкоторыхъ текстахъ. У Аристофана *γάλα ὀρνίθων* встрѣчается нѣсколько разъ, напр. *Vesp. 528* (508 ed. A. Mein.): *ἔγω γὰρ οὐδ' ἂν ὀρνίθων γάλα 'Αυτ' τοῦ*

¹⁾ Напр. *Plaut. Mil. glor. 1064; Aulul. 701; Stich. 25.*

²⁾ *Ter. Phorm. 68; срвн. Sallust. Cat. 23 maria montisque polliceri* и *Pers. III 65 magnos promittere montis.*

³⁾ *Diog. III 92 (cod. Vind. II 15); Plut. provv. Boiss. 38; Suid. I 1068 sq. Greg. Cyr. M. IV 71; Macar. VI 49; Apost. V 19 и VI 48 e.*

⁴⁾ У писателей средней аттич. комедіи также встрѣчается *γάλα ὀρνίθων*, напр. у *Μνυσимаха* (Athen. IX 387 b; cf. *Th. Kock Com. att. fragm. II 442*),

βίου λαβοῦν' ἂν οὐ με νῦν ἀποστερεῖς (cf. Av. 734 и 1673). Схολіасть къ этому мѣсту замѣчаетъ: „поговорка примѣняется къ очень богатымъ и все имѣющимъ людямъ, которые, если захотятъ, могутъ добыть себѣ даже то, что, повидимому, невозможно, какъ птичье молоко“. Это мѣсто очень напоминаетъ приведенную русскую поговорку — *все есть у богатаго, oprичъ птичьаго молока*, съ тою лишь разницею, что у насъ птичье молоко признается недоступнымъ даже для богача. По словамъ Страбона (XIV 1, 15), поэты, прославлявшіе плодородіе о. Самоса, говорили, что на немъ есть даже, по пословицѣ, „птичье молоко“. У Петронія (sat. 38), при описаніи дома Трималхіона, говорится: *omnia domi nascuntur: lapa, credrae (?), pipera, lacte gallinaceum si quaesieris, invenies*. Лукіанъ упоминаетъ иронически о доевнѣ „птичьаго молока“ рядомъ съ пресловутымъ „рогомъ Амалтеи“ (Luc. de merc. cond. 13 καὶ εἴεις τὸ τῆς Ἀμάλθειας κέρασ καὶ ἀμέλεις ὀρνίθων γάλα). У Аэенна, кромѣ ὀρνίθων γάλα (IX 387 b), упоминается въ томъ же смыслѣ еще „заячье и павлинье молоко“ (γάλα λαγῶ, γάλα ταῶ XIV 654 f). Наконецъ, замѣтимъ, что философъ Анаксагоръ, называя яичный бѣлокъ „птичьимъ молокомъ“ (Athen. II 57 D) вовсе не имѣлъ въ виду proverbіального ὀρνίθων γάλα. Въ западно-европейскихъ языкахъ, кажется, нѣтъ этого выраженія; и не удивительно: насколько многочисленны греческіе источники, изъ которыхъ „птичье молоко“ могло перейти къ намъ, настолько рѣдко попадаетъ это выраженіе у латинскихъ авторовъ, изъ которыхъ преимущественно черпали западные народы: кромѣ приведеннаго мѣста Петронія, *lac gallinaceum* встрѣчается еще только одинъ разъ, у Плинія (N. H. praef).

69. Наше выраженіе — собачья смерть (*собакъ собачья смерть* — о дурномъ человѣкѣ Даль 292; IV 258) встрѣчается и въ греческомъ, именно, у Аристофана: θάνατος μὲν οὖν κύνειος, ἦν ἀπαξ ἀλφ (Arist. Vespr. 898) и затѣмъ вошло въ сборникъ Макарія: κυνικός θάνατος· παρόσον οἱ κύνες οὐ θάπτονται (Macar. V 38), — объясненіе совершенно въ духѣ нашего народа.¹⁾

¹⁾ Ср. нелѣпное объясненіе аристофанова схолиаста: ὅτι—χαλεπός ἐστίν ὁ τοῦ κύνος θάνατος. δυσχερῶς γάρ ἀφίησι τὸ πνεῦμα.

70, Мы говоримъ о пролазѣ: онъ невредимъ пройдетъ сквозь огонь и воду (Даль IV 199). У грековъ также было выраженіе: „пройти сквозь огонь“, часто съ прибавленіемъ „и чрезъ ножъ“ для обозначенія опаснаго, рискованнаго поступка. Выраженіе—*Διὰ μαχαίρων καὶ πυρός ῥίπτειν δεῖ* приводится у пареміографовъ (Zenob. III 19 и Apost. VI 2), какъ proverbium. Подобное выраженіе раньше всего встрѣчается у Аристофана¹⁾: *καὶ με χρῆ διὰ τοῦ πυρός Ἐθίλω βαδίσειν*, т. е. „если потребуется, я готова пройти сквозь огонь“; потомъ во фрагментахъ *Ποσειδίππου* (писателя новой комедіи III вѣка до Р. Хр.) встрѣчается стихъ: *Διὰ τῶν μαχαίρων τοῦ πυρός τ' ἐξήλυθεν* (Th. Kock. III p. 336 изъ Athen. XIV 662 a); еще ближе къ нашей поговоркѣ подходятъ слова неизвѣстнаго поэта, приводимыя Плутархомъ: *πῶρ καὶ θάλασσαν—περᾶν* (Plut. amat. 17). Римляно подражали грекамъ: *ire per ignes Et gladios ausim* (Ovid. met. VIII 76).

71. Наша пословица—онъ самъ своей тѣни боится²⁾, выражающая высшую степень трусости, представляетъ буквальный переводъ греческой: *Τὴν ἑαυτοῦ σκιάν δέδοικεν*, употреблявшейся въ томъ же смыслѣ (ἐπὶ τῶν σφίδρα δειλοτάτων³⁾). Древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ пословицы служить одинъ изъ фрагментовъ не дошедшей до насъ комедіи Аристофана *Βαβυλώνιοι* (см. Th. Kock. Com. att. fragm. I 411); затѣмъ она приводится Платономъ и Квинтомъ Цицерономъ: *Antonius umbram suam metuit*⁴⁾.

72. Не имѣетъ ли наша поговорка—ни кола, ни двора чего нибудь общаго съ греческимъ довольно загадочнымъ выраженіемъ—μηδὲ πάσσαλον? Замѣтимъ сначала, что подъ „колоу“ нашей пословицы нѣкоторые разумѣютъ полосу пахатной земли согласно съ употребленіемъ этого слова въ одной мѣстности Ярославской губерніи,

¹⁾ Arist. Lysistr. 138; cf. Xen. Mem. I 3, 9; oecon. 21,7; conv. 4, 16.

²⁾ Даль IV 461; серб. *Боимсе и семи невоге*. Челяк. 579.

³⁾ Greg. Supr. cod. Leid. III 18; Masar. VII 67 и VIII 14; Apost. XVI 49; вѣсто этого греки говорили также; „боятся тѣни дыма“ *Καπνοῦ σκιάν δέδοικέναι*; Masar. V 4.

⁴⁾ Plat. Phaed. 101 D; Qu. Cic. de pet. cons. cap. II § 9.

при чемъ „дворъ“ понимается въ смыслѣ избы¹⁾; но едва ли можно на основаніи мѣстнаго употребленія слова жертвовать общепринятымъ его значеніемъ. *Колъ* (σκόλος, σκόλοψ) πίσσαλος рахиллусъ и ралусъ (изъ раg-lus, πήγνυμι, раngо), вколачиваемый въ землю, есть первый признакъ и символъ осѣдлости, жилия (πηγνύναи значить также *строить*): *три кола вбито, да боронѣю покрыто*, говоритъ нашъ народъ иронически о плохомъ домохозяинѣ, или: *у нихъ съ семьѣю колъ да перетыка* (Даль 64, 645); такимъ образомъ, колъ, раg supesdochen означаетъ домъ. „Дворъ“ у крестьянъ также означаетъ избы, домъ, но всегда съ понятіемъ огороженного мѣста²⁾, слѣдов., со включеніемъ собственнаго двора, такъ что изба безъ двора не называется дворомъ. Греческая поговорка—μηδὲ πίσσαλον принадлежить, повидимому, къ очень древнимъ, измѣнившимся отчасти свое первоначальное значеніе; она встрѣчается всего два раза—у Аристофана (съ ἔχειν Eccles. 184) и у Лукіана (съ καταλιπεῖν Iudic. voc. 9) и не вошла въ позднѣйшіе сборники. У Лукіана поговорка употреблена, намъ кажется, въ смыслѣ, болѣе приближающемся къ первоначальному значенію слова πίσσαλος, именно, въ означенномъ мѣстѣ въ комической тирадѣ буква Σ жалуется на Т за то, что послѣдній вытѣснилъ ее отсюду: Θεσσαλίας με ἐξέβαλεν ὅλης Θετταλίαν ἀξιούσιν λέγειν, καὶ πᾶσαν ἀποκέκλειξέ μοι τὴν θήλασσαν οὐδὲ τῶν ἐν κήποις φεισόμενον σευτλίων, ὡς τὸ δὴ λεγόμενον μηδὲ πᾶσαλόν μοι καταλιπεῖν—„изгналъ меня изъ всей Θεσσαліи, требуя называть ее Θετταλίей, отрѣзалъ совершенно отъ моря, не пощадилъ даже садовыхъ овощей (свеклы), такъ что по пословицѣ, *не оставилъ мнѣ даже кола*“. По общему смыслу этого мѣста можно догадываться, что поговорка „не оставитъ даже кола“ первоначально означала: лишить крова, приюта (разорить все до послѣдняго кола, какъ у насъ говорится: не оставитъ камня на камнѣ), потомъ получила болѣе общее и отдаленное значеніе: лишить самаго необходимаго, обратить до послѣдней нитки. У Аристофана поговорка

¹⁾ С. Максимовъ Крылатыя слова. Спб. 1890, стр. 296. Въ Толковомъ Словарѣ Даля этого значенія нѣтъ.

²⁾ Срвн: *дворъ—что городъ, изба—что теремъ* (Даль 645).

еще дальше отъ своего первоначальнаго значенія: въ показанномъ мѣстѣ говорится про тѣхъ, которые являются на Пниксѣ слишкомъ поздно и должны возвращаться домой съ пустыми руками, *не имѣя гроша за душой* (ἔχουσι μηδὲ πᾶτταλον), при чемъ разумѣется, какъ кажется, τὸ ἐκκλησιαστικόν. Но въ другомъ соединеніи ἔχειν μηδὲ πᾶτταλον съ полнымъ правомъ, примѣнительно къ первоначальному значенію слова, можно было бы перевести: *не имѣть ни кола, ни двора*, т. е. быть бездомнымъ бѣднякомъ.

73. Для обозначенія того, что для всякаго очевидно, мы говоримъ: *это ясно и для слѣпаго*; подобная поговорка была очень употребительна у грековъ; она приводится Макаріемъ: Δῆλόν ἐστι καὶ τυφλῷ съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν προφάνων, или ἐπὶ τῶν ἄγαν σαφειστάτων (Mac. III 29 и IV 91. Первые слѣды ея находятся у Аристофана, затѣмъ нѣсколько разъ она встрѣчается у Платона, Менандра, Поливія, влагающаго ее въ уста Филиппу, Плутарха, Лукіана и Діона Кассія¹⁾; изъ римскихъ писателей—у Ливія, повторяющаго слова Поливія, и у Квинтиліана²⁾).

74. Авторъ книги „Рус(с)кіе въ своихъ пословицахъ“ (I 90—92) коснулся вопроса о происхожденіи нашей поговорки: *казать* (поднести) *кому фигу* (дулю, кукишъ, шишъ, см. Даль IV 549), существующей, впрочемъ, и въ другихъ языкахъ (*faire la figure, die Feige weisen* и др.); онъ ищетъ объясненія ея то въ древне-греческомъ σοχοφαντεῖν, то въ обычаѣ древнихъ философовъ „казать фигу тому, кого они вызывали на состязаніе“ (?), то прибѣгаетъ къ разнымъ историческимъ справкамъ. Въ концѣ концовъ онъ останавливается на объясненіи *фиги* въ смыслѣ нароста или желвака на носу, чѣмъ еще больше затмевается происхожденіе и значеніе дѣйствія, обозначаемаго поговоркой. Въ книгѣ г. Михельсона „Мѣткія и ходячія слова“ стр. 376 дается слѣдующее объясненіе: „сикофанты,

¹⁾ Arist. Plut. 48, cf. schol; Plat. Sophist. 241 D; reip. 465 D и 550 D; Men. fr. Th. Kock III p. 33; Polyb. XVII или XVIII 4, 4; Plut. quaest. conv. cap. 9; non poss. suav. vivi sec. Epic. cap. 17; Luc. adv. indoct. 28; Dio Cass. LXI 5, 5.

²⁾ Liv. XXXII 34 *adparet id quidem etiam caeco*; Quint. XII 7, 9 *caecis hoc, ut ajunt, satis clarum est.*

презрѣнные доношники, слѣдившіе за непозволеннымъ вывозомъ смоквы и вообще ябедники, въ знакъ солидарности между собою, показывали другъ другу смокву (фигу), спрятанную подъ полою, и затѣмъ дѣйствовали заодно* (?); слѣдуютъ неопредѣленные ссылки: Aristoph. in Pluto. Plutarch. (?). Тамъ же приводится историческая справка о происхожденіи итальянской поговорки: *ecco la figa*, при чемъ событіе въ Миланѣ, давшее начало этой поговоркѣ, отнесено къ XV; между тѣмъ какъ у Снегирева оно относится къ XII вѣку. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ болѣе важны вопросы: 1) что означаетъ *figa* въ этомъ соединеніи и 2) почему дѣйствіе — казать фигу, несомнѣнно символическое, считается оскорбительнымъ; историческія иллюстраціи, конечно могутъ служить къ объясненію дѣла, но едва ли можно опредѣлять время, когда возникъ самый обычай. Отвѣтъ на первый вопросъ мы находимъ у Аристофана въ концѣ его комедіи *Εἰρήνη*; самой поговорки у него нѣтъ, но мы въ правѣ считать это мѣсто ея первоисточникомъ, такъ какъ оно даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ слова *figa*; именно, здѣсь слово *σῦκον* (*figus*) употреблено въ смыслѣ *αἰδοῖον γυναικεῖον*, откуда вытекаетъ отвѣтъ и на второй вопросъ, — становится понятнымъ, почему самое дѣйствіе или изображеніе этой „фиги“ получило въ послѣдствіи оскорбительный характеръ. Комедія *Εἰρήνη* оканчивается сценой, изображающей проводы жениха и невесты, въ честь которыхъ, въ знакъ торжества мира надъ войной, хоръ, приглашая поднять на руки жениха, поетъ (v. 1348 sq.): *Τοῦ μὲν μέγα καὶ παχύ, Τῆς δ' ἡδὺ τὸ σῦκον*, на что схолиастъ (Odoard. Bizet. ed. Dindorf. Lips. 1823) замѣчаетъ: *τὸ τοῦ νομφίου πέος νοεῖ: σῦκον δὲ καλεῖ τῆς νόμφης αἰδοῖον*, а по поводу слова *συχολογοῦντες* (v. 1346) онъ же говоритъ: *ἐνταῦθα ὁ ποιητὴς κωμικῶς, ὡς εἶωθε, τῆδε τῆ λέξει παίζων ἐχρήσατο συνουσίαν αἰνίττεσθαι βουλούμενος*.

XXI. Архиппъ.

75. Наша пословица — *хорошо море съ берегу* (Даль II 353), имѣющая нѣсколько вариантовъ, напр. *съ берегу хорошо глядѣть на гребцовъ, хорошо смѣяться на сухомъ берегу* и др. (Даль, 558,

968; IV 248) ведетъ начало изъ классической древности; прототипомъ ея служить стихъ, приписываемый *Архимиду*, одному изъ представителей аттической комедіи (древняго и отчасти средняго ея періода): *ὡς ἦδὲ τὴν θάλατταν ἀπὸ τῆς γῆς ὀρᾶν*¹⁾, т. е. „какъ пріятно глядѣть на море съ берега“. Изрѣченіе это не получило провербiальнаго характера и не вошло ни въ одинъ сборникъ; только у Зеновія приводится гекзаметръ неизвѣстнаго поэта, представляющій аналогичное, но далеко не тождественное выраженіе: *Ἐξάντης λεύσσω τοῦμόν χαχὸν ἄλλον ἔχοντα* (Zenob. III 95), т. е. „съ безопаснаго мѣста гляжу я, какъ другой за меня страдаетъ“. Но у римлянъ были въ употребленіи метафоры, довольно близко подходящія какъ къ греческому прототипу, такъ и къ нашимъ поговоркамъ, напр. Цицеронъ говоритъ: *cupio istorum naufragia ex terra intueri* (Cic. ad Att. II 7, 4): „я желалъ бы съ берега смотрѣть на ихъ крушеніе“, откуда нѣм. *Vom Laude her dem Schiffbruch zusehen*. Далѣе, параллельныя мѣста можно найти у Лукреція: *Suave mari magno turbantibus aequora ventis, Et terra magnum alterius spectare laborem* и Горация: *vellem-Neptunum procul e terra spectare furentem*²⁾.

XXII. Ксенофонтъ.

76. Въ значеніи нашего выраженія—*деньги четвериками мьрятъ* или *пересыпать* (Даль 55), примѣняемаго къ очень богатымъ людямъ, у Ксенофонта и Лукіана употребляется выраженіе *μεδίμνφ ἀπομετρέϊσθαι ἀργύριον*³⁾. Выраженіе это изъ Ксенофонта внесено въ нѣкоторые позднѣйшіе сборники пословицъ съ прибавкою нелѣпаго толкованія: *ἐπὶ τῶν μεγάλῃν καὶ ἀθρόαν ὠφέλειαν προσδοκῶντων*

¹⁾ *Th. Kock. Com. att. fragm. Lips. 1880, I p. 688*. Нѣкоторые, впрочемъ, приписывали этотъ стихъ Каллимаху. Во фрагментахъ Епиктета это изрѣченіе приводится съ слѣдующею прибавкою: *ὡς ἦδὲ τὴν θάλατταν ἀπὸ γῆς ὀρᾶν, οὕτως ἦδὲ τῷ σωθέντι μεμῆσθαι τῶν πόνων*. cf. *Bothe (Poet. com. Gr. fragm. p 275)*.

²⁾ *Lucr. de r. n. II 1 sq; Hor. epist. I 11*.

³⁾ *Xen. hist. Gr. III 2, 27; Luc. dial. meretr. IX 2; cf. navig. 28 μεμετρημένον χρυσίον*.

(Append. provv. III 83; Suid. II 747; Apost. XI 13),— „про тѣхъ, которые ожидаютъ разомъ получить огромную пользу“. Толкованіе это служитъ доказательствомъ, что собиратели пословицъ вносили въ свои сборники замѣчательныя изрѣченія, иной разъ не справляясь, въ какомъ смыслѣ выраженіе употреблено авторомъ. Въ римской литературѣ, именно, у Горація и Петронія, также извѣстно образное выраженіе: *nummos (modio) metiri*¹⁾.

XXIII. Амфидъ.

77. Наша поговорка—*идь больно, тамъ рука* (гдѣ мило, тамъ глаза)²⁾ имѣющая нѣсколько славянскихъ параллелей, находится въ ближайшемъ родствѣ съ изрѣченіемъ неизвѣстнаго поэта, цитируемаго Плутархомъ: *Ἄποῦ τις ἀλγεῖ, κεῖθι καὶ τὴν χεῖρ' ἔχει* (Plut. de gatul. 22). Но этотъ стихъ представляетъ, кажется, передѣлку болѣе древняго изрѣченія; *Ἄποῦ τις ἀλγεῖ, κείσε καὶ τὸν νοῦν ἔχει*, приписываемаго *Амфиду*, писателю средней комедіи, современнику Платона (Apost.-Arg. XII 94 a; cf. Th. Kosk II p. 249). Впрочемъ, кромѣ Плутарха, и у другихъ писателей можно указать мѣста, изъ которыхъ могла быть заимствована наша поговорка, напр. у Демосѣена встрѣчается такое мѣсто: „получившій ударъ всякій разъ хватается за пораженное мѣсто и, если его ударить въ другое мѣсто, его руки уже тамъ“ (*ὁ πληγεὶς ἀεὶ τῆς πληγῆς ἔχεται, καὶ ἐτέρωσε πατάξῃς, ἐχεῖσέ εἰσιν αἱ χεῖρες* Demosth. IV 40). Изъ латинскихъ писателей подходящее мѣсто встрѣчается у Сенеки: *Naturale est manum saepius ad id referre, quod doleat.*³⁾

¹⁾ Hor. sat. I 1, 96; Petron. 37; другія мѣста см. у Отто № 1123.

²⁾ Даль IV 111; малорусск. у Ном. 5152; польск. и чешск. у Челяк. 18 и 237, Cf. Ев. Лук. 12, 14 *Ἄποῦ γάρ ἐστιν ὁ θησαυρὸς ὑμῶν, ἐκεῖ καὶ ἡ καρδία ὑμῶν ἐστίαι.*

³⁾ Sen. ad Helv. matr. de cons. 20; другія мѣста (изъ Плавта и Цицерона) см. у Erasmi. adag. II 2, 44.

XXIV. Θεοφιλῆς.

78. Пять старую (или ту же) пьесу, т. е. говорить что ни-
будь давно известное, постоянно твердить одно и то же,—выраженіе
это встрѣчается впервые у одного писателя средней комедіи, *Θεοφίλου*,
отъ котораго сохранились лишь незначительные фрагменты; въ одномъ
изъ нихъ находится стихъ: οὐδέ τις γὰρ ἡμῶν ταῦτόν ἄσεται μέλος
(Bothe p. 628; Th. Kock II p. 475). Изъ греческой комедіи пого-
ворка перешла въ римскую и встрѣчается у Теренція: *cantilenam*
eandem canis (Ter. Phorm. 495, cf. Plant. Pseud. 363 vetera vati-
cinamini); и Цицеронъ говоритъ: *ut crebro mihi insusurret cantilenam*
illam suam, т. е. „частенько напѣваетъ (нашептынаетъ) онъ мнѣ
свою старую пѣсенку“ (Cic ad Att. I 19, 8).

XXV. Πλάτων.

79. Что посеешь, то и пожнешь (Даль III 362). Древ-
нѣйшіе литературные источники пословицы—Платонъ и Аристотель.
У Платона (Phaedr. 260 D) читаемъ: ποτόν τινα οἶσι μετὰ ταῦτα τῆν
ῥητορικὴν καρπὸν ὧν ἔσπερε θερίζειν; у Аристотеля (rhet. III 3, § 4):
οὐ δὲ ταῦτα αἰσχυρῶς μὲν ἔσπερας, κακῶς δὲ ἐθάρσας. Слѣды посло-
вицы находятся у Ап. Павла (2 къ Коринѣ. 9, 6; къ Гал. 6, 7):
ὁ γὰρ ἐν σπείρῳ ἀνθρώπος, τοῦτο καὶ θερίζει. Позднѣе пословица
приводится у византійскаго писателя *Μ. Γ'λυκι* (см. № 250) и у
пареміографовъ, Григорія Кипрскаго (cod Leid II 57) и Мазарія
(IV 93). Латинскую версию даетъ Цицеронъ: *Ut sementem feceris,*
*ita metes.*²⁾

80. *Изъ огня да въ полымя* (Даль III 275), т. е. изъ одной
бѣды въ другую (горшукъ). Въ этомъ смыслѣ греки говорили; „изъ

¹⁾ Ср. *Grimwald Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten bei Plato.*
Berl. 1893.

²⁾ Cic. de orat. II 65 § 261. Славянскія параллели у Челяк. 160—161.

дыма попасть въ огонь“, Τὸν καπνὸν φεύγων εἰς τὸ πῦρ ἐνέπεσον¹⁾, или „изъ горячей зола въ огонь“ (Σποδὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐμπέπτωχα Масар. VII 77), или, наконецъ, „изъ зола на горящю уголь“ (Μὴ τὴν τέφραν φεύγων εἰς τὴν ἀνδρακιδίαν ἐμπέστης Diogen. VI 68; Apost. XI 37 и XVI 41). Славянскія поговорки еще ближе къ греческимъ, чѣмъ, русская, напр. чешскія: *Z dymu do ohne padnouti; z rostu do uhli upadnouti* (Чоляк. 626). Изъ классическихъ авторовъ пословица—καπνὸν φεύγων εἰς πῦρ ἐμπέπτωχεν (или ἐαυτὸν ἐνέβαλεν) раньше всего встрѣчается у Платона (reip. VIII 569 B), затѣмъ у Плутарха (de vitioso pud. 9) и Лукіана (Nesym. 4), а изъ римскихъ писателей только Амміанъ Марцеллинъ приводитъ это proverbium vetus: *de fumo in flammam*²⁾. Витантійскія, арабскія и турецкія параллели приводитъ Брумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 200). Родственную по значенію русскую пословицу—*отъ дождя да подъ капель* (Даль II 87) и маллорусскую *З дощу та під ринюу* (Ном. 1791) срвн. съ нѣм. *Aus dem Regen in die Traufe kommen*.

81. Наша пословица—доброе начало—половина дѣла (Даль 536), безъ сомнѣнія, потому что правильное начало представляетъ самую трудную часть дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшую гарантію успѣха,—соотвѣтствуетъ греческой: Ἀρχὴ ἡμισο παντός (Diogen II 97; Suid. I 770; Масар. II 47; Apost. III 97), которую одни приписывали Гесиоду (Lucian. Hermot. s. de sect. 3), другіе Пиеагору (Iambli. vit. Pythag. XXIX 162). Но у Гесиода самой пословицы нѣтъ, а встрѣчается только загадочное парадоксальное изрѣченіе: Νῆπιοι, οὐδὲ ἴσασιν, ὅσῳ πλέον ἡμισο παντός (Нес. opp. 40), т. е. „глупые, они и не знаютъ, насколько половина болѣе цѣлаго“; изрѣченіе это пытался объяснить Платонъ³⁾, а Цицеронъ въ шутку примѣнилъ къ

¹⁾ Diogen. VIII 45; Greg. Cyrp. III 76; Масар. VIII 42 и Apost. XVI 93.

²⁾ Amm. Marc. XIV 11, 12 и XXVIII 1, 26.

³⁾ Plat. legg. III p. 690 E; rep. V 466 C; *H. Koch* объясняетъ его нѣкоторыми мѣстами изъ трагиковъ: Quacst. de provv. apud Aeschyl. Soph. Eurip. Barten. 1892, p. 19.

своему брату¹⁾. Во всякомъ случаѣ, глубокая древность нашей поговорки не подлежитъ сомнѣнію: если ея не знали Гесиодъ, за 700 лѣтъ, то за 400 лѣтъ до Р. Хр. она навѣрное существовала, потому что встрѣчается въ сочиненіяхъ Платона (Plat. legg. VI 753 sub fin; геір. II 377 A), а изъ латинскихъ авторовъ у Горация: *Dimidium facti, qui coepit, habet*²⁾. Славянскія поговорки у Челяк. 131; франц. *Heureux commencement est la moitié de l'oeuvre*; нѣм. *Guter Anfang ist halbe Arbeit*.

82. Наша поговорка — живи не какъ хочется, а какъ можется (Даль 29) впервые встрѣчается у Платона въ слѣдующемъ видѣ: *Τοιαῦτα τὰ ἡμέτερα ἔστιν, οὐχ ὅλα βούλεται τις — φασὶν ἀνθρώποι ἐκίστοτε παροικιαζόμενοι; — ἀλλ' ὅλα δύνатаи* (Plat. Hipp. maj. 301 C). Намекъ на ту же поговорку находится у Демосфена: *ἡμεῖς δ' ὁμολογοῦμεν καὶ τακίως πωλεῖν καὶ ζῆν οὐχ ὄντινα τρόπον βουλόμεθα* (Dem. LIV [in Eubul.] § 31). Въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ Менандра поговорка встрѣчается уже въ той редакціи, въ какой она приближается къ нашей поговоркѣ, именно: *Ζῶμεν γὰρ οὐχ ὡς θέλομεν, ἀλλ' ὡς δυνάμεθα*³⁾ и въ какой она вошла въ позднѣйшіе сборники⁴⁾. Отъ Менандра поговорка перешла въ римскую комедію, благодаря Теренцію: *Ut quimus, ajunt, quando ut volumus non licet* (Ter. Andr. 805, cf. 305), изъ котораго приводится Блаж. Августиномъ (de civ. Dei XIV 25 ed. Domb. II 52). Какимъ путемъ она перешла къ намъ, неизвѣстно.

83. У насъ есть поговорка, повидимому, совершенно оригинальная: *лучше въ обидѣ быть, нежели въ обидчикахъ* (Даль II 601), а между тѣмъ она, какъ кажется, прямо взята съ греческаго, именно, изъ Платона, влагающаго въ уста Сократу слѣдующія слова: *ἐλοίμην*

¹⁾ Увидѣвъ поясное изображеніе своего малорослаго брата, Квинта, сдѣланное въ огромныхъ размѣрахъ, онъ сказалъ: *frater meus dimidius major est, quam totus* (Macrob. sat. II 3 § 4).

²⁾ Hor. ep. I 2, 40; cf. Sen. ep. 34, 3 (IV 5, 3).

³⁾ A. Meineke Frgm. com. Gr. IV, 1841 p. 84. Th. Koch III p. 17; то же Menandri monost. 190.

⁴⁾ Zenob. IV 16; Diogen. IV 100 (cod. Vind. II 81); Suid I 2 p. 735; Greg. Cyr. II 58 (cod. Mosq. III 57); Масар. IV 81; Apost. VIII 38.

ἀν μᾶλλον ἀδικεῖσθαι, ἢ ἀδικεῖν¹⁾). Вѣроятно, подѣ впечатлѣніемъ словъ великаго философа, и Цицеронъ писалъ: *accipere quam facere praestat injuriam* (Туск. V 19 § 56). Разумѣется, это философское чисто умозрительное положеніе, вводящее новый принципъ въ языческую мораль, не было и не могло быть пословицей²⁾, такъ какъ послѣдняя представляетъ выводъ практической морали и не вводитъ въ жизнь ничего новаго, а только фиксируетъ господствующія понятія. Мы остановились на этомъ изрѣченіи не какъ на пословицѣ: для насъ интересно и пріятно встрѣтить оригиналь поговорки, сдѣлавшейся *нашею*, у величайшаго мыслителя древности.

84. Въ смыслѣ нашей пословицы — подливать масла въ огонь, или тушить масломъ огонь (Даль II 308), т. е. усиливать зло, греки въ древнѣйшее время говорили: πῶρ ἐπὶ πῶρ, „прибавлять огня къ огню“, какъ видно изъ того мѣста въ *Законахъ* Платона, гдѣ онъ не совѣтуетъ давать юношамъ вина, слишкомъ возбуждительно дѣйствующаго на организмъ и чувства молодыхъ людей: οὐ χρῆ πῶρ ἐπὶ πῶρ ὀχετεύειν εἰς τε τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν³⁾. Какъ поговорка, выраженіе πῶρ ἐπὶ πῶρ (καὶ κακὸν ἐπὶ κακῶ), или Μῆ πῶρ ἐπὶ πῶρ вошло и въ позднѣйшіе сборники⁴⁾. Римляне, въ подражаніе грекамъ, также говорили: *in flammam flammam—fundere* (Ov. am. III 2, 34). Къ этому типу принадлежитъ польская пословица: *Ognia do ognia przysdaje, kto mlodemu wina daje* (Челяк. 407), происшедшая, по видимому, изъ вышеуказаннаго мѣста Платона. Русскія пословицы составлены по позднѣйшимъ образцамъ, находящимся въ сборникѣ пословицъ, приписываемыхъ Плутарху: ἐλαίω πῶρ σφεννύεις (Plut. provv. Boiss. 22), у Лукіана: ἐν πυρὶ διαφθειρόμενον—πίττη καὶ ἐλαίω κατασφεννύειναι (Luc. Tim. 44 и de dipsad. 4) и у византійскаго писателя

¹⁾ Plat. Gorg. p. 469 C; cf. Plut. de aud. poet. 14 τὸ ἀδικεῖν χείριον τοῦ ἀδικεῖσθαι и Gell. XII 9, § 4 и 6. А. Sonny приводитъ еще цитату изъ блаж. *Авустина* (in psal. 125, 8): melius est injustitiam ferre quam facere.

²⁾ Въ упомянутой брошюрѣ *E. Grünwald*—а это изрѣченіе не приводится.

³⁾ Plat. legg. II 666 A; cf. Sen. de ira II 20, 2 vinum—pueris negandum Plato putat et ignem vetat igne incitari.

⁴⁾ Zenob. V 69; Diog. VI 71; Suid. II 2 p. 570 и Macar. V 93.

VI вѣка, Климака: μετὰ ἐλαίου σβεννύειν ἐμπρησίων (Krumbacker S. 230 N 41). У римлянъ существовали подобныя же поговорки, напр. у Горация встрѣчается выраженіе: *oleum adde camino* (sat. II 3, 321), по поводу котораго Порфиріонъ (комментаторъ Горация III вѣка) замѣчаетъ, что поэтъ въ этомъ случаѣ воспользовался народной пословицей: *oleum in incendium*. Въ сочиненіяхъ блаж. Иеронима, изъ которыхъ не одна пословица перешла къ намъ, нѣсколько разъ употребляется поговорка: *oleum flammae* (adjicere)¹⁾.

85. Выраженіе—бабы сказки (или бабы бредни) соответствуетъ греческому γραῶν ὄθλος или γραῶν ὄθλοι, которое, подобно нашему выраженію, означаетъ пустую болтовню и встрѣчается у Платона (Theaeth. 176 B; cf. Gorg. 527 A; гер. 336 D и 350 E), Лукіана (dial. mort. X 8, cf. Philops. 9), Порфирія (Περὶ ἀποχ. ἐμφ. IV 16 въ прилож. къ сочин. Эліана изд. Didot), Свиды (I р. 1139) и у пареміографовъ, какъ proverbium²⁾. Римлянамъ это выраженіе было также извѣстно: *aniles fabellae* встрѣчаются у Цицерона, Горация, также у Апулея, Лактанція, Иеронима³⁾.

86. Поговорка—рышетомъ воду носить, означающая напрасный трудъ (*дурака учить, что рышетомъ воду носить*, Даль IV 96), встрѣчается впервые у Платона (гер. II р. 363 D), затѣмъ въ позднѣйшихъ сборникахъ: διχτῶφ ὕδωρ φέρειν (ἀντλεῖν), также ἡδμῶφ ἀντλεῖν (Arist. oecop. I 6, 1) или διχτῶφ ὕδωρ κομίσειν⁴⁾. Римляне также знали эту поговорку: Non pluris refert, quam si imbrem in cribrum ingeras (у Plaut. Pseud. 102). Изъ „римскихъ древностей“ Діонисія Галикарнасскаго⁵⁾ извѣстна исторія весталки Тулціи: обвиненная въ нарушеніи обѣта цѣломудрія, она, чтобы доказать свою

1) Hieron. ep. 22, 8; 77, 7 125, 11; славянскія параллели у Челяк. 114.

2) Zenob. III 5 Граῶν ὄθλος ἐπὶ τῶν μίτην ληρόντων, Diog. III 79; Greg. Cyrp. I 100; Masar. III 5 и Apost. V 63.

3) Cic. de nat. deor. III 5, 12; Hor. sat. II 6, 77; см. Otto № 121 и A. Sonny Zu d. Sprichw. d. Römer (Archiv f. lat. Lex. u. Gramm. 1894, 1 S. 55).

4) Plut. pronv. Boiss. 8, 31, 50; Suid. II р. 352 и Masar. V 20 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἀνηγύτως καὶ μίτην πονοῦντων.

5) Dion. Hal. II 69, также Val. Max. VIII 1. 5; Plin. h. n. XXVIII 3; August. de civ. D. X 16, 30.

невинность, рѣшилась на поступокъ, „который по пословицѣ, считается совершенно невозможнымъ“ τὸ παροιμαζόμενον ἐν τοῖς πρώτοις τῶν ἀδονάτων τόλμη' ὑπομεῖναι Dion. Hal.): она зачерпнула рѣшетомъ воды изъ Тибра и въ сопровожденіи жрецовъ и толпы народа принесла ее на форумъ, въ храмъ богини (по Liv. ep. XX Tuccia virgo Vestalis incesti damnata est). Въ русскихъ сказкахъ вѣдьма также заставляеть дѣвушку принести воды въ рѣшетѣ, и у древнихъ поляковъ былъ обычай тѣмъ же способомъ испытывать обвиняемыхъ¹⁾.

87. У насъ говорится: утереть кому носъ (Даль IV 534) въ смыслѣ озадачить или проучить кого, особенно, поставить въ тупикъ какогонибудь юнаго, но самоувѣреннаго выскочку, показавъ его глупость. Въ этомъ значеніи у Платона встрѣчается глаголь ἀπομόττειν: χοροζῶντα περιόρᾳ καὶ οὐκ ἀπομόττει (Plat. ger. I p. 343 A), т. е. „не обращаетъ вниманія на твою глупость (собств.: изъ тебя сопливаго) и не утираетъ тебѣ носъ“. У Лукіана не разъ встрѣчается слово χοροζα (сопля), какъ синонимъ глупости, потому что это слово означаетъ также насморкъ и притупленіе чувства обонянія, а отсюда—тупоуміе (такъ объясняется въ лексиконахъ), а въ одномъ мѣстѣ у Лукіана это слово стоитъ съ глаголомъ ἀποζῶειν (Luc. Navig. s. vot. 45 τὴν—χίροζαν ἀποζῶας, вмѣсто чего нѣкоторые предполагаютъ ἀπομόζας²⁾) въ значеніи нашего выраженія утереть носъ, или обличить въ глупости. Что наша поговорка произошла отъ греческой, это очень вѣроятно (иначе трудно было бы объяснить разительное сходство такого оригинальнаго способа выраженія); но у насъ имѣется въ виду не тупоуміе лица, къ которому прилагается поговорка, а, скорѣе, мальчишеское легкомысліе и какъ бы неумѣнье смотрѣть за самимъ собою, подобно маленькимъ дѣтямъ, не умѣющимъ самимъ себѣ утирать носъ.

88. Русская поговорка—*подобный подобнаго любитъ* (у Челяк. 37) соответствуетъ греческой: ὁ ὁμοῖος τῷ ὁμοίῳ (sci. φίλος), приводимой Платономъ (Gorg. 510 B) и вошедшей въ позднѣйшіе сборники (Apost. XII 68; Mant. provv. II 39). Прототипъ пословицы

¹⁾ А. Аванасьева Поэт. возр. славянъ на природу. I 571—572.

²⁾ См. Sprichw. bei Lucian v. Rein. S. 34.

находится уже у Гомера: ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς (= πρὸς) τὸν ὁμοῖον (Odys. XVII 218)—„правá пословица: ровнаго съ равнымъ безсмертные сводятъ“ (Жук.). Славянскія параллели у Челяк. 37; позднѣйшая дат: *similis simili gaudet*.

89. Что просьба богатаго или сильнаго для бѣдняка имѣетъ значеніе приказанія или принужденія,—эта мысль выражается въ нѣсколькихъ греческихъ и латинскихъ сентенціяхъ. Уже у Платона говорится, что „просьбы тиранновъ граничатъ съ принужденіемъ“—τὰς δὲ τῶν τυράννων δεήσεις ἴσμεν ὅτι μεμιγμένα ἀνάγκαις εἰσὶν (Plato epist. VII p. 329 D). Позднѣйшая поговорка гласитъ: βία πονήτων, πλουσίων παράκλησις (Apost. IV 97), т. е. „приглашеніе богатыхъ имѣетъ обязательную силу для бѣдныхъ“. Въ римской литературѣ имѣется двѣ подобныхъ сентенціи,—у П. Сира: *Durum est negare, superior cum supplicat*¹⁾. т. е. „трудно отказать, когда проситъ старшій“, и у Макробія: *potestas—si supplicet cogit* (Macrob. II 7, 2): „если проситъ власть имѣющій, то это равно принужденію“. Въ такомъ родѣ мы имѣемъ малорусскую поговорку: *просьба паньска ривно з наказом ходитъ*²⁾.

XXVI. Хэрилъ.

90. Знаменитая сентенція—капля по каплю и камень долбитъ (Даль II 86) принадлежитъ эпическому поэту Хэрилу, самосскому уроженцу, жившему за 400 лѣтъ до Р. Хр.; въ дошедшихъ до насъ фрагментахъ его поэмы находится стихъ: πέτρην κοιλάνει ῥανὶς ὕδατος ἐνδελεχεῖη (G. Kinkel Epicorum Gr. frgm. I Lips. 1877 p. 271, fr. 10); но, кажется, болѣе извѣстна эта сентенція въ той формѣ, въ какой она приводится Апостолиемъ (XV 19): Ῥανὶς ἐνδελεχοῦσα κοιλάνει πέτραν—„капля, непрерывно падая, долбитъ скалу“. У другихъ пареміографовъ ея нѣтъ; тѣмъ не менѣе она принадлежитъ къ любимымъ афоризмамъ, которыми писатели пользуются въ риториче-

¹⁾ P. Suri sent. 660 въ изд. Мейера послѣ в. 146, cf. 661 ibid.

²⁾ Ном. 1209; польск. и серб. у Челяк. 324, нѣм. у Отто № 1458.

скихъ цѣляхъ для доказательства могущественной силы человѣческой энергии (такъ у Plut. de educ. руег. 4), или медленнаго, но разрушительнаго дѣйствія времени, напр. у Овидія. *Gutta cavat lapidem*¹⁾. Сентенція Хэрила, въ формѣ пословицы, приводимой Апостолиемъ, встрѣчается у византійскихъ писателей, а также у Отцевъ Церкви (Григорія Назіанзина и Іоанна Дамаскина)²⁾; это обстоятельство бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тотъ путь, которымъ сентенція эта зашла къ намъ. Славянскія параллели у Челяк. 126.

XXVII. Доріонъ.

91. Буря въ стаканъ воды, говоримъ мы для обозначенія пустячнаго, не стоящаго вниманія дѣла, возбуждавшаго много шума³⁾. Въ томъ же смыслѣ греки говорили: 'Αστραπή ἐκ πωλείου (Diogen. III 7 и Apost. IV 13), собств.: „гроза изъ корыта“, по объясненію Свиды (I р. 812) ἐπι οὐδενείας т. е. о пустякахъ, не стоящихъ вниманія. Греческое выраженіе еще ближе подойдетъ къ нашему, если мы вспомнимъ, что блескъ молніи и удары грома, по мнѣнію древнихъ, происходили отъ столновенія и разрыва облаковъ, приводимыхъ въ движеніе бурей ('Αστραπή ἔξαφικε νεφῶν παρὰ τριβομένων ἢ ῥηγνυμένων ὑπὸ πνεύματος Suid. ibid.). Но древнѣйшимъ изрѣченіемъ въ этомъ родѣ и прототипомъ пословицы, вошедшей въ новѣйшіе языки, нужно признать изрѣченіе Доріона, личность и время жизни котораго въ точности неизвѣстны. Изъ того обстоятельства, что о немъ упоминаетъ Мнесимахъ (у Athen. VIII 19, р. 338 В), писатель средней комедіи, можно заключить, что Доріонъ жилъ приблизительно въ IV вѣкѣ до Р. Хр.; извѣстно также, что онъ былъ композиторъ (χοροματοποιός) и славился остроуміемъ. Нѣкоторыя изъ его bons mots сохранились у Аэенія, который, между прочимъ, при-

¹⁾ Ov. art. am. I 476; ep. ex Pont. IV 10, 5; другія цитаты изъ римскихъ поэтовъ см. у Отто № 774.

²⁾ См. примѣч. Leutsch—а въ Apost. XV 19.

³⁾ Также говорятъ нѣмцы: *Sturm im Glasse Wasser*; франц. *Une tempête dans un verre d'eau*.

водитъ цитату изъ Гегесандра: ὁ αὐτὸς Δωρίων καταγελῶν τοῦ ἐν τῷ Τιμοθέου Ναυτίλῳ χειμῶνος ἔρασκεν ἐν κακῆβρα ζεοῦσα μείζονα ἑωρακέναι χειμῶνα (Athen. VШ 19 p. 338 A), т. е. „тотъ же Доріонъ, во поводу бури въ Тимоевомъ *Навтилъ*, въ насмѣшку говорилъ, что въ кипящемъ горшеѣ онъ видѣлъ болѣе сильную бурю“. И у римлянъ было подобное выраженіе; его приводитъ Цицеронъ: *excitabat—fluctus in simpulo, ut dicitur*¹⁾, „онъ, какъ говорится, поднималъ бурю въ разливной ложкѣ“.

XXVIII. Аристотель.

92. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки (Даль 451),— знаменитая сентенція, приписываемая то Исократу, то Аристотелю, то Катону Старшему, то, наконецъ, Цицерону. Наиболѣе авторитетное свидѣтельство—Диогена Лаертскаго говорить въ пользу Аристотеля; самое изрѣченіе представляется въ слѣдующемъ видѣ: τῆς παιδείας ἔφη (Ἀριστοτέλης) τὰς μὲν ῥίζας εἶναι πικράς, γλυκεῖς δὲ τοὺς καρπούς (Diog. Laert. V 17). Менѣе важны свидѣтельства позднѣйшихъ риторовъ и грамматиковъ, поддерживающія авторскія права Исократа, Катона и Цицерона (они приведены въ книгѣ Отто подъ № 963). Оставляя въ сторонѣ греческаго оратора, объ обоихъ знаменитыхъ римлянахъ нужно замѣтить, что если они и приводили когда нибудь въ своихъ сочиненіяхъ это „крылатое слово“, то не какъ авторы, а какъ посредники, пересаживавшіе цвѣты греческой реторики и философіи на римскую почву.

93. Пословица—клинокъ клиномъ выбивать принадлежитъ къ очень распространеннымъ²⁾; греческій оригиналь ея—Ἦλον τὸν ἦλον ἐχρῶσθαι (καὶ πάταλον παττάλω) находится во всѣхъ почти сборникахъ³⁾. Греки объясняли свою пословицу въ томъ же смыслѣ, въ ка-

¹⁾ Cic. de legg. Ш 16, 36.

²⁾ Славянскія у Челяк 627; франц. *Un clou chasse l'autre*, нѣм. *Mit einem Nagel den andern austreiben*.

³⁾ Diog. V 16; Suid. I 2 p. 843; Greg. Cyr. II 60 (cod. Mosq. III 60); Masar. IV 47; Apost. VIII 52 и XIV 1. 0 происхожденіи пословицы отъ игры κινδάλισμός см. Bernh. ad Suid. и Erasmi. adag. I 2, 4.

комъ мы употребляемъ свою: ἀμαρτήματα τὰ ἀμαρτήματα или κακὸν κακῶ
 διατερεῖν (cf. Herod. III 53 и Thucyd. V 65 κακὸν κακῶ ἰασθαι);
 наша поговорка гласитъ: *лихое лихими избывается* (Даль II 261),
 польск. *złym złego zbyć* (Челяк. 33). Греческая пословица произошла,
 вѣроятно, изъ аттической комедіи (cf. Th. Kock frgm. incert. poet.
 494. III p. 500), но ранше всего встрѣчается у Аристотеля (Polit.
 V 9 или 11, § 6), позднѣе нѣсколько разъ у Лукіана (Philopseud.
 9; pro lapsu inter salut. 7; apolog. 9). Римляне говорили: *clavum
 clavo pellere*. Цицеронъ, разсуждая о средствахъ исцѣлить любовную
 страсть, прибавляетъ: *etiam novo quidam amore veterem amorem,
 tanquam clavo clavum ejiciendum putant* (Cic. Tuscul. IV 35). Вооб-
 ще гомеопатическій способъ лѣченія (*similia similibus curantur* Га-
 пенанна) предписывается и другими, какъ греческими, такъ и русски-
 ми пословицами, напр. κέρον κρόφ λόειν (Masar. V 22), οἶνω τὸν οἶνον
 ἐξελαύνειν (Antiphanes ap. Athen. II 20, p. 44 a), или οἶνω τὸν
 οἶνον καὶ κραπάλη τὴν κραπάλην (хмѣль похмѣляемъ) ἐξαιρεῖν (Plut.
 de sap. 11; cf. Th. Kock II 129 и III 494); и русскія послови-
 цы—*клиноз клиномз выбивать, чъмз ушибся, тъмз и льчись* при-
 мѣняются въ народной медицинскои практикѣ; напримѣръ, снѣгъ ре-
 комендуется для оттиранія отмороженныхъ членовъ, горячая вода отъ
 обжоговъ, похмѣлье отъ опьяненія, хотя, впрочемъ, другая наша по-
 словица, вопреки греческой, гласитъ: *клиноз клиномз выколотишь, а
 хмѣль хмѣлемз не выбьешь* (Даль IV 570).

94. Наше характерное выраженіе—*драть съ живаго и съ мер-*
твваго (Даль I 504) было извѣстно и грекамъ, которые говорили о
 чловѣкѣ, эксплуатирующемъ бѣдняковъ: Κάν ἀπὸ νεκροῦ φέρη (Diogen.
 V 84 ἐπὶ τῶν ἀπὸ πενήτων καρδαίνοντων), т. е. „даже съ мертваго
 грабишь (дерешь)“. Пословица была извѣстна уже Аристотелю (rhet.
 II 6, § 5). Что глаголь φέρειν или φέρεσθαι употреблялся въ зна-
 ченіи грабить или драть, это можно доказать цѣлымъ рядомъ цитатъ
 изъ авторовъ. У позднѣйшихъ пареміографовъ (XIII и слѣд. вѣковъ),
 вмѣсто φέρεσθαι, говорится: *κάν ἐπὶ τοῦ νεκροῦ καρδαίνειν* (Greg. Cyrp.
 II 84 cod. Leid. II 37; Apost. IX 41), т. е. „получать съ мертва-

го барыши“, или ἀπὸ νεκρῶν φορολογεῖν Diogen. I 9; Apost. III 54 b) „собрать съ мертвыхъ подати“.

95. Изъ двухъ золъ выбирать меньшее (Даль I 706), говоримъ мы, не подозрѣвая, что оригиналъ нашей поговорки принадлежитъ великому Стагирскому философу, который за 350 лѣтъ до Р. Хр, сказалъ: τὰ ἐλαχίστα ληπτέον τῶν κακῶν (Aristot. eth. Nicom. II 9, § 4), т. е. „изъ золъ нужно выбирать наименьшее“. Изрѣченіе Аристотеля воспроизведено Цицерономъ: *ex malis eligere minima oportere*, съ прибавкой *ab hominibus doctis acceperimus*— „какъ я узналъ отъ ученыхъ“, при чемъ Цицеронъ разумѣлъ, безъ сомнѣнія, Аристотеля; и въ другомъ мѣстѣ онъ также говоритъ: *Nam quod ajunt: minima de malis*¹⁾.

96. Поговорка—привычка— вторая природа, считающаяся въ числѣ русскихъ пословицъ (Даль 754), съ ббльшимъ правомъ можетъ быть названа переводною, заимствованною, хотя и неизвѣстно, съ какого языка она взята, съ греческаго, или латинскаго. Раньше всего она встрѣчается у Аристотеля въ слѣдующей формѣ: καὶ γὰρ τὸ εἰθισμένον ὡσπερ πεφοκός ἤδη γίγνεται (Arist. rhet I 11 § 3), т. е. „привычка становится уже природнымъ свойствомъ“. Затѣмъ Цицеронъ, который, какъ извѣстно, старался распространить въ Римѣ философскія понятія грековъ, ту же мысль передаетъ такъ: *consuetudine quasi alteram quandam naturam effici* (Cic. de fin. V 25, 74): „привычкой создается какъ-бы вторая природа“. У позднѣйшихъ писателей (IV и V вѣковъ), Августина, Макробія (saturn. VII 9, 7) и друг. выраженіе—*consuetudo secunda natura* употребляется какъ формула, близкая къ пословицѣ; отъ нихъ, безъ сомнѣнія, она перешла въ новѣйшіе языки²⁾ и, вѣроятно, изъ этого же источника проникла къ намъ.

97. Пословица—чтобы узнать челоавка, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть, или челоавка узнаешь, когда съ нимъ пудъ соли рас-

¹⁾ Cic. de off. III 1, 3; III 29, 105.

²⁾ *L'habitude est une seconde nature, Gewohnheit ist andere Natur*; чешск. и польск. у Чехл. 221.

хлебаешъ (Даль Ш 557, IV 82), известная и въ другихъ новѣйшихъ языкахъ, заимствована съ греческаго. Въ позднѣйшихъ сборникахъ (XIII—XV вѣковъ) встрѣчается поговорка: Ἄλῶν μέδιμνον ἀποφαγών, ¹⁾ смыслъ которой для авторовъ этихъ сборниковъ былъ несовсѣмъ ясенъ; по ихъ объясненію, это выраженіе означало людей неблагодарныхъ, или забывающихъ хлѣбъ—соль (ἐπί τῶν ἀχαρίστων, или ἀμνημονούτων φίλων). Такое толкованіе будетъ непонятно, если не принять глагола ἀποφαγεῖν въ значеніи, „перестать ѣсть,“ „отказаться отъ ѣды,“ такъ что ἄλῶν μέδιμνον ἀποφαγών будетъ значить: „отказавшійся ѣсть медимнъ соли,“ т. е. разорвавшій дружбу, при чемъ все таки предполагается существованіе другой поговорки, соотвѣтствующей нашей. Но одна ли можно удовлетвориться подобнымъ объясненіемъ. Не значить ли здѣсь ἀποφαγών (собств. окончившій ѣду) просто „сѣвшій“ (=καταφαγών, хотя по смыслу лучше было бы σαρφαγών? Если допустить такое значеніе глагола, то выраженіе ἄλῶν μέδιμνον ἀποφαγών — „сѣвшій (разумѣется вмѣстѣ съ кѣмъ) медимнъ соли“ не будетъ ли равносильно выраженію — „старинный, испытанный другъ“? (Срвн.: *изъданъ другъ, куль соли вмѣстѣ съъвши* Даль 859). На это толкованіе наводитъ насъ одно мѣсто у Плутарха, гдѣ встрѣчается аналогичное выраженіе: „я не хочу сказать, что мы должны имѣть только одного друга; но между прочими друзьями, съ которыми мы еще недавно и притомъ одинъ разъ познакомились или за общей попойкой, или на играхъ, или въ гостинницѣ, или въ палестрѣ, или на площади, у насъ долженъ быть одинъ любимый другъ, который бы, по известной пословицѣ, *сѣлъ съ нами медимнъ соли*“ (τῶν ἄλῶν συχάτερον ἡδονῶς μέδιμνον Plut. de amic. mult. 3), т. е. такой другъ, вѣрность котораго была бы испытана въ продолженіи многихъ лѣтъ. Отсюда видно, что у грековъ была пословица, соотвѣтствующая нашей (съ тою лишь разницей, что медимнъ, — обыкновенная у грековъ единица мѣры, какъ у насъ пудъ, — втрое больше пуда). Тоже доказываютъ два текста древнѣйшаго писателя, у котораго встрѣчается ука-

¹⁾ Greg. Cyrp. I 76, cod. Leid. I 23, cod. Mosq. I 73; Macar. I 82 и Apost. II 28.

заніе на эту пословицу, именно, Аристотеля: οὐ γὰρ ἔστιν ἄνευ πέιρας οὐδεμιᾶς ἡμέρας ὁ φίλος· διὸ εἰς παροιμίαν ἐλήλυθεν ὁ μέδιμος τῶν ἄλῶν (Arist. ethic. Eudem. VII 2, § 46) т. е. „нельзя назвать другомъ человека, совѣтъ неизвѣстнаго намъ по опыту; поэтому и въ пословицу вошелъ и вѣстный *медимнъ соли*“; другое мѣсто: κατὰ τὴν παροιμίαν γὰρ οὐκ ἔστιν εἰδῆσαι ἀλλήλους, πρὶν τοὺς λεγομένους ἄλας συναναλῶσαι (Aristot. eth. Nicom. VIII 3, § 8), т. е. „невозможно узнать другъ друга, пока не съѣдена извѣстная въ пословицѣ мѣра соли“ (cf. τὸν θρολοῦμενον τῶν ἄλῶν μέδιμον Plut. de frat. am. 8). Что пословица была у римлянъ, доказываетъ одно мѣсто у Плавта: Non ecaster vilis emptu' st modius qui venit salis (Plaut. Cas. 538). Нѣсколько другое примѣненіе дано этой пословицѣ Цицерономъ: verumque illud est, quod dicitur, multos modios salis simul edendos esse, ut amicitiae munus expletum sit (Cic. Lael. de amic. 19, 67): „правду говорить пословица, что много мѣръ соли нужно съѣсть вмѣстѣ, чтобы выполнить задачу дружбы,“ т. е. достигнуть полной гармоніи душъ, составляющей задачу дружбы.

98 и 99. Двѣ нашихъ пословицы—*отъ хозяйскаго глаза и конь добръетъ и идъ хозяинъ ходитъ, тамъ и хлѣбъ родится*,¹⁾ стоящія рядомъ въ сборникѣ Дала, обѣ взяты изъ одного текста Аристотеля: Καὶ τὸ τοῦ Πέρσου καὶ τὸ τοῦ Δίβου ἀπόρρημα εἰ ἂν ἔχοι· ὁ μὲν γὰρ ἐρωτηθεὶς τί μάλιστα ἵππον πιαίνει, ὁ τοῦ δεσπότου ὀφθαλμός, ἔφη. ὁ δὲ Δίβος ἐρωτηθεὶς ποῖα κόπρος ἀρίστη, τὰ τοῦ δεσπότου ἴχνη, ἔφη²⁾, т. е. „правильными могутъ считаться изрѣченія Перса и Ливійца: именно. первый на вопросъ, отъ чего конь больше всего жирѣетъ? отвѣчалъ: отъ хозяйскаго глаза. А второй на вопросъ, какое наилучше удобреніе для полей? сказалъ: слѣды ногъ хозяина“. Первое изъ этихъ изрѣченій приводится позднѣе Плутархомъ: Οὐδὲν οὕτω πιαίνει τὸν ἵππον, ὡς βασιλέως ὀφθαλμός (Plut. de educ. puer. 13). Римскіе авторы, напротивъ, усвоили вторую сентенцію, по которой хозяйскій при-

¹⁾ Даль 635; II 157 и 182 съ двумя вариантами: *отъ хозяйскаго глаза и конь жирѣетъ и глазъ господскій удобжаетъ ниву* (последній книжнаго характера).

²⁾ Arist. oecop. I cap. 6 § 3.

смотреть лучше всего способствуетъ плодородію полей, напр. Плиній говорить: *majores fertilissimum in agro oculum domini dixerunt*¹⁾. Славяне, также французы, нѣмцы и англичане знаютъ пословицу, приводимую Плутархомъ; напр. сербы говорятъ: *очи господарове коня юе*; галичано: *паньске око коня тучить*; французы: *L'oeil du maitre engraisse le cheval*. Чешск., польск., нѣм., англ. см. у Челяк. 428.

100. Аристотелевское изрѣченіе — *τὰ κακὰ συνίγει τοὺς ἀνθρώπους* (rhet. I 6 § 20)²⁾ и по формѣ и по значенію соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: *горе сдружаетъ людей* (Даль IV 171). „Часто привязываются другъ къ другу люди, вѣсть потерившіе кораблекрушеніе, или служившіе въ войскѣ, или попавшіе въ плѣнъ, или даже страдающіе одною и тою же болѣзнью“ (Egasm. adag II 1, 71).

XXIX. Менандръ.

101, 102, 103. У греческихъ писателей, особенно у комиковъ, часто встрѣчается проявленіе такъ называемой Цицерономъ *misogynia* (Tuscul. IV 11, 25), т. е. неависти къ женщинамъ. Въ причины этого явленія мы не будемъ входить; замѣтимъ только, что жестокія выходки писателей противъ женщины свидѣлствуютъ объ ея униженномъ положеніи у грековъ. Обыкновенное сравненіе, къ которому прибѣгаютъ писатели, говоря о женщинѣ, это — сравненіе ея съ „неуверотимымъ, наглымъ звѣремъ“³⁾. „Не легко найти честную жен-

¹⁾ Plin. h. n. XVIII 8, 2 ed. ster. Lips. 1830. Трудно сказать, имѣеть ли вторая изъ этихъ поговорокъ (*иди хозяинъ ходитъ, тамъ и земля родится*) какую нибудь связь съ мифическимъ представленіемъ, по которому гдѣ проходили боги, тамъ подымались изъ земли роскошные злаки; представленіе это сохранилось, между прочимъ, у нашихъ бѣлорусовъ о богѣ Ярилѣ (А. Аванасевъ Поэт. возр. слав. на прир. I 441).

²⁾ Cf. Eurip. Hel. 644 τὸ κακὸν δ'ἀγαθὸν σέ τε κάμει συνάγαγε.

³⁾ Οὐδέν ἐστι θηρίον γυναικὸς ἀμαχώτερον, οὐδὲ πῦρ, οὐδ' ὠδ' ἀναίδης οὐδεμία πόρδαλις (Aristoph. Lys. 1014); οὐκ ἔστ' ἀναίσχυντότερον οὐδέν θηρίον εἰσορᾶν γυναικὸς ἀπ' ἑμαυτῆς ἐγὼ τεκμαίρομαι (Alexid. frgm. Th. Kock, II p. 403). Πολλῶν κατὰ γῆν καὶ κατὰ θαλάσσαν θηρίων ὄντων, μέγιστόν 'εἶστι θηρίον γυνή (Menandri frgm. A. Meineke, IV p. 214).

щину“ (Γυναϊκὸς ἐσθλῆς или Γυναϊκὸς ἀγαθῆς ἐπιτοχεῖν οὐ ράδιον), говорится въ отрывкахъ Менандра и Дифила¹⁾. Глупость ея или *babii умз* (Даль I 34), т. е. недалекий, вошелъ въ поговорку: Γυναϊκὸς φρένες ἐπὶ τῶν ἀνοήτων²⁾; „лучше похоронить жену, чѣмъ жениться“ (Γυναῖχα θάπτειν κρείσσόν ἐστιν ἢ γαμεῖν), говорятъ Харемонъ и Менандръ³⁾. У насъ, въ древней Руси, распространились греческіе взгляды; предостереженія противъ женскихъ соблазновъ и нападки на женщинъ во вкусѣ греческой комедіи—одна изъ любимыхъ темъ нашихъ древнихъ моралистовъ. Сказанія „о злой женѣ и о злобахъ женскихъ“ были распространены въ древне-русской гномичной литературѣ; такъ въ „Словѣ“ Данила Заточника находится тирада о „злообразной женѣ“, заимствованная, кажется, изъ греческихъ источниковъ⁴⁾. Въ числѣ апофегмъ, приписываемыхъ въ одной старинной рукописи Св. Григорію Богослову (Назіанзину)⁵⁾, встрѣчаются изрѣченія о злой женѣ, прямо взятая изъ Менандра, напр. „звѣрей всѣхъ свирѣпѣйши есть жена“: Θηρῶν πάντων ἀριωτέρα γυνή (Menandr. monost. 248); „буря велія есть дому злая жена“: Χειμῶν κατ' οἶκους ἀνδράσιν κακῆ γυνή (Menandr. mon. 540)⁶⁾. Изъ рукописныхъ сборниковъ подобныя изрѣченія перешли въ народъ; неудивительно поэтому, что нѣкоторыя изъ сентенцій Менандра сохранились въ русскихъ народныхъ поговоркахъ, напр. сентенція Δέοντι σοῦζῆν ἢ γυναικὶ συμβιοῦν (Men. mon. 327), т. е. *κρείττον*, въ рукописи Григорія Богослова находится въ буквальный переводѣ: „со львомъ лучше жить, нежели съ женою злою“. а въ современной поговоркѣ, ради рѣимы, допущено измѣненіе: *лучше жить со змѣю, чѣмъ со злою женою* (Даль I 710).

¹⁾ Men. monost. 94; Apost. V 77 a; *Bothe* p. 651.

²⁾ Diogen. IV 3; Greg. Cyr. Leid. I 83, Mosq. II 73; Apost. V 75; ср. ниже № 323.

³⁾ *Meineke* IV p. 690; *Bothe* p. 756; Menandr. mon. 95; Apost. V 77 b ср. выше № 37.

⁴⁾ См. *В. Щурата* Слово Данила Заточника, Львовъ 1896, стр. 26: „в гречкѣмъ первовзрѣі „Слова“, в поэмѣ Гліки е эпизоди про женщины, зовсімъ схожі в відповідними уступами „Слова“.

⁵⁾ *Ив. Снегирева* Русскіе въ своихъ поговоркахъ. I 73—77.

⁶⁾ *Meineke* приводитъ изъ *Anecdota* Буассонада варіантъ: Χειμῶν μέγιστος οἶκισ κακῆ γυνή, гдѣ, можетъ быть, лучше οἶκισ.

Далѣе,—моностихъ Менандра (231, cf. 264), вошедшій въ сборникъ Макарія (IV 61; cf. Erasmi adag. II 2, 48),—Θάλασσα καὶ πῦρ καὶ τρίτον κακῆ γυνή въ упомянутой рукописи переведенъ почти буквально: „море и огонь и жена три зла“, а въ русской народной поговоркѣ, не имѣющей параллелей въ другихъ, даже славянскихъ языкахъ, опять измѣненъ: *отъ пожара, отъ потопа, отъ злой жены, Боже, охрани* (Даль I 548). Латинскіе писатели тоже находятъ три опасныхъ вещи для юношей, но въ другомъ родѣ, именно: *pox mulier vinum*, или *pox amor vinum*¹⁾. Наконецъ, что женщинѣ (или женѣ) не слѣдуетъ вѣрить,—это общая тема русскихъ и греческихъ поговорокъ; напр. мы говоримъ: *не вѣрь коню въ поле, а жень въ домъ* (Даль I 548), а греки выражались еще рѣшительнѣе: Γυναῖκί μὴ πιστεύε, μηδ' ἄν ἀποθάνῃ²⁾. Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежатъ Гомеру, Гесіоду, Еврипиду и Менандру. Уже у Гомера тѣнь Агамемнона предостерегаетъ Одиссея, чтобы онъ не слишкомъ довѣрялся женѣ, ἐπεὶ οὐκέτι πιστὰ γυναῖξιν Odys. XI 456); Гесіодъ выражался въ томъ смыслѣ, что довѣрять женщинамъ и отъявленными плутамъ одно и тоже: Ὅς δὲ γυναῖκί πέποιθε, πεποιθ' ὄγε φιλή τῃσι (Нес. opp. 375). Еврипидъ также говоритъ о вѣроломствѣ женскаго пола: ὀρᾶτ' ἀπιστον ὡς γυναικεῖον γένος (Iph. T. 1298); у Менандра встрѣчаются такія же сентенціи, напр. ὡς ἐστ' ἀπιστος ἡ γυναικεῖα φύσις (monost. 560); γυναῖκί μὴ πιστεύε τὸν σαυτοῦ βίον (mon. 86)³⁾.

104. Наня поговорка—*Богъ другою любя приберетъ* (Даль 289) ведетъ начало изъ классической древности; именно, Менандру, представителю новой комедіи (IV вѣка до Р. Хр.) приписывается изрѣченіе: *ὅν οἱ θεοὶ φιλοῦσιν ἀποθνήσκει νέος*⁴⁾, которое потомъ буквально было воспроизведено Плавтомъ: *Quem di diligunt Adulescens moritur* (Plaut. Bacch. S16). Впрочемъ, зародышъ этого представле-

¹⁾ Plaut. Bacch. 88; Ter. Adelph. 470; Ov. amor. I 6, 59.

²⁾ Diogen. IV 4; Greg. Cyrp. II 8, cod. Mosq. II 61; Macar. III 13; Apost. V 77.

³⁾ Cf. Meineke frgm. com-Gr. IV p. 432.

⁴⁾ A. Meineke Frgm. com. Gr. IV 1841 p. 105; Th. Kock III p. 36; тоже Men. monost. 425.

нія нѣкоторые находили уже у Гомера ¹⁾. Въ діалогѣ псевдо-Платона *Axiochus* встрѣчается замѣчаніе, что „боги, знающіе человѣческія дѣла, скорѣе избавляютъ отъ жизни (*ἀκαλλάττοσι τοῦ ζῆν*) тѣхъ, кого наиболѣе цѣнятъ“, и приводятся стихи неизвѣстнаго поэта, относящіеся къ Амфіараяу: „кого Зевсъ и Аполлонъ сердечно любили, тотъ не достигъ порога старости“ (*Axioch. p. 367 sq.*). Изъ позднѣйшихъ авторовъ сентенцію Менандра приводитъ Плутархъ (*consol. ad Apoll. cap. 34*) и Климентъ Александрійскій (*Strom. VI 2 p. 265 Sylb.*), а изъ пареміографовъ только Апостолій-Арсеній (*XII 81 a*) ²⁾. Къ сожалѣнію, ни греческая, ни римская литература не представляетъ данныхъ для объясненія этого въ высшей степени интереснаго и, очевидно, очень древняго воззрѣнія. Родственное воззрѣніе, встрѣчающееся у римскихъ писателей, но несомнѣнно заимствованное у грековъ и отразившееся на понятіяхъ новѣйшихъ народовъ, состоитъ въ томъ, что лучшіе, разумные люди, особенно дѣти, рано подающія большія надежды, недолговѣчны; относительно дѣтей и у насъ существуетъ это повѣрье: „не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ“, говорятъ у насъ суевѣрные люди про умнаго ребенка. Изъ латинскихъ писателей наиболѣе ясно выражена эта мысль у старшаго Сенеки: *ajebat (Cestius) tam immature magnum (pueri) ingenium non esse vitale* (*Sen. controv. I 1, 22 ed. Müll. p. 27*), т. е. „Цестій утверждаетъ, что преждевременно развившійся умъ ребенка не подаетъ надежды на долгую жизнь“. Приведемъ еще одинъ стихъ Овидія: *Optima prima fere manibus rapiuntur avaris* (*Ov. am. II 6, 39*): „все почти, что есть самаго лучшаго, похищается алчною смертью“, и Марціала: *Immodicis brevis est aetas et rara senectus* (*Mart. VI 29, 7*): „у выходящихъ изъ ряда людей коротокъ вѣкъ, и рѣдко доживаютъ они до старости“ ³⁾. Взгляды, приближающіеся къ христіанскимъ понятіямъ, мы встрѣчаемъ у Плутарха въ сочиненіи Пара-

¹⁾ Plut. *consol. ad Apoll. cap. 17*; cf. *Ameis Anh. zu Odys. XV 246*.

²⁾ И въ письмахъ блаж. Іеронима встрѣчается выраженіе: *corripit eum Dominus, quem diligit*. S. Hieron. *scil. epist. I. Catalani. 1776, p. 462*.

³⁾ Интересны еще объясненія схоластовъ къ *Hor. sat. II 7, 3*.

μυθητικὸς πρὸς Ἀπολλώνιον (Consolatio ad Apollonium); въ главѣ 14 примѣрами, заимствованными изъ Геродота, Пиндара и другихъ, онъ доказываетъ, что многіе удостоились смерти, какъ дара, за *благодарности*, а въ главѣ 31 говорить: „кто знаетъ? Можетъ быть, Богъ въ своей отеческой предусмотрительности и заботливости о человѣческомъ родѣ, предвидя грядущія событія, раньше времени призываетъ нѣкоторыхъ отъ жизни... Въ большинствѣ случаевъ смерть предваряетъ другія, большія несчастія; для нѣкоторыхъ полезно было бы совсѣмъ не родиться, для другихъ лучше умереть тотчасъ по рожденіи, или проживъ немного, или же по достиженіи цвѣтущаго возраста“. Спрашивается, откуда могло возникнуть повѣрье, будто лучшіе люди недолговѣчны? Не есть ли это отраженіе, съ одной стороны, древне-греческаго представленія о *зависти боговъ* (φθόνος θεῶν)¹⁾, которые поражаютъ молніей возвышенные предметы и губятъ людей, выдающихся богатствомъ и умомъ, а съ другой стороны,—общаго всей древности убѣжденія, что для умиловленія Божества требуется принесеніе въ жертву лучшихъ плодовъ, особенно начатковъ и первенцевъ (ἀχρότιστα primitiae). И русская пословица гласитъ: *первый сынъ Богу, второй Царю, третій себѣ на пропитаніе* (Даль 405).

105. *Спать на одно ухо, говоримъ мы; однимъ ухомъ спитъ, другимъ слышитъ*, т. е. спать чутко, беспокойно; *спать на оба уха* т. е. отложить всѣ заботы (Даль IV 540). Такія же поговорки были у грековъ. Болѣе извѣстная изъ нихъ—Ἐπ' ἀμφότερα χαιδέου δεινὰ τὰ ὄτα²⁾ приписывается Менандру³⁾. Отъ грековъ она перешла въ римскую комедію: *Ademptum tibi jam faxo omnem metum, In aurem utramvis otiose ut dormias*⁴⁾.

106. Сказанное слово, которое нельзя воротить, у насъ сравнивается съ выпущеннымъ воробьемъ: слово воробей, вылетитъ—не

¹⁾ См. напр. Pind. Isthm. VI или VII 55; Herod. VII 10 и 46; cf. Hor. carm. II 10, 11.

²⁾ Append. provv. II 78; Apost. VII 72 а съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν μεριμνῶν καὶ φροντίδων ἔξω ὄτων.

³⁾ Gell. N. A. II 23, 9; A. Mein. fr. com. IV p. 189; Th. Koch III p. 115.

⁴⁾ Ter. Haut. 341; параллельныя мѣста приведены у Отто № 211.

поймаешь (Даль IV 227). У Менандра для этого сравненія служить пущенный камень: Οὐτ' ἐκ χειρὸς μεθέντα καρτερὸν λίθον Ῥᾶον κατασχεῖν, οὐτ' ἀπὸ γλώσσης λόγον¹⁾. У Горация метафора берется отъ пущенной стрѣлы: *Et semel emissum volat irrevocabile verbum* (Hor. epist. I 18, 71). Но прототипомъ нашей пословицы можетъ считаться одно мѣсто у Плутарха, гдѣ сказанное слово сравнивается съ выпущенной изъ рукъ птицей: οὔτε γὰρ πτηνὸς ἐκ τῶν χειρῶν ἀφέντα ῥᾶδιόν ἐστιν αὔθις κατασχεῖν, οὔτε λόγον ἐκ τοῦ στόματος προέμενον κρατῆσαι καὶ συλλαβεῖν δυνατόν (Plut. de garrul. 10).

107. Понятія о судьбѣ и счастья у насъ сложились, какъ кажется, не безъ вліянія античныхъ традицій; напр., мы говоримъ: *сильной рокъ, сильное счастье* въ соотвѣтствіи съ греческимъ представленіемъ, какъ оно выражено Менандромъ: τυφλὸν γε καὶ δύστηνὸν ἐστὶν ἢ τύχη, или *Τυφλὸν δὲ καὶ δύστηνον ἀνθρώποις τύχη*²⁾. И не только сама судьба слѣпа, но и любимцевъ своихъ дѣлаетъ слѣпыми; особенно такимъ свойствомъ отличается одинъ изъ важнѣйшихъ даровъ фортуны, — богатство: *Τυφλὸν ὁ πλοῦτος καὶ τυφλοὺς τοὺς ἐμβλέποντας εἰς ἑαυτὸν δεικνύει* (Men. frgm. Meineke p. 93). Позднѣе и поговорка сложилась у грековъ: *Τυφλὸς ὁ πλοῦτος* (Mascag. VIII 60; cf. Plut. Lucurg. 10 и Apost. I 53). Впрочемъ, еще задолго до Менандра Еврипидъ высказалъ мысль, что счастье слѣпо и помрачаетъ умъ богачей³⁾. Цицеронъ тоже, вѣроятно, подъ вліяніемъ греческихъ представленій говорить: *Non enim solum ipsa Fortuna caeca est, sed eos etiam plerumque efficit caecos, quos complexa est* (Cic. de amic. 15 § 54). Французы и нѣмцы наслѣдовали такой же взглядъ на фортуны: *Fortune aveugle le siens aveugle. Das Glück ist blind und macht blind.* — Далѣе, у насъ въ обыденномъ языкѣ небезызвѣстно

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыми это двустишіе приписывается Еврипиду, cf. Mein. Frgm. com. Gr. IV p. 257; *Th. Kock* III p. 265.

²⁾ *Mein. Frgm. com. Gr. IV p. 195; Menandri mon. 718; Th. Kock. III p. 121.* Напротивъ, *Дионисій Катонъ* предостерегаетъ безопасныхъ: *cum sis incautus nec rem ratione gubernes, Noli fortunam, quae non est, dicere caecam* (Cat. distich. de mor. IV 3. ed. *Nemethy* 1895).

³⁾ Eurip. frgm. ed. Wagn. 764, ed. Math. 17; Apost.-Arsen. V 93 i.

классическое колесо фортуны, которое при вращеніи своемъ однихъ возвышаетъ, другихъ унижаетъ, какъ нижняя часть обода идетъ вверхъ, а верхняя внизъ. Изъ греческихъ источниковъ мы приведемъ двустишіе неизвѣстнаго поэта, цитируемое Плутархомъ:

Τροχῶ περισταίχοντος ἄλλοθ' ἤτερα

Ἄφικ' ὑπερθε γίγνεται ἄλλοθ' ἤτερα

(Plut. consol. ad Apoll. 5; также Масар. VIII 58); и вообще чело-
вѣческія дѣла по своей измѣнчивости сравнивались съ колесомъ или
кругомъ: τροχός (κύκλος) τὰ ἀνθρώπινα¹⁾. У римлянъ *rota Fortunae*
было очень употребительное выраженіе²⁾. Наконецъ, что умъ чело-
вѣческой ничего не значить въ сравненіи со счастьемъ или судьбою,
эту мысль выражаютъ какъ наши, такъ и греческія поговорки; напр.,
мы говоримъ: *счастье дороже ума*, или *не родись умнѣе, родись*
счастливѣе, (Даль IV 381); въ связи съ этимъ находится выраженіе:
дурацкое счастье. Греческія сентенціи въ этомъ родѣ находятся въ
числѣ моностиховъ Менандра, хотя, быть можетъ, принадлежать дру-
гимъ авторамъ; напр. характерное выраженіе, цитируемое Григоріемъ
Назіанзиномъ: Θέλω τέχνης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίδακον („капельку
счастья я предпочитаю бочкѣ ум-“), или: Τύχη τὰ θνητῶν πράγματα,
οἷον εὐβουλίαν, или Γνώμη γὰρ οὐδὲν ἐστίν, ἡ τύχη δὲ πάν τ. е. „умъ
ничего не значить, все значить судьба“³⁾. У латинскихъ авторовъ
встрѣчаются выраженія, близко подходящія къ нашей поговоркѣ—
счастье дороже ума, напр. *Fortuna in homine plus quam consi-*
lium valet;⁴⁾ *fortuna plus consiliis humanis pollet* (Liv. XLIV 40).

108. Золотой молотокъ и желѣзные ворота прокуетъ; золо-
той ключикъ отпираетъ всѣ двери (Даль 55). Прототипомъ на-
шихъ поговорокъ можетъ считаться одинъ изъ моностиховъ Менандра,
принадлежащій если не самому Менандру, то другому писателю ат-
тической комедіи, или какомунибудь яббографу: χρυσὸς δ' ἀνοίγει

¹⁾ Greg. Cyr. cod. Leid. III 16; Apost. X 28 и XVII 33.

²⁾ Мѣста авторовъ собраны у Отто № 695.

³⁾ Menandr. mon. 240, 725; Th. Kock frgm. incert. poet 147, III p. 497.

⁴⁾ P. Syri sent. 192 ed. Meyer. Въ изд. Auct. lat. min. (Lips. 1790) 227: *For-*
tuna plus homini quam consilium valet.

πάντα κλίδου πύλας (Menandr. mon. 538 и прилѣч. Meineke), — „золото отпираетъ всѣ (запоры), даже врата ада“¹⁾. Изъ римскихъ авторовъ также можно привести подобныя сентенціи; напр. Hor. carm. III 16, 9 *Aurum per medios ire satellites Et perrumpere amat saxa*, т. е. „золото проходитъ сквозь стражу и пробиваетъ скалы“ (срвн. *деньга и камень долбитъ* Даль 58). Еще ближе къ нашей поговоркѣ выраженіе, встрѣчающееся у Апулея: *solent adamantinae etiam perfringi fores* (Apul. met. IX 18), т. е. „золотомъ и желѣзные ворота можно проломать“. — Другой разрядъ составляютъ наши поговорки: *стрѣлять серебряною дробью* (Даль IV 179), *удить на серебряный крючокъ* (Даль 55; I 175) и т. п. Такія же фигуральныя выраженія были и у грековъ. Говорятъ, что Филиппу македонскому данъ былъ оракулъ, вошедшій потомъ въ сборники пословицъ: „сражайся серебряными копьями, и ты побѣдишь всѣхъ“ — Ἀργυρέαις λόγχοις μάχου καὶ πάντα κρατήσεις²⁾. Подъ „серебряными копьями“, по замѣчанію Гесихія, разумѣлись οἱ μισθοφόροι (наемные солдаты)³⁾. Въ другомъ смыслѣ встрѣчается выраженіе *aureo hamo piscari* у Suet. Octav. 25.

109. У Даля (169; IV 418) приводится поговорка: *бесѣды злыя тлятъ обычаи благіе* (*тлятъ обычаи благи бесѣды злы*), книжный характеръ которой сразу бросается въ глаза; дѣйствительно, поговорка буквально заимствована изъ славянскаго текста I посланія къ Коринтянамъ (гл. 15, ст. 33); порусски это изрѣченіе переводится такъ: „худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы“. Обращаясь къ греческому оригиналу этого мѣста, мы находимъ правильнѣйшій ямбическій триметръ очень извѣстный въ классической литературѣ: φθειροῦσι ἥθη χρηστὴ ὀμιλίαι κακάι. Авторомъ этого стиха нѣкоторые

¹⁾ Интересны по своей наивности славянскія поговорки: чешск. *Zlatý klíč vřesky oterre—i pekelný: ale nebesky netůže*. Серб. *Златанъ ключичь сваку брану отвори, окромъ небеску* (Челяк. 164).

²⁾ Diogen. II 81; Suid. I 696; Greg. Cyr. I 67, cod. Mosq. I 64; Masar. II 29; Apost. III 91.

³⁾ Еще о Филиппѣ см. Cic. ad Att. I 16, 12; Hor. carm. III 16, 13 sqq. Plut. Aemil. Paul. 12.

считают Еврипида, именно, основываясь на показаніи Сократа схоластика, писателя V вѣка по Р. Хр., автора церковной исторіи (Euripidis frgm. ed. Wagner № 962 p. 847); но большинство слѣдует авторитету блаж. Иеронима, который приводитъ его въ слѣд. формѣ: *corrumpunt mores bonos confabulationes pessimae* (ep. 70, 2 p. 426) и приписываетъ его Менандру¹⁾. На латинскій языкъ стихъ переведенъ Тертуліаномъ: *Bonos corrumpunt mores congressus mali* (Tertul. ad ixor. I 8 sub. fin.).

110. Русская пословица—*когда дубъ въ дребези упадетъ, кто хочетъ щенки подбираетъ*, также какъ и чешская—*kdyz dub radne, ledakdos trisky sbira* (объ у Челяк. 180) представляютъ переводъ греческой пословицы: *Δρούς πεσούσης πᾶς ἀνὴρ ξυλεύεται*, находящейся въ трехъ сборникахъ: Append. provv. II 1; Масар. III 39 и Apost. VI 36 съ объясненіемъ: *παρίσον ἀνὴρ μέγας ὅταν σφαλῆ, πάντες κατ' αὐτοῦ φέρονται καὶ τὰ αὐτοῦ ἀρπάζουσι* т. е. „когда падетъ сильный мужъ, всё на его счетъ пользуются и похищаютъ принадлежащее ему“²⁾. Но древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ пословицы являются Менандровы *Γυῶμαι μονόστιχοι* v. 123; не нужно, впрочемъ, забывать, что многіе изъ этихъ моностиховъ вовсе не принадлежатъ Менандру. Латинская версія—*arbore dejecta ligna quivis colligit* принадлежатъ Еразму и не находится въ числѣ сентенцій П. Сира, которому приписываетъ ее *Leichz* (not. ad Mac. et Apost.).

111. *Золото огнемъ искушается, а человекъ напастями* (Даль II 50 изъ „Моленія“ Даніила Заточника)—одна изъ тѣхъ сентенцій, которыя были очень распространены въ древности, и уже въ книгахъ Ветхаго Завѣта можно указать подобныя сравненія. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами изъ греческихъ и римскихъ писателей. Древнѣйшее изрѣченіе въ этомъ родѣ принадлежитъ Менандру:

¹⁾ На поляхъ одного древняго экземпляра Новаго Завѣта Генрихъ Стефанъ видѣлъ надпись, удостоверяющую, что стихъ этотъ принадлежитъ Менандру. Мейнке и другіе издатели приняли его въ число фрагментовъ Менандра; въ изданіи Firmin Didot Men. frgm. Thais 2, monost. supplem. 101.

²⁾ Exemplum hujus adagionis est apud Iuvenalem de Sejano, замѣчаетъ Еразмъ adag. III 1, 86).

Χρυσός μὲν οἶδεν ἐξελέγεσθαι πυρί, Ἡ δ' ἐν φίλοις εὖνοια καιρῷ γίνεται¹⁾, т. е. „золото на огнѣ можетъ быть испытано, а расположение друзей узнается въ трудную минуту“. Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ воспроизводитъ сентенцію Менандра: *quasi aurum igni, sic benevolentia fidelis periculo aliquo perspicui potest* (Cic. ad fam. IX 6, 2). Также одинъ изъ моностиховъ Менандра, приводимый въ сборникѣ Апостоля-Арсенія, гласитъ: κρίνει φίλους ὁ καιρός, ὡς χρυσὸν τὸ πῦρ (Men. mon. 276; Apost. X 8 a). Изъ латинскихъ писателей, кромѣ Цицерона, сентенція встрѣчается у Сенеки: *Ignis aurum probat, miseria fortes viros* (Sen. de provid. cap. 5 § 9). Французы также говорятъ: *L'or s' éprouve par le feu, l'homme par malheur*.

XXX. ФИЛЕМОНЪ.

112. Греческій оригиналъ нашей пословицы—*не мѣсто крадутъ человека, а человекъ мѣсто* (Даль 769) не восходитъ раньше I вѣка по Р. Хр. (разумѣемъ нижеслѣдующій текстъ Плутарха), но прототипъ ея гораздо древнѣе и относится къ началу новой комедіи, именно, у *Филемона*, писателя IV—III вѣка до Р. Хр., между уцѣлѣвшими фрагментами его комедій встрѣчаются стихи: Οὐχ ἡ πόλις σου τὸ γένος εὐγενὲς ποιεῖ, Σὺ δ' εὐγενέζεις τὴν πόλιν πράττων καλῶς (*Th. Kock II p. 528 Philem. fr. 180*), т. е. „не городъ возвышаетъ твое благородство, но ты самъ своими доблестными дѣяніями прославляешь отечественный городъ“. Гораздо ближе къ нашей пословицѣ изрѣченіе, приписываемое Плутархомъ юношѣ-Агезилаю: когда распорядитель хора во время *гимнопэдиѳ*, разставляя мальчиковъ, отвелъ Агезилаю одно изъ второстепенныхъ мѣстъ, послѣдній, хотя и былъ наслѣдникомъ спартанскаго престола, безирекословно повиновался, но сказалъ при этомъ: „хорошо; я докажу, что не мѣсто дѣлаетъ честь человѣку, а человѣкъ мѣсту“—οὐχ οἱ τόποι τοὺς ἀνδρας ἐντιμους, ἀλλ' οἱ ἀνδρες τοὺς τόπους ἐπιδεικνύουσι (Plut. apophth. Lac.

¹⁾ Men. frgm. 148 ex rec. Dindorf. ed. Firm. Didot; вмѣсто γίνεται, въ другихъ изданіяхъ лучше κρίνεται.

Ages. 6 p. 208 D). На латинскомъ языкѣ ту же сентенцію—*homo ornatus locum, non hominem locum* мы встрѣчаемъ у грамматика IV вѣка, Харизія, который приводитъ ее въ примѣръ „ангиметаболы“¹⁾. Подобная же, но не тождественная сентенція (на греч. яз.) встрѣчается въ сочиненіяхъ Іоанна Дамаскина, который приписываетъ ее Іоанну Златоусту²⁾, и, наконецъ, какъ proverbium, буквально соотвѣтствующее нашей пословицѣ, находится въ сборникѣ Апостоля (XIII 62): οὐχ ὁ τόπος τὸν ἄνδρα, ἀλλ' ὁ ἀνὴρ αὐτὸν ἔτιμον ποιεῖ. Вотъ всѣ литературные источники нашей пословицы, не имѣющей, кажется, параллелей въ другихъ языкахъ. Изъ какого источника она перешла къ намъ, неизвѣстно.

113. Всѣмъ извѣстная поговорка—*сколько холовъ, столько умовъ* (Даль IV 206), безъ сомнѣнія, находится въ родствѣ съ такою же извѣстною латинскою сентенціей, встрѣчающеюся впервые у Теренція: *quot homines, tot sententiae*³⁾; въ другой формѣ выражена та же сентенція у Горация (sat. II 1, 27) и Овидія (art. am I 759). Но греческіе образцы гораздо древнѣе; напр. Филемону приписывается фрагментъ: Ἦμῶν δ' ὅσα καὶ τὰ σώματ' ἐστὶ τὸν ἀριθμὸν καθ' ἑνός, τοσοῦτος ἐστὶ καὶ τρέπους ἰδαίν (Philom. frgm. 89, Kock II 504), заключающій слѣдующую мысль: „сколько есть отдѣльныхъ личностей, столько же можно наблюдать и характеровъ (или образовъ мыслей)“. Славянскія поговорки у Челяк. 202.

XXXI. Аполлодоръ Каристійскій.

114. Поговорка—*держатъ волка за уши*⁴⁾, означающая опасное и безвыходное положеніе, произошла изъ аттической комедіи. Она

¹⁾ Gramm. lat. ex. rec. H. Keilii. Lips. 1856, I p. 287.

²⁾ См. примѣч. Лейча къ Apost. XIII 62. V. Szelinski (Nachträge und Ergänzungen zu Otto die Sprichwörter. Iena 1892) приводитъ еще мѣсто Цицерона: *nec domo dominus, sed domino domus honestanda est* (de off. I 39, 139).

³⁾ Ter. Phorm. 454 съ прибавкою: *Suos scl. Suus cuique mos*; Cic. de fin. I 5, 15.

⁴⁾ Малорусскую параллель—*вовка за ухо не отримати* см. у Ном. 5261; западно-славянскія (напр. польск. *Wilka za uszy trzymać*) у Челяк. 623.

приводится въ сборникѣ Макарія: Τον λόγον τῶν ὄτων ἔχειν съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἐν κινδύνῳ καθεστῶτων. οὔτε γὰρ κατέχειν οἶόν τε οὔτε ἀφεῖναι ἀκίνδονον (Масаг. VIII 44). Авторомъ ея считается *Аполлодоръ*, Каристійскій уроженецъ, писатель новой комедіи, славившійся около 300—260 года до Р. Хр.¹⁾ Отъ него позаимствоваль это выраженіе Теренцій: *id quod ajunt, auribus teneo lupum, Nam neque quo pacto a me amittam neque uti retineam scio* (Тер. Phorm. 506 sq. Cf. Donat: Graecum proverbium). Пословицу эту приводитъ Полибій (XXX 21 или 18, 8 ed. Hultsch. p. 1229) и Плутархъ (geir. geg. graec. 5 τὸν λόγον τῶν ὄτων κρατεῖν). Импер. Тиверій, по свидѣтельству Светонія (Tib. 25), въ виду угрожавшихъ ему со всѣхъ сторонъ опасностей, неразъ говорилъ, что онъ *держитъ волка за уши* (lupum se auribus tenere). Еще позднѣе пословица встрѣчается въ сочиненіяхъ блаж. Иеронима²⁾.

XXXII. Посидиппъ.

115. У *Посидиппа*, писателя новой комедіи (III вѣка), встрѣчается стихъ: Ὁ μὴ πεπλευκῶς οὐδὲν ἐόρακεν κακόν (ар. Athen. IV p. 154; Bothe p. 692; Kock III p. 341), т. е. „не проплывшій моря не видалъ никакого горя“; и въ сборникѣ Плянуда находится пословица: Θάλασσαν οὐκ ἐπέρασας, θεὸν οὐκ ἐφοβήθης (Plan. 223) „моря ты не проѣзжалъ, Бога не баявался (страху Вожьяго не знавалъ)“. Замѣчательно, что эти сентенціи, не встрѣчающіяся болѣе ни въ какихъ источникахъ и не имѣющія параллелей въ другихъ языкахъ, кромѣ нѣкоторыхъ польскихъ поговорокъ, обѣ перешли въ русскій языкъ: у насъ есть двѣ однородныхъ пословицы, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ сентенціи Посидиппа: *кто въ моръ не бывалъ, тотъ горя не видалъ*, а другая составлена по типу Плянудовой: *кто въ моръ не бывалъ, тотъ досыта Богу не малывался* (Даль 736); польск. *Kto zna morze, wie go gorze* и *Kto na morzu niebywal, ten dziwow newidal* (Челяк. 120).

¹⁾ Bothe Poet. com. Gr. frgm. p. 661; Th. Kock. III p. 286.

²⁾ Hieronym. contra Ioann. Hierosol. cap. 6 p. 412 Vall: *quasi auribus lupum apprehenderis, nec tenere potes, nec audes dimittere*. Cf. Erasm. adag. I 5, 25.

XXXIII. АНОНИМЪ.

116. Наша поговорка — пристало какъ къ коровѣ сѣдло (Даль IV 187) взята съ греческаго; прототипомъ ея служитъ изрѣченіе, приводимое въ сборникѣ Макарія (VII 75): σοφὸν γ' ὁ βοῦς ἔφασκεν ἀστραβῆν ἰδὼν· οὐ προσήκειν αὐτῷ σκεῦος, т. е. „мудреное дѣло“, сказалъ быкъ, увидѣвъ сѣдло: не присталь-де ему этотъ нарядъ (или снарядъ)“. Можетъ быть, лучше читать: σοφῶς ὁ βοῦς etc. въ смыслѣ: „умно сказалъ быкъ, увидѣвъ сѣдло: не присталь мнѣ этотъ нарядъ“. Авторъ изрѣченія неизвѣстенъ; но едва ли можно сомнѣваться, что оно ведетъ начало изъ аттической комедіи (*Th. Kock* *fragm. inc. poet.* 563, III р. 510). Греческая пословица была усвоена римлянами; она встрѣчается у Цицерона: *clitellae bovi sunt impositae: plane non est nostrum onus* (Cic. *ad. Att.* V 15, § 3), далѣе—у Квинтилиана (V 11, 2): *παροιμία* genus illud—non nostrum, inquit, onus, *bos clitellas* (scil. videns), и Аммиана Марцелина (XVI 5, 10), который приводитъ поговорку согласно съ Цицерономъ и называетъ ее *vetus illud proverbium*. Наша пословица есть не болѣе, какъ перифразъ греческаго изрѣченія—*προσῆκει ὡς βοῖ ἀστραβῆ*.

117. Русская пословица—*любовь начинается съ мазъ* (Даль S19; II 510) буквально соотвѣтствуетъ греческой: Ἐκ τοῦ γὰρ ἔσορᾶν γίγνεται ἀνθρώποις ὀρεῖν (Diogen. IV 49; Masag. III 72; Apost. VI 89). Что касается происхожденія или автора этой сентенціи, то нѣкоторые (Leutsch) приписывали ее Софоклу, но другіе съ большимъ правомъ относятъ ее къ комедіи, но безъ указанія на автора (*Meineke* IV р. 645; *Bothe* р. 739: *fragm. com. anonum.* 164). Изъ позднѣйшихъ писателей стихъ этотъ приводится Климентомъ Александрійскимъ¹⁾. Въ римской литературѣ сентенція эта также небезызвѣстна, именно, въ формѣ, довольно близко подходящей къ греческому оригиналу, она находится въ числѣ изрѣченій, приписываемыхъ Публи-

¹⁾ Clem. Alex. *paedag.* III 5 р. 100 Sylb.

лію Сяру: *Amor, ut lacrima, oculis oritur, in pectus cadit* ¹⁾. У Проперція таже мысль выражена совсѣмъ иначе; *si nescis, oculi sunt in amore duces* (Проп. III 7 или II 15, 12), и въ этой формѣ пословица существуетъ у французовъ: *L'oeil est le conducteur de l'amour* и у нѣмцевъ: *Die Augen sind der Liebe Boten.*

118. Въ числѣ русскихъ поговорокъ, собранныхъ Далемъ, находятся нѣкоторыя, сложившіяся, очевидно, подъ влияніемъ Евангелія, напр., изрѣченіе — *мы умолчимъ, такъ каменя возопіютъ* (Даль 184) заимствовано изъ Ев. Лук. 19, 40: *ἐὰν οὗτοι σιωπήσωσιν, οἱ λίθοι κερράζονται*, въ славянскомъ переводѣ: „аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ“. Что евангельское изрѣченіе принадлежитъ къ proverbialнымъ, это можно сказать почти съ увѣренностью; дѣйствительно, нѣкоторые приписываютъ грекамъ пословицу: *Καὶ λίθοι βοήσουσι*, употреблявшуюся для обозначенія предметовъ слишкомъ очевидныхъ, о которыхъ грѣшно было бы умолчать (Bernhardy ad Suid. s. v. Ἀπορρήξαι). Но въ извѣстныхъ намъ сборникахъ подобной пословицы нѣтъ и у писателей никакихъ нѣтъ указаній на происхожденіе или на автора этого замѣчательно — образнаго выраженія, кромѣ, впрочемъ, одного двустипхія неизвѣстнаго поэта, Писиды, цитируемаго Свидой: *Ὅς εἰ σιωπήσαιμεν, οἱ λίθοι τήχα φωνὰς ἀπορρήξουσι τῶν πετραγμένων* (Suid. I p. 642). Принадлежитъ ли этотъ Писидѣ аттической комедіи, или, что вѣроятнѣе, къ позднѣйшей эпохѣ, неизвѣстно.

XXXIV. Каллимахъ.

119. Наша пословица — *суму нищаго не наполнишь* (Даль II 565) соответствуетъ греческой очень распространенной пословицѣ: *Πτωχὸς πῆρα οὐ τίμπληται* („сума нищаго не наполняется“), которая находится во всѣхъ главныхъ сборникахъ ²⁾. Она примѣнялась къ людямъ ненасытнымъ. Что изрѣченіе это принадлежитъ *Каллимаху*,

¹⁾ P. Syri sent. 40, cf. добавочный стихъ къ 449 въ изд. Мейера: *Oculi amorem incipiunt, consuetudo perficit.*

²⁾ Zenob. V 66; Diog. VII 51, cod. Vind. III 61; Greg. Cypr. III 40, cod. Mosq IV 95; Masar. VII 45 и Apost. XV 8.

александрійскому ученому и поэту III вѣка до Р. Хр., на это указываютъ нѣкоторые изъ пареміографовъ (τοῦτο παρὰ Καλλιμάχῳ ἐπὶ τῶν ἀπλήστων εἰρηται πτωχῶν Zenob.). Подобную же поговорку мы имѣемъ въ Append. pronv. IV 62 и у Свиды (II 2, p. 532): Πτωχοῦ или πτωχῶν οὐλαὶ (οὐλαί) αἰεὶ κεναὶ т. е. „сумки нищихъ всегда пусты“¹⁾. И это выраженіе нѣкоторые приписываютъ тому же Каллимаху. Интересно, что сербская поговорка—*Просячка торба не може се напунити*, или *свагда е празна* (у Челяз. 176) пытается соединить оба варианта греческой. Срви. франц. *La besace du mendiant n'est jamais pleine.*

XXXV. Θεοκρίτῃ.

120. Наши деревенскія знахарки при нашептываніи и заговариваніи разныхъ болѣзней, между прочимъ, *дуютъ и плюютъ* трижды влѣво или черезъ лѣвое плечо, именно, для отогнанія нечистой силы и для уничтоженія чаръ, дѣйствию которыхъ приписывается болѣзнь. Есть у насъ и поговорка: *плюнь и дунь*, употребляемая въ смыслѣ: отрекись отъ злаго духа (Даль III 125)²⁾. Въ числѣ суевѣрныхъ обычаевъ древнихъ грековъ и римлянъ былъ обычай *плевать въ пазуху* (εἰς κόλπον πύειν, in sinum spicere). Мѣста авторовъ, которыя мы приведемъ ниже, позволяютъ установить нѣкоторую вѣроятную связь между античнымъ и нашимъ представленіемъ, лежащимъ въ основѣ подобныхъ обычаевъ. Для объясненія греческаго выраженія, изъ котораго позднѣе произошло нѣсколько поговорокъ, мы имѣемъ замѣчательное мѣсто у Θεοκρίτα: ὡς μὴ βασκανθῶ δὲ τρίς εἰς ἐμὸν ἔπτουσα κόλπον ταῦτα γὰρ ἄ γράϊα με Κωτιττάρης ἐξεδίδαξεν³⁾, т. е. „чтобы не подѣяться дѣйствию чаръ (или колдовства), я трижды плюнулъ себѣ въ пазуху; этому, именно, научила меня старуха Котиттарида“.

¹⁾ Относительно слова οὐλαί (conj: οὐλίδες, θυλίδες) см. Bernh ad Suid.

²⁾ Плеваніе и дуновеніе, какъ средство противъ вліянія демоническихъ силъ, первоначально были символами дождя и вѣтровъ, проясняющихъ небо и разгоняющихъ тучи: А. *Аванасевъ*. Поэт. возвр. слав. на природу. М. 1865. I 397.

³⁾ Thœocr. id. VI 39 sq; cf. XX 11 и Apest-Ars. XVIII 67 a.

Далѣ, мы имѣемъ главу въ „Естественной Исторіи“ Плинія (XXVIII 7), посвященную этому предмету: въ ней перечисляются случаи, въ которыхъ римляне прибѣгали къ плеванію вообще, какъ профилактическому приему, и къ плеванію въ пазуху въ частности. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ. Римляне плевали для предохраненія себя отъ заразы (*contagia*), особ. при видѣ больного падукою болѣзвью, и отъ дурнаго глаза (*fascinaciones*); плевали также, встрѣчаясь съ хромымъ, или проходя мѣста, въ которыхъ можетъ угрожать какая нибудь опасность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ римскіе обычаи сходятся съ нашими; напр., чтобы сдѣлать ударъ тяжелѣе, предварительно плевали въ руку; кормилица, при появленіи посторонняго челоуѣка, трижды сплевывала, чтобы предохранить спящаго ребенка отъ дурнаго взгляда; предъ надѣваніемъ праваго сапога плевали въ него и т. п.¹⁾ Плеваніе въ пазуху у римлянъ было вспомогательнымъ средствомъ при всякомъ врачеваніи; въ частности рекомендовалось прибѣгать къ нему при онѣмвннн какого нибудь члена. Оно сопровождалось троекратною молитвою объ отвращеніи гнѣва боговъ (*terna deprecatione*), какъ и у насъ нашептыванія сопровождаются заклинаніями и молитвами²⁾.—Итакъ, изъ приведенныхъ мѣстъ Теокрита и Плинія видно, что плеваніе у грековъ и римлянъ имѣло въ основаніи своемъ тоже значеніе, какое придается ему у насъ бабами-шептухами: въ этомъ обычаѣ, представляющемъ остатокъ глубокой старины, когда первобытннй челоуѣкъ чувствовалъ себя на каждомъ шагѣ подверженнымъ дѣйствию враждебныхъ силъ, замѣчается два главныхъ мотива: 1) стараніе предохранить себя отъ дѣйствія злаго духа и 2) стараніе удалить и изгнать враждебную силу, если она уже вселилась въ челоуѣка, особенно въ видѣ недуга, или коснулась его, приведа его къ какому нибудь несчастью, потерѣ и т. п.; плеваніе было однимъ изъ множества наивныхъ средствъ, къ которымъ прибѣгалъ первобыт-

¹⁾ Плюнуть кому нибудь въ глаза или лицо считалось также оскорбительнымъ, какъ и у насъ: *si quid perperam feci, in faciem meam inspic* (Petron. 75); καὶ τις—ἐς μεν δικαίως τὸ πρόσωπον ἑμπόσι (Herondae mfm. V 76, ed. Buech).

²⁾ См. еще Tibull. l 2, 96; въ другомъ родѣ Petron. 181.

ный человекъ, какъ для предохраненія себя, или ближняго отъ несчастія, такъ и для изгнанія злаго духа. Легко можно замѣтить, что по основнымъ мотивамъ вышеуказанные древне-греческіе и римскіе обычаи соотвѣтствуютъ нашимъ; разница лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ и внѣшнихъ приемахъ. Впрочемъ, относительно *плеванія въ пазуху* нужно замѣтить, что и этотъ обычай, кажется, хорошо извѣстенъ во многихъ мѣстностяхъ на Югѣ Россіи, гдѣ это средство рекомендуется отъ испуга (переполоха, переляку), что, быть можетъ, объясняется близостью и влияніемъ молдавскихъ поселеній: у молдаванъ — *stukeschi in sinul* (плюнь въ пазуху) говорится, именно, во время испуга, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, какъ средство отъ переполоху рекомендуется надѣть сорочку пазухой назадъ (Ном. 285), а у Лужичанъ, для предупрежденія дурныхъ послѣдствій отъ испуга, совѣтуютъ три раза плюнуть или пустить мочу (А. Аванасьевъ I 397).—Если бы кто захотѣлъ объяснить, почему плюютъ, именно, *въ пазуху*, а не въ другое мѣсто, то былъ бы поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ указаній и возможны однѣ лишь догадки. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, общераспространенное вѣрованіе, что злой духъ любитъ селиться въ пустомъ домѣ¹⁾ и вообще въ пустыхъ закрытыхъ мѣстахъ, съ другой—то обстоятельство, что пазуха (*κόλπος*, *sinus*) служила у древнихъ синонимомъ тайнаго, наиболѣе скрытаго мѣста²⁾ и замѣняла собою карманъ для прятанія денегъ и другихъ вещей, можно догадываться, почему плевали и плюютъ въ пазуху; притомъ же, состояніе нѣ испуга и безотчетнаго страха въ глазахъ простаго человека легче всего объясняется присутствіемъ нечистой силы въ наиболѣе подходящемъ для нея, пустомъ и потаенномъ мѣстѣ, т. е. въ пазухѣ. Изъ того же и нятія, будто бѣсъ скрывается въ пустыхъ помѣщеніяхъ, происходятъ другіе суевѣрные обычаи, наблюдаемые у насъ въ средѣ

¹⁾ Изъ пустой хоромины либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана (Даль 649). Тоже говорится о пустомъ душѣ (А. Аванасьевъ II 327).

²⁾ Отсюда *in sinu* (т. е. втайнѣ) *gaudere* (Cic. Tusc III 21, 51)—выраженіе, отчасти напоминающее наше: *въ карманъ кукишъ казать* (Даль II 217).

простыхъ людей; напр., обычай плевать въ пустой кошелекъ, когда въ него опускаютъ монету (—чтобы деньги не переводились), или обычай, по которому вдова, провожая изъ дому трупъ мужа, должна плюнуть въ пустую кадку, если не желаетъ долго оставаться вдовою. Теперь мы возвратимся къ упомянутымъ пословицамъ, происшедшимъ изъ дальнѣйшаго значенія, приданнаго выраженію *εις κόλπον πτόειν*. (Впрочемъ, мы не будемъ долго останавливаться на нихъ, такъ какъ у насъ нѣтъ соответствующихъ имъ пословицъ). Уже Плиній въ упомянутой главѣ расширяетъ значеніе обычая плевать въ пазуху, говоря, что онъ служилъ, между прочимъ, для умиловитвенія боговъ при выраженіи слишкомъ смѣлой надежды (*veniam quoque a deis spei alicujus audacioris petimus in sinum spuendo*); изъ другихъ писателей ¹⁾ видно, что *εις κόλπον πτόειν* было средствомъ предотвратить дурныя послѣдствія или гнѣвъ боговъ за слишкомъ самонадѣянные поступки, или высокоумѣренныя слова ²⁾. Отсюда произошла пословица: *εις κόλπον πτόεις* ³⁾, употреблявшаяся въ смыслѣ: ты слишкомъ хвастаешь или восхваляешь самого себя (cf. *Juv. sat. VII 111 sq.*). Отсюда же произошло и противоположное выраженіе: *εις κόλπον οὐ πτόει*, пришедшее также къ хвастливымъ, надменнымъ людямъ (*ἐπὶ τῶν μεγαλούχων Diog. IV 82 b*, также *Petron. 74 inflat se tanquam rana et in sinum suum non spuit*): „онъ не плюетъ въ пазуху“, т. е. хвастаетъ, не боясь гнѣва боговъ, безъ зазрѣнія совѣсти.

121. *Подергиванье бровей и чесаніе глазъ*, подобно чиханью, звону въ ухахъ (см. № 217) и т. п., у грековъ и римлянъ считались хорошимъ, или дурнымъ предзнаменованіемъ. Слѣды такого вѣрованія въ примѣты встрѣчаются у Теоокрита: *Ἄλεται ὀφθαλμός μευ ὁ δεξιός* (*Theocr. idil. III 37*), а изъ римскихъ писателей у Плавта: *ita supercilium salit* (*Plant. Pseudol. 107*). У насъ говорится: *правый глазъ чешется къ смѣху, левый къ слезамъ* (*Даль IV 616*).

¹⁾ Напр. *Lucian. apol. 6* и *Navig. s. vota 15*.

²⁾ У насъ также, когда что нибудь хвалятъ, то отплевываются, „чтобы не слгзаять“, или же, вмѣсто этого, прибавляютъ евфемистическое „въ добрый часъ молвить“.

³⁾ *Greg. Cyr. II 54.cod. M. sq. III 27*; cf. *Su'id. I 2 p. 788* и *Apost. VI 64*.

У древнихъ была особая наука о значеніи произвольныхъ движеній членовъ тѣла, о чемъ писалъ Посидоній (Suid. II 2 p. 30); даже до насъ дошло сочиненіе Мелампода, посвященное царю Птоломѣю, Περὶ καλμῶν μαυτικῆ, изданное вмѣстѣ съ *Scriptores Physiognomici*. (Wuestemann ad Theocr. id. III 37).

122. *Любовь слѣпа*, говоримъ мы (Даль II 287); то же выраженіе встрѣчается у Теоокрита: τυφλός—ὁ Ἔρως (Theocr. id. X 19—20.) Что любовь ослѣпляетъ людей, это высказалъ еще раньше Теоокрита Менандръ: τὸ δ' ἔρᾶν ἐπισκοτεῖ Ἀπασιν, ὡς ἔοικε (*Th-Kock* III p. 17) и Платонъ: τυφλοῦται περὶ τὸ φιλοῦμενον ὁ φίλων¹⁾. Подобныя выраженія встрѣчаются и у римскихъ поэтовъ, напр., у Проперція: *neto in amore videt*²⁾.

223. Для выраженія крайней худобы и изможденности мы говоримъ: *кости да кожа* (Даль II 131); то же выраженіе встрѣчается у Теоокрита: αὐτὰ δὲ λοιπὰ ὅστι' (dog.—ὅστέα) ἐτ' ἦ; (dog.—ἦν) καὶ ἔέρμα (II 89—90). У Плавта паразитъ говоритъ о себѣ: *Ossa atque pellis sum miser*³⁾.

124. Къ нашей пословицѣ—*виноватаго Богъ найдетъ* (Даль I 208), или *Богъ всякую неправду сыщеть* (Даль II 545), близко подходитъ выраженіе, находящееся у Теоокрита: Εὔρε θεός τὸν ἀλιτρόν⁴⁾.

125. *Льнивому всегда праздникъ* (Даль II 283): Ἄεργοις ἀτὲν ἑορτὰ Theocr. XV 26. Славянскія поговорки у Челяк. 134; лат. *ignavis semper feriae* Erasmi. I 6, 12.

¹⁾ Plat. legg. 731 E; Mantiss. provv. III 30; Plut. de discern. am. ab adul. cap. 1.

²⁾ Prop. II 14, 18 или III 6, 18. См. еще A. Sonny Zu d. Sprichw. d. Römer (Archiv f. lat. Lexicogr. u. Gramm. 1894, 1, S. 54).

³⁾ Plaut. Capt. 135; то же выраженіе Aulul. 564; cf. Hor. epod. 17, 22; Ov. frist. IV 6, 42.

⁴⁾ Theocr. X 17, въ лат. переводѣ: invenit sontem vindex deus. I. Rumpel Lex. Theo rit. Lips. 1879.

XXXVI. Аппій.

126. Пословица — всякъ своего счастья кузнецъ (у Даля 38) отмѣчается, какъ переводная; дѣйствительно, нѣмцы и славяне имѣютъ эту самую пословицу: *Ieder ist seines Glückes Schmied*, чешск. *Kazdy sobe štesti kuje* (Другія параллели у Челяк. 160). Всѣ онѣ произошли изъ латинскаго изрѣченія, приписываемаго Псевдо-Саллюстіемъ *Annio*: *Appius ait fabrum esse suae quetque fortunae* (Ps. Sall. de rep. ord. I 1). Подъ Аппіемъ разумѣется знаменитый цензоръ *Appius Claudius Caecus*, о стихотвореніи котораго упоминаетъ Цицеронъ (Tuscul. IV 2, 4). Что умный человѣкъ самъ устраиваетъ свою судьбу, или создаетъ себѣ счастье, эта мысль послѣ Аппія выражена у Плавта: *Nam sapiens pol ipsus fingit fortunam sibi* (Trin. 363). Затѣмъ Цицеронъ (parad. V 1, 34), К. Непотъ (Att. 11) и позднѣйшіи грамматикъ Ноній Марцеллъ (Comp. doct. p. 526, 25 Muell.) приводятъ стихъ неизвѣстнаго поэта, выражающій ту же мысль: *sui cuique mores fingunt fortunam hominibus*, т. е. „собственный характеръ опредѣляетъ судьбу каждаго человѣка“. Замѣтимъ еще, что эти чисто римскія сентенціи проводятъ взглядъ на судьбу совершенно противоположный фаталистическому взгляду грековъ, полагавшихъ, что человѣческій умъ и энергія ничего не значатъ предъ силой судьбы, какъ это мы видѣли выше, въ сентенціяхъ Мегандра; Аппій Клавдій, дѣйствительно, можетъ считаться представителемъ древне-римскаго характера и непреклонной энергіи, съ которою человѣкъ способенъ самъ устроить свою судьбу.

XXXVII. Нэвій.

127. У насъ есть нѣсколько поговорокъ относительно непрочности дурно пріобрѣтеннаго имѣнія, напр., *неправедное стяжаніе-прахъ; неправедно нажитое впрокъ неидетъ* и т. п. (Даль II 546). Въ классической литературѣ древнѣйшая сентенція въ этомъ родѣ — *male parata male dilabuntur* принадлежитъ римскому поэту *Нэвію*, старшему

современнику Плавта; эта сентенція сохранилась у Феста (De verb. signif. p. 222 Muell.) и у Цицерона: *ut est apud poetam nescio quem, male parta male dilabuntur* (Cic. Phil. II, 27 § 65); у Плавта находится вариантъ *male partum male disperit* (Роен. 844). Г. Михельсонъ (Мѣткія и холячія слова, 164) приводитъ (безъ показанія источника) старинное церковно-славянское изрѣченіе, буквально соответствующее классической поговоркѣ: *змъ приобрѣтенное змъ и пропадаеть*.

XXXVIII. Плавтъ.¹⁾

128. Уже Снегиревъ въ своей книгѣ, на которую мы не разъ ссылались, замѣтилъ (I 99), что русская пословица—на языкъ медокъ, а на сердце ледокъ²⁾ представляемъ большое сходство съ Плавтовымъ стихомъ: *In melle sunt linguae sitae vestrae,—corda in felle sunt sita* (Plaut. Truc. 178 sq.), т. е. „въ меду вашъ языкъ, но сердце въ желчи“. Въ нашей пословицѣ точность перевода принесена въ жертву рѣмѣ: *медокъ—ледокъ, медъ—ледъ*, такъ какъ *медъ—желчь* (*mel—fel, in melle—in felle*) порусски не даютъ рѣмы. Славянскія параллели ближе къ латинскому подлиннику, хотя и сохранили рѣму; напр., чешск. *V' uestech med, a v srdci jed*, серб.: *у устима медъ, а у сердцу едъ* (Челяк. 536); нужно замѣтить, что слово *fel* у поэтовъ не разъ употребляется въ значеніи змѣйнаго яда. Французская и нѣмецкая поговорки соответствуютъ латинской: *En la bouche le miel, et au coeur de fiel; Honig in Munde, Galle im Herzen*³⁾. Какимъ путемъ латинское proverbіальное выраженіе перешло къ намъ, на это нѣтъ никакихъ указаній. Неизвѣстно также,

¹⁾ Срвн. Das lateinische Sprichwort bei Plautus und Terenz v. Pflügl. Straubing. 1880.

²⁾ Вариантъ у Даля IV 696: *на языкъ медъ, а подъ языкомъ ледъ*; то же малорусск. у Ном. 3055.

³⁾ А. Н. Сошкинъ приводитъ мѣсто изъ блаж. Иеронима (in Mich. 7, 5): *venenum animi, linguae mella tegunt*. Cf. epist. 128, 2 p. 962 V.

откуда Кантемиръ (въ 4 сатиры) позаимствовалъ выраженіе: „медь держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ“¹⁾).

129. У насъ есть пять различныхъ вариантовъ поговорки: *ле-юнкъ волкъ на поминь*²⁾, и подобныя же поговорки существуютъ, какъ жется во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ³⁾. Греки говорили только: *εἰ καὶ λύκου ἐμνήσθης* (разумѣется ἤλθεν ἄν⁴⁾): „только помяни волка, (и онъ прійдетъ, а онъ и тутъ)“. Поговорка эта употреблялась въ тѣхъ же случаяхъ, въ какихъ употребляется и наша: τοῦτο λέγεται ἐπὶ τῶν ἄν μνησθῆ τις εὐθὺς παραγινόμενων (Suid.), т. е. „это говорится про тѣхъ, которые являются тотчасъ, какъ о нихъ вспомнишь“. Однако, кромѣ нѣкоторыхъ пареміографовъ, въ греческой литературѣ поговорка эта не встрѣчается; зато у римскихъ писателей—*lupus in fabula*, или *lupus in sermone*—очень извѣстная пословица, встрѣчающаяся у Плавта (Stich. 577) и Теренція (Adelph. 537); особенно удачно употребилъ ее Цицеронъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику: *de Vagone loquebamur; lupus in fabula: venit enim ad me, et quidem id temporis, ut retinendus esset* (ad Att. XIII 33).—Что касается происхожденія и значенія этой поговорки, то у древнихъ толкователей существовали на этотъ счетъ довольно смутныя и сбивчивыя представленія. Схولیасты *Донатъ* ad. Ter. Ad. 537) и *Сервій* (ad Verg. Ecl. IX 53 sq.) смѣшиваютъ латинскую пословицу—*lupus in fabula* съ греческою поговоркою: *λύκον εἶδες*⁵⁾, которая прииѣнялась къ человѣку, внезапно умолкавшему среди рѣчи, и произошла, нужно думать, отъ того, что человѣкъ, увидѣвшій волка, отъ испуга лишается языка и не можетъ произнести ни слова; но древніе приписывали по-

¹⁾ Сочиненія Кантемира. Спб. 1847, стр. 92, ст. 66.

²⁾ *Про волка рѣчь, а онъ на встрѣчь; страго помянули, а сьрый здѣсь; сказаль бы словечко, да волкъ недалечко; о волкъ помалека, а волкъ и тутъ.* Даль 304, 440, 481 и др.

³⁾ Малорусск. у Ном. 3584; чешск., хорв. и серб. у Челяк. 606—607; франц. *Quand on parle du loup on en voit la queue*; нѣм. *Wenn man den Wolf nennt, so kommt er gerennt.*

⁴⁾ Diogen. IV 64; Suid. I 2 p. 757; Apost. VI 50.

⁵⁾ Theocr. idil. XIV 22; Suid. II 632; Apost. X 89; cf. Planud. 92 въ изд. Ed. Kurtz—а.

добное дѣйствіе взгляду волка и вѣрили, что на кого взглянетъ волкъ раньше, чѣмъ его замѣтятъ, у того отнимается языкъ (Plin. h. n. VIII 34; Plat. ger. 336 D.); отсюда будто бы и произошла поговорка—*lupus in fabula*: чловѣкъ, про котораго мы говоримъ, своимъ внезапнымъ приходомъ какъ бы отнимаетъ у насъ даръ слова. Но въ самой поговоркѣ—*lupus in fabula* понятія о внезапномъ преращеніи рѣчи вовсе не заключается; въ ней выражается только понятіе о появленіи волка среди рѣчи, т. е. содержится тотъ же смыслъ, что и въ греческой пословицѣ: *εἰ καὶ λύκου ἐμνήσθης* и въ нашей: *легокъ волкъ на поминѣ*. Поговорка же—*λύκων εἶδες* принадлежитъ къ особой категоріи понятій и представляетъ особо отдѣльный номеръ, не имѣющій ничего общаго съ нашей поговоркой.—Нѣкоторый намекъ на правильное рѣшеніе вопроса о происхожденіи этой поговорки даетъ *Отто* (№ 988); онъ говоритъ: „Dem Sprichwort liegt vielmehr die abergläubische Meinung zu Grunde, dass man vom Wolfe nicht sprechen dürfe, wenn man ihn nicht herbeilocken wolle“. Намъ кажется, что для полнаго объясненія пословицы необходимо обратить вниманіе на роль и значеніе волка въ народной миеологіи: извѣстно, что въ миеологическихъ сказаніяхъ общихъ всѣмъ народамъ, волкъ является представителемъ враждебной и зловердной силы, олицетвореніемъ злаго духа¹⁾ (возникновеніе такого понятія было естественно въ ту отдаленную эпоху, когда люди жили въ лѣсахъ въ постоянной, часто неравной борьбѣ съ такимъ хищнымъ и кровожаднымъ звѣремъ, какъ волкъ): волкъ не только угрожаетъ на каждомъ шагѣ жизни первобытнаго чловѣка и его домашняго скота, но и пожираетъ небесныя свѣтила во время ихъ затменія²⁾. Вмѣсто волка, въ другихъ

¹⁾ Этимологическое основаніе: сканд. *vargr* lupus (=λύκος, Ελύκος, слав. *влькъ*, *vlk*, *vuk*, нѣм. *wolf*) Як. Гриммъ сближаетъ съ слав. *врагъ*, которое и въ славянскихъ нарѣчійхъ, и у насъ въ областныхъ говорахъ означаетъ не только врага и убійцу, но и діавола. *Fr. Miklosich Lex. pal. slov.—graeco—lat: врагъ inimicus, hostis, diabolus, homi cida*. Въ пословицахъ волкъ иногда замѣняется чортомъ, нпр. № 279.

²⁾ *Θ. Буслевъ* Истор. очерки русск. нар. словесности и искусства, I, Спб. 1861, стр. 93. *Д. О. Шеншинъ* Русская народность въ ея повѣстяхъ, обрядахъ и сказаніяхъ. М. 1862 стр. 98; *А. А. Потебня* О мненч. значеніи обрядовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 279; *А. Аванасьева* Поэт. возр. слав. на прир. I, 735.

сказаніяхъ являются въ этомъ случаѣ разныя чудовища, или колдуны и волшебницы ¹⁾), — слуги нечистой силы; въ числѣ повѣрій русскаго народа есть одно, очевидно, позднѣйшей формациі, по которому затмѣніе происходитъ отъ того, что злой духъ скрадываетъ свѣтъ Божій и въ потьмахъ ловить христіанъ въ свои сѣти (Даль 1029); повѣрья эти у всѣхъ народовъ имѣютъ одну общую черту: несчастье можно предупредить, или облегчить звуками мѣдныхъ сосудовъ (cf. Liv. XXVI 5; Tibull. I 8, 21 sq; Ov. met. IV 333; VII 207; Tac. Ann. I 28). Далѣе, представители нечистой силы и слуги злаго духа, разные колдуны и уири превращаются въ волка: вѣрованіе въ *волкодлаковъ*²⁾, или оборотней (*λοχάνθρωπος*, *versipellis* или *lupus ambiguus*, *Währwolf*, *le loup-garrou*³⁾) принадлежатъ къ очень распространеннымъ вѣрованіямъ и до сихъ поръ живутъ въ народѣ. Наконецъ, употребленіе волчьихъ внутренностей и хвоста въ волшебныхъ чарахъ (Ovid. и Plin. *ibid.*⁴⁾) также указываютъ на то, что волкъ считается представителемъ злаго духа. Теперь, прежде чѣмъ возвратиться къ нашей пословицѣ, мы должны указать еще на одно вѣрованіе, характеризующее первобытнаго человѣка, чувствовавшего себя всецѣло во власти злаго духа, дѣйствию котораго онъ приписывалъ все, выходившее изъ ограниченнаго круга своего пониманія; мы разумѣемъ вѣрованіе, будто злой духъ является по первому зову, или даже при одномъ упоминаніи о немъ. „Богатырскія сказки и священные легенды увѣряютъ, что какъ вымолвишь чорта, такъ онъ тутъ и появится съ длиннымъ хвостомъ и острыми рогами“ (С. Максимовъ

¹⁾ Plat. Gorg. 513 A. Въ нашей Коричей говорится о волкодлакахъ: „егда оубо погмбнетъ лоуна и сльнице, глаголють, вькодлаци лоуноу изѣдоша или сльнице“. Lex. palaeoslov.—graeco—lat. Fr. Miklosich (Vind. 1862—65) p. 68.

²⁾ Срвн. болг. *вълколакъ*, серб. *вукодлакъ*, новогреч. *βουλκόλακας* или *βρουκόλακας*, рум. *вурколакъ*.

³⁾ Cf. Herod. IV 105; Ov. met. VII 270; Plin. h. n. VIII 34; Petron. 62.

⁴⁾ Наши колдуны во время свадебныхъ поѣздовъ, на погибель молодымъ, бросаютъ на дорогу высушенное *волчье сердце*. А. Аванасьева. I 767.

Крылатныя слова Спб. 1890, стр. 58)¹⁾. Вѣрованье это, слѣды котораго очень явственныя, существуютъ до сихъ поръ, не только у ди-карей, но и въ средѣ культурныхъ народовъ, распространяется на все дурное и грезящее несчастьемъ, на все, принадлежащее къ области злаго духа: не слѣдуетъ упоминать, или называть прямо (безъ обиняковъ и оговорокъ) ничего дурнаго, особенно къ ночи, потому что злой духъ не замедлитъ явиться во свѣ, или наяву, или наслать какуюнибудь бѣду; въ крайнихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ разнымъ евфемистическимъ выраженіямъ, или къ формуламъ заклинанія, предотвращающимъ дѣйствіе злаго духа, чтобы прямымъ упоминаніемъ чегонибудь дурнаго не накливать бѣды (см. А. Аванасьева Поэт. воззр. слав. на прир. I 100 и 742). Теперь наши и классическія поговорки становятся совершенно понятны: онѣ возникли еще въ ту отдаленную эпоху, когда волкъ олицетворялъ собою злаго духа, или ото-жествлялся съ нимъ, когда страхъ предъ волкомъ, или — что тоже — предъ злымъ духомъ былъ такъ великъ, что боялись даже упоминать о немъ, чтобы не вызвать его появленія²⁾; въ послѣдствіи, съ затемненіемъ первобытныхъ вѣрованій, это специальное значеніе поговорки могло нѣсколько утратиться, и она стала примѣняться въ обыденной жизни при появленіи всякаго человѣка въ моментъ, когда о немъ шла рѣчь, какъ говорится: *помяни его по имени, а онъ тутъ* (Даль II 41). — О попыткахъ объяснить поговорку или сказкой о неожиданномъ появленіи волка во время представленія пьесы (fabula) Навія, изображавшей исторію Ромула и Рема, вскормленныхъ волчицей, или басней Эсопа — Λύκος καὶ Γραῖς, въ которой старуха пугаетъ плачущаго ребенка волкомъ³⁾, едва ли стоитъ упоминать.

¹⁾ Пословицы гласятъ, что не слѣдуетъ рисовать черта на стѣнѣ, чтобы онъ не явился: *Soll man den Teufel nicht an die Wand malen*, польск. *Niemaluj diabla na scienie, byc sie nieprzysnil*, чешск. у Челяк. 32.

²⁾ Въ Германіи въ теченіи Рождественскихъ Святокъ пастухи остерегаются называть волка (замѣняя слово *wolf* названіями *unthier, feind* и т. п.) чтобы онъ не рѣзалъ у нихъ овецъ. На Украинѣ старики называютъ волка *дядькомъ* изъ боязни, чтобы онъ не явился на ихъ дворъ, а слово *чортъ* простой народъ замѣняетъ мѣстоименіемъ *онъ*. А. Потебня. О мнѣнч. знач. обрядовъ и повѣрій, стр. 301; А. Аванасьева I 742.

³⁾ Pflügl Das lat. Sprichwort bei Plautus und Terenz. S. 88—89.

130. Наша поговорка о дурномъ и неразборчивомъ почеркѣ — *письмо, словно куры набродили* (Даль II 228; малорусск. *написаю, моя курка лапою* у Ном. 6079), какъ уже замѣтилъ *Ив. Снегиревъ* (I 100), заимствована изъ комедіи Плавта *Pseudulus*, гдѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: *Ut opinor, quaerunt litterae haec sibi liberos; Aliam alia scandit... Nam has quidem gallina scripsit* (Plaut. Pseud. 23 и 30).

131. Наша поговорка — *у него глаза въ затылкъ* (Даль I 363), примѣняемая къ хитрымъ, пронырливымъ людямъ, отъ вниманія которыхъ ничто не ускользаетъ¹⁾, буквально соответствуетъ греческой: *Ὀπίσθεν κεφαλῆς ὄμματ' ἔχει ἐπὶ τῶν πανούργων*, которая находится у одного Апостоля (XII 94), но, безъ сомнѣнія, принадлежитъ классической древности, такъ какъ на латинскомъ языкѣ выраженіе это приводится уже Плавтомъ: *quae in occipitio quoque habet oculos pessima* (Plaut. Aulul. 64). У другихъ авторовъ поговорка не встрѣчается.

132. Употребительное у насъ сравненіе злаго и раздражительнаго человѣка съ *бешеной собакой*, было и у римлянъ: у Плавта выраженіе это примѣняется къ злой женѣ: *Nam dudum uxorem suam esse ajebat rabiosam canem* (Plaut. Menaechmi 936).

133. Что ученаго учить излишне, — эта мысль выражена въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ у Плавта: *Optem ore garridis — Quia doctum doces* (Рoen. 880). По нашей пословицѣ это не только лишне, но и вредно: *ученаго учить — только портить* (Даль IV 543).

134. Высшую степень страха, — состояніе среднее между жизнью и смертью, мы выражаемъ поговоркой: *ни живъ, ни мертвъ*. Въ томъ же смыслѣ у Плавта говорится: *Neque vivos neque mortuos sum — timore torpeo* (Truc. 823); *Timidam atque pavidam, nec vivam nec mortuam* (Curcul. 649).

135. Въ словахъ Плавта — *mus-aetatem — non cubili uni in quam committit suam* (Truc. 868 съ объясненіемъ: *Quia, si unum*

¹⁾ Срвн. поговорку: *у лхвой свекрови и сзади глаза* (Челяк. 398).

obdit obsidiator, aliud per fugium tegit), т. е. „никогда мышь не до-
вѣряетъ своей жизни одной норѣ“ — заключается зародынь пословицы,
извѣстной въ новѣйшихъ языкахъ: *xuda ta mysh, kotoraia odnu*
lazeu znayet (Даль II 374), нѣм. *Es ist schlechte Maus, die nur*
ein Loch weiss, франц. *Souris qui n' a qu' un trou, est bientôt*
prise; славянскія поговорки у Челяк. 253—254.

136. У Плавта (Trin. 1154) встрѣчается провербiальное выра-
женiе: *tunica propior palliost*, соотвѣтствующая нашей поговоркѣ:
*рубашка ближе къ плечамъ, чѣмъ кафтанъ*¹⁾. Судя по кон-
тексту, можно догадываться, въ какомъ смыслѣ плавтовскiй Лисите-
лесъ употребилъ это выраженiе; онъ хотѣлъ сказать, что изъ двухъ
лицъ одно ближе къ намъ, чѣмъ другое, напр. родственникъ ближе
посторонняго. Современныя поговорки, наша и славянскія, приведен-
ныя у Челяковскаго (396—397), а также французскія (*Ma chemise*
me touche de plus près que ta robe, или *La chemise est plus*
proche, que le pourpoint) и нѣмецкая (*Das Hemd ist mir näher*
als der Rock) употребляются въ томъ смыслѣ, что личный нашъ
интересъ для насъ дороже, чѣмъ интересы другихъ лицъ. Отсюда,
вѣроятно, произошла и другая наша поговорка: *своя рубашка къ тѣлу*
ближе (Даль IV 107), въ которой рубашка замѣнила шкуру: *своя*
шкура къ тѣлу ближе (Даль IV 658). Греки ту же мысль выра-
жали въ другой формѣ: *Γόνο χυμῆς ἔγγον* (Zenob. III 2; Diogen.
III 78): „колѣно ближе голени“.

XXXIX. Еннiй.

137. Для обозначенiя критическаго момента, или опаснаго по-
ложенiя, грозящаго ежеминутно разрѣшиться несчастьемъ, у насъ упо-
требляются поговорки: ~~*виситъ на волоскѣ*~~, ~~*виситъ на тонкой нит-*~~
~~*кѣ*~~; напр., *жизнь виситъ на ниткѣ, а думаетъ о прибыткѣ*
(Даль II 564). Греческiя соотвѣтствующiя выраженiя, которыя мы
приведемъ ниже, принадлежать сравнительно позднѣйшему времени;

¹⁾ Челяк. 396; Даль II 99.

гораздо древнѣе употреблявшееся въ томъ же смыслѣ выраженіе: „стоять на островѣ бритвіи“, ἐπὶ ἑσφοῦ, или ἐπὶ ἑσφοῦ ἀκμῆς, встрѣчающееся у Гомера, Эсхила, Софокла, Геродота, Теоокрита, Плутарха, Лукіана, Свиды и у нѣкоторыхъ пареміографовъ¹⁾. Что касается оригинала нашихъ собственно поговорокъ, то первое выраженіе—ἱκ τρίχος χρῆματα встрѣчаются не ранѣе II вѣка, именно, въ сборникѣхъ Зеновія (III 47) и Діогеніана (IV 41), также у Свиды (I 2 р. 164), Григорія Кипрскаго (II 50) и Апостолія (VII 100 а второе выраженіе, соответствующее нашему, находится у Лукіана: ἀπὸ λεπτῆς κρίχης ὁ πᾶς οὐτός ἐστι κλοῦτος ἀπὴρτήται — „все это богатство виситъ на тонкой ниткѣ“ (Luc. Navig. 26; cf. Iup. trag. 51; Charon 16 и 17). Наша поговорка — *жизнь виситъ на тонкой ниткѣ*, повидимому, есть ничто иное, какъ буквальный переводъ греческой сентенціи: ἀπὸ λεπτοῦ φασὶ μίτου τὸ ζῆν ἤρτησθαι, которая находится въ трехъ источникахъ, — именно, у Симезія, писателя IV—V в.²⁾, затѣмъ въ лексиконѣ Свиды (I р. 614 и II р. 865) и въ сборникѣ Апостолія (III 50). За то латинская поговорка — *filo pendere* гораздо древнѣе и встрѣчается впервые въ отрывкѣ изъ III книги *Анналовъ Еннія*, жившаго приблизительно за 200 лѣтъ до Р. Хр. (Enn. ар. Macrob. sat. I 4, 18), затѣмъ во фрагментахъ сатиры Луцілія, у Овидія, Валерія Максима и Амміана Марцелина³⁾. Мнѣніе, будто этого рода поговорки произошли изъ известнаго разсказа о *Дамоклѣ*, придворномъ льстецѣ Діонисія Старшаго (cf. Schneidew. ad Zenob. III 43), Отто справедливо отвергаетъ, такъ какъ древніе еще не знали „Дамоклова меча“, какъ провербiального выраженія; да и смыслъ поговорицъ вовсе не вытекаетъ изъ

¹⁾ Hom. II. X. 173; Aesch. Choeph. 883; Soph. Ant. 996 (ἐπὶ ἑσφοῦ τρίχης); Herod. VI 11; Theocr. idil. XXII 6; Plut. de Her. mal. 39; Luc. Iup. trag. 3; Suid. I 2, 440; Diog. II 41; Macar. IV 1.

²⁾ См. Th. Rein Sprichwörter bei Lucian, S. 51.

³⁾ C. Lucili sat. rel. XVI 10 (L. Muell. Lips. 1872 p. 70): vix uno filo hosce haerere putares; Ov. ep. ex Ponto IV 3, 35: omnia sunt hominum tenui pendentia filo; Val. Max. III 4, 1: Civitate nostra Cannensi cladé percussa, cum admodum tenui filo suspensa reipublicae salus ex sociorum fide penderet. Amm. Marc. XIV 5, 4: a cuius (Constantii principis) salute velut filo pendere statum orbis terrarum fictis vocibus exclamabant.

этого разсказа. — Наши поговорки заимствованы, вѣроятно, изъ позднѣйшихъ греческихъ источниковъ, въ которыхъ существуютъ обѣ формы; *висеть на волоскѣ* и *висеть на ниткѣ*, между тѣмъ какъ у латинскихъ писателей известна только послѣдняя форма, перешедшая къ французамъ (*ne tenir qu' à un fil*) и вѣщамъ (*Es hängt an einem Faden*).

XL. Катонъ Старшій.

138, Между афоризмовъ, приписываемыхъ Катону Старшему, есть одно, которое почти въ буквальномъ переводѣ повторяется въ нашихъ народныхъ поговоркахъ; мы разумѣемъ поговорку: *и брюха нѣтъ уха; голодное брюхо глухо; брюхо глухо — словомъ не уймешь* (Даль IV 227 и 540)¹⁾. По свидѣтельству Плутарха, Катонъ, обращаясь однажды къ народу, требовавшему раздачи хлѣба, началъ свою рѣчь такъ: „трудно, господа, обращаться къ брюху, не имѣющему ушей“ (*Χαλεπὸν μὲν ἔστιν, ὧ πολῖται, πρὸς γαστέρα λέγειν ὧτά οὐκ ἔχουσαν* Plut. Cat. maj. 8; то же Reg. et imper. aorophth. Catonis maj. 1). Нѣсколько отстываетъ отъ нашего способа выраженія моностыхъ Менандра (v. 321), приводимый Апостолиемъ-Арсеваемъ (X 73 a): *λιμῶ γὰρ οὐδὲν ἔστιν ἀντεπεῖν ἔπος* т. е. „на требованія желудка нельзя возразить ни одного слова“. Въ такомъ же родѣ говорить Сенека (ep. II 9, 11 или 21, 11): *venter praescepta non audit: poscit, adpellat* — „желудокъ не слушаетъ наставленій: знаетъ свое требуетъ“. Кстати приведемъ здѣсь еще одинъ стихъ неизвѣстнаго поэта, очень близко подходящій къ нашей поговоркѣ: *брюхо злодѣй — старая добра не помнитъ* (Даль I 135): *μόνη γὰρ (γαστήρ) ὧν πέπονθεν οὐκ ἔχει χάριν*²⁾ — „одинъ только желудокъ не чувствуетъ признательности за оказанное благодѣяніе“, т. е. старая добра не помнить.

¹⁾ Впрочемъ, подобныя поговорки известны и въ другихъ языкахъ, нпр. франц. *Le ventre n' a point d' oreilles*, серб. *Трбухъ нема ушию*, чешск. *Hladove bricho usi nema* (Челяк. 188).

²⁾ Это стихъ какого-то Харета, цитируемаго Апостолиемъ-Арсеваемъ: V 26 с.

139. Поговорка—*домовитый больше продаетъ, чѣмъ покупаетъ* (Даль 636), известная и на польскомъ языкѣ: *Gospodarz dobry wiele sprzedaje, mało kupuje* (Челяк. 431), представляетъ реминисценцію Катоноваго изрѣченія, которое передаетъ Плиній (h. n. XVШ 6): *agricolam vendacem esse oportere dixit* (Cato). Въ полномъ видѣ сентенція Катона находится въ его сочиненіи *De re rustica* (cap. 2): *patremfamilias vendacem, non emacem esse oportet*, т. е. „домохозяинъ долженъ больше продавать, чѣмъ покупать“. Здѣсь интересно то, что одно изъ обыкновенныхъ хозяйственныхъ наставленій знаменитаго римлянина, вовсе не имѣвшее въ свое время провербальнаго характера, является въ видѣ пословицы у насъ и у поляковъ.

XLI. Теренцій.

140. Замѣчательно, что наше повѣрье—*не къ добру курица пѣтухомъ запѣла* (Даль II 228)¹⁾ существовало и у римлянъ, какъ видно изъ Теренція, у котораго въ числѣ разныхъ *monstra* или *prodigia*, неблагопріятствующихъ предпріятію, приводится и пѣніе курицы: *gallina cecinit* (Ter. Phorm. 708).

141. У насъ, какъ кажется, есть въ просторѣчьи выраженіе: *горохъ на спину молотить* въ смыслѣ: наносить частые удары, напинакціе молотью²⁾. Нѣчто подобное было у римлянъ; именно, у Теренція (Eun. 381) рабъ говоритъ своему молодому господину: *At enim istaec in me cudetur faba*, собств.: „но, вѣдь, твой горохъ (бобъ) будетъ вымолоченъ на мнѣ“, т. е. на моей спинѣ, въ смыслѣ: за твоё предпріятіе мнѣ придется заплатить своею спиною.

142. Въ смыслѣ нашего выраженія—*растравляютъ старую рану* (болячку), или *трогаютъ за больное мѣсто* (Даль I 113 и IV 79), т. е. напоминать о такомъ предметѣ или обстоятельствѣ, одна мысль

¹⁾ Если курица запоетъ пѣтухомъ, это предвѣщаетъ покойника, или какое нибудь несчастье. А. Аванасьевъ Поэт. возар. слав. I 524.

²⁾ Срви. Крылова „Голикъ“: „По платю барскому безъ устали колотить, И на кафтанавъ онъ какъ будто роже молотить“.

о которыхъ причиняетъ намъ сильное огорченіе или душевную боль, римляне говорили: *ulcus (vulnus) tangere*¹⁾. По свидѣтельству Светонія (Aug. 15), Августъ при воспоминаніи о своей безпутной дочери, такомъ же внуку и внучкѣ, которыхъ онъ вынужденъ былъ отправить въ ссылку, тяжело вздыхалъ и называлъ ихъ „трема болячками“ (*tris vomicas ac tria sarcinotata sua*). Соответствующее нашей поговоркѣ греческое выраженіе встрѣчается у Плутарха: *κνίσειν* (или *κνεῖν*) *ἔλχος*. (Plut. de adul. et am. 24, гдѣ, вмѣсто *κνίσαντος*, нѣкоторые читаютъ *κνήσαντος*, cf. Erasmi. adag. I 6, 79).

143 см. № 66.

XLII. Варронъ.

144. Малорусская поговорка—*чим (новый) горшокъ накупивъ, тимъ буде смердіти*²⁾ представляетъ переводъ гораціанскаго стиха: *Quo semel est imbuta recens, servabit odorem Testa diu* (Hor. ep. I 2, 69). Но авторомъ сентенціи, послужившей первоначальнымъ источникомъ славянскихъ поговорокъ, нужно признать Варрона, знаменитаго римскаго ученаго, жившаго на 50 лѣтъ раньше Горація; въ числѣ его сентенцій сохранилась слѣдующая: *sapient vasa, quidquid primum acceperunt*³⁾. Подобными сентенціями пользуются церковные писатели: блаж. Иеронимъ (Apol. adv. libr. Ruf. I 30 § 486; epist. 107, 4) и Августинъ; послѣдній въ своемъ сочиненіи „De civitate Dei“, издавна, кажется, пользовавшемся популярностью въ славянскихъ странахъ, цитируетъ выше приведенный стихъ Горація⁴⁾.

145. Сравненіе человѣка, по недолговѣчности и брѣнности его существованія, съ водянымъ пузыремъ встрѣчается въ малорусской поговоркѣ: *жизнь чоловіка, якъ бульба на воді*, которую мы слышали

¹⁾ Ter. Phorm. 690; Довать замѣчаетъ, что выраженіе принадлежитъ къ провербальнымъ, cf. Cic. de nat. deor. I 37, 104.

²⁾ Нож. 6000; чешск., польск. и серб. у Челяк. 407—408.

³⁾ M. Ter. Varr. sat. Menipp. A. Riese Lips. 1865 p. 267, sent. 58 a. См. еще Otto № 1770, гдѣ приведена цитата изъ Филона, ученаго еврейскаго писателя I вѣка по Р. Хр. съ тою же сентенціей на греч. языкѣ.

⁴⁾ S. Aur. August. de civ. Dei I 3 ed. Domb. Lips. 1877 p. 7.

на Югѣ Россіи (въ Херсонской губерніи). Тоже сравненіе мы находимъ у двухъ латинскихъ писателей: Варрона — *ut dicitur-homo bulla* и Петронія: *nos non pluris sumus, quam bullae* (Varro г. г. I 1, 1; Petron. 42). Изъ греческихъ писателей сравненію людей съ водяными пузырями, большими и малыми, которые то и дѣло лопаются, посвящена цѣлая тарада у Лукіана (Luc. Char. s. contempl. 19).

146. Ноній Марцеллъ, римскій грамматикъ III, по другімъ IV вѣка по Р. Хр., цитируетъ изъ Варрона слѣдующую поговорку: *novum cribrum novo paxillo pendere*¹⁾, т. е. „новое сито на новомъ колкѣ вѣшать“. Замѣчательно, что это изрѣченіе, сохранившееся изъ какого то (извѣстнаго только по имени) сочиненія Варрона и оставшееся незамѣченнымъ позднѣйшими лексико- и пареміографами, вошло во всеобщее употребленіе у славянъ и проникло къ намъ; мало того, оно послужило образцомъ для образованія другихъ поговорокъ. Общій смыслъ этихъ поговорокъ состоитъ въ томъ, что новое и молодое цѣнится, а старое забрасывается и забывается. Кромѣ нашей поговорки — *снова, ситце на колочкѣ нависитъ, а околочитъ, по подлавочью наволочитъ* (Даль IV 193), мы имѣемъ нѣсколько славянскихъ, буквально соответствующихъ латинской, напр., польск. *Nowe sitko na nowem kolku wieszaja*, серб. *Ново сито о клину висци*; малорусскую, хорватскую и болгарскую см. у Челяк. 379; тамъ же приводится русская поговорка: *новое сито на полкѣ виситъ*, очевидно, ошибочно, вмѣсто *на колкѣ*. Другія поговорки того же типа о плеткѣ, о ложкѣ и т. п. см. у Даля 300.

147. Въ сборникѣ Челяковского приводится сентенція Варрона: *Amici divitum paleae sunt circa granum*, соответствующая русской пословицѣ: *друзей у богатыхъ, что макины около зерна* (Челяк. 234).

XLIII. Цицеронъ.

148. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ нашемъ литературномъ языкѣ существовало одно характерное выраженіе, заимство-

¹⁾ Non. Marc. comp. doct. p. 153. Merc. 222. Muell.

ванное съ греческаго; но затѣмъ оно исчезло: въ 1806 году нашъ знаменитый баснописецъ въ одной изъ первыхъ своихъ басенъ, „Старикъ и трое молодыхъ“, напечатанной въ „Московскомъ Зрителѣ“ (февр. ч. 2), употребилъ выраженіе: „Къ трудамъ *отъ мягкихъ я ногтей моихъ* привыкъ“; въ послѣдующихъ изданіяхъ басенъ Крылова этотъ стихъ исправленъ такъ: „Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ“. *Ив. Снегиревъ* (Русскіе въ своихъ посл. I 87) вспомнилъ о старинномъ выраженіи „отъ молодыхъ ногтей“, но не указалъ источниковъ; *В. Кеневичъ*¹⁾ указываетъ на „Посланія Никифора, митр. кievск. къ в. к. Володимиру“ и на „Повѣсть объ Ульяніи Муромской“, въ которыхъ встрѣчается выраженіе „изъ младъ ногтей“. Намъ остается указать классическіе источники. Соответствующее греческое выраженіе — ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων, „отъ мягкихъ ногтей“, т. е. съ самаго нѣжнаго возраста, раньше встрѣчается въ латинскомъ переводѣ: *a teneris, ut Graeci dicunt, unguiculis* у Цицерона (ad. fam. I 6, 2), или *de tenero ungui* у Горация (сатм. III 6, 24). Изъ греческихъ авторовъ мы находимъ его у Плутарха (de educ. puer. 5), позднѣе — у византійскаго писателя XII вѣка *Михаила Глики*²⁾ и, наконецъ, у Апостоля-Арсенія (VII 51 а ἐξ ἀπαλῶν ὀνύχων ἀντὶ τοῦ νηπιόθεν, какъ объясняетъ Еразмъ adag. I 7, 52: translatum a catulis, quorum unguiculi pondum duruerunt).

149. Какъ съ неба свалился (Даль II 518), говоримъ мы о чемъ нибудь внезапномъ, неожиданномъ, напр., при появленіи человѣка, котораго мы совершенно не ожидали, или о неожиданно — негаданно привалившемъ счастьи. Но и у римлянъ подобныя поговорки были въ большомъ ходу. Въ книгѣ *Отто* (подъ № 287) приведенъ длинный рядъ цитатъ изъ латинскихъ авторовъ, у которыхъ встрѣчается проverbsальное выраженіе: *quasi (sicut, ut) de caelo delapsus*, или *de caelo decidit*. Къ нашему выраженію наиболѣе подходятъ по смыслу своему мѣста Цицерона (de imp. Сп. Pomp. 14 § 41), Ливія (XXII 29, 3), Ювенала (2, 40), далѣе — Тертуліана (apolo-

¹⁾ Библиограф. и истор. примѣчанія къ баснямъ Крылова, Спб. 1878, стр. 17.

²⁾ *Krumbacher, Mittelgriech. Sprichw. S. 55.*

get. cap. 10: ex consuetudine humana .qua ignoti velex inopinato apparentes de caelo supervenisse dicuntur) и Лактанція: solemus eos,— qui repentino advenerint, de caelo decidisse dicere ¹⁾).

150. Что бумагъ мы часто доврѣаемъ такія мысли, которыя по чувству стыда мы не рѣшимся высказать открыто, это выражается нашей поговоркой: *бумага все терпитъ* (Даль IV 412). Прототипомъ ея служитъ выраженіе Цицерона: *epistula non erubescit* (ad fam. V 12, 1), которое, кажется, лишь позднѣе вошло въ пословицу ²⁾. Нѣмцы также говорятъ: *Das Papier wird nicht rot*.

151. Выраженіе, подобное нашему—*съ молокомъ матери воспитать* (предразсудки, порочныя наклонности и т. п.), находится только у Цицерона: *ut praepe cum lacte nutricis errogem suxisse videamur* (Cic. Tusc. III 1, § 2).

152. У насъ существуетъ повѣрье, что *мыши изъ дому выбираются* предъ несчастьемъ (особенно предъ пожаромъ, Даль II 374), и замѣчено, что крысы покидаютъ корабль, когда ему угрожаетъ опасность. У римлянъ существовало тоже повѣрье. Плиній говоритъ, что мыши переселяются изъ дому, которому грозитъ разрушеніе: *ruinis imminentibus musculi permigrant* (Plin. h. n. VIII 42). Но еще раньше Плинія Цицеронъ въ одномъ изъ писемъ къ Аттику жалуется, что двѣ принадлежащихъ ему лавки (*tabernae*) совсѣмъ развалились, а остальные дали трещины, и потому не только жильцы, но и мыши переселились (Cic. ad. Att. XIV 9).

XLIV. Лаберій.

153. Можетъ быть, не всякому извѣстно, что происхожденіе нашей поговорки—*сидеть на дудѣ ступальца* (славянскія поговорки у Челяк. 49) тѣсно связано съ именемъ :наменитаго римскаго оратора, Цицерона, хотя она и не встрѣчается въ его многочисленныхъ

¹⁾ Lact. div. inst. de falsa relig. I 11 ed. Valch. Mosq. 1851 p. 74.

²⁾ Отто подъ № 602 приводитъ цитату изъ сочин. Амбросія: *liber enim non erubescit*.

сочиненіяхъ. При Цезарѣ, въ 45 году до Р. Хр., *Децимъ Лаберій*, римскій всадникъ, исполняя желаніе диктатора, былъ принужденъ выступить на публичное состязаніе съ извѣстнымъ въ то время mimoграфомъ Публиліемъ Сиромъ и исполнить сочиненный имъ мимъ; между тѣмъ, по римскимъ обычаямъ, выступленіе на сцену влекло за собою потерю гражданскихъ правъ. Но Цезарь, тотчасъ послѣ состязанія, возвратилъ ему званіе всадника, вручивъ золотой перстень, и приказалъ ему занять мѣсто между всадниками. Но когда Лаберій, проходя со сцены чрезъ оркестру, приближался къ одному изъ 14 рядовъ креселъ, отведенныхъ всадникамъ, всѣ, сидѣвшіе тамъ, стѣснились для того, чтобы не дать ему мѣста. Цицеронъ, бывшій въ числѣ зрителей и сидѣвшій между сенаторами, съ насмѣшкой сказалъ проходившему Лаберію: „я бы тебя пустилъ, если бы самому не было тѣсно“ (— это былъ колкій намекъ на то, что Цезарь сильно увеличилъ число сенаторовъ); но Лаберій очень ловко отвѣтилъ: „но, вѣдь, ты имѣешь обыкновеніе сидѣть на двухъ стульяхъ“ (*atqui soles duabus sellis sedere*). Всѣмъ было извѣстно, что Цицеронъ игралъ двусмысленную роль между партіями Цезаря и Помпея и льстилъ тому и другому; а потому всѣ присутствовавшіе отлично поняли смыслъ отвѣта. — Разсказъ этотъ находится у Старшаго Сенеки и у Макробія¹⁾.

XLV. П. Сиръ.

154. За двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь (Даль I 693) — у насъ весьма популярная пословица, но очень мало извѣстная въ литературѣ. Изрѣченіе приписывается Публилію Сирю: *lepores duo qui insequitur, is neutrum capit*, хотя, кажется ошибочно²⁾; на греческомъ языкѣ оно приводится у Апостолія (XII 33) и Еразма (adag. III 3, 36), но безъ указанія источника: 'Ο δὲ

¹⁾ Sen. controv. VII 3, 9 ed. Müll. Vind. 1887 p. 308. Macrobian Saturn. II 3, 10; II 7, 2; cf. Suet. Caes. 39.

²⁾ *Leutsh* въ Corp. par. грасс. II p. 551 даетъ указаніе: Publ. Syri sent. 404, но въ изданіи G. Meyer—а (P. Syri mimi sent. Lips. 1880) и въ изд. Auctores lat. min. Lips. 1790 (P. Syri sent.) этого изрѣченія нѣтъ.

πρώτης διόρων ουδέτερον καταλαβάνει. Вульгарный характер пословицы засвидѣтельствовалъ Апостолий припискою: αὐτὴ δὴμώδης καὶ δηλῆ. Дѣйствительно, она не принадлежитъ къ числу „ученыхъ цитатъ“, и этимъ народнымъ характеромъ ея, быть можетъ, объясняется то обстоятельство, что никакихъ другихъ литературныхъ слѣдовъ ея мы не имѣемъ. Намъ извѣстна еще чешская параллель: *Kdo dva zajice honi, zadneho nechyti*¹⁾. Только въ смыслѣ нашей поговорки—*разомъ двухъ зайцевъ поймать* у Плавта встрѣчается proverbialное выраженіе: *uno in saltu apros capere duos* (Plaut. Cas. 476), т. е. „въ одной лѣсной долигѣ разомъ двухъ кабановъ поймать“, или какъ нѣмцы говорятъ: *Zwei Fliegen mit einer Klappe schlagen*.

155. Наша пословица—*дорогія милостыня во время скудости* (Даль 752) напоминаетъ извѣстное изрѣченіе Публилія Сира: *Inopi beneficium bis dat, qui dat celeriter* (P. Syri sent. 235)²⁾, но малорусская параллель—*что сразу дав (или что в бѣдѣ дав) той два рази дав* (Ном. 2322) представляетъ довольно близкій переводъ латинской сентенціи. Чешскую, польскую и сербскую параллели, а также испанскую, французскую, англійскую и нѣмецкую пословицы можно найти у Челяк. 45.

156. У насъ есть нѣсколько пословицъ, обозначающихъ тѣсную связь между дымомъ и огнемъ (какъ между слѣдствіемъ и причиною): ~~*нѣтъ дыма безъ огня; гдѣ дымъ тамъ и огонь*~~ (Даль 173); подобныя поговорки существуютъ у нѣмцевъ (*Wo Feuer ist, da ist auch Rauch*) и другихъ народовъ. У грековъ не было этой пословицы; прототиномъ современныхъ поговорокъ служитъ сентенція П. Сира: *Numquam ubi diu fuit ignis, defecit vapor* (P. Syri sent. 389). У Плавта сказано только, что „въ дыму весьма близко пламя“: *flamma fumo proxima* (Curcul. 53).

¹⁾ Челяк. 220; см. еще Hulakovsky *Česka příslovi N 954 sq.*

²⁾ Нѣкоторые приводятъ латинскую поговорку: *bis dat, qui cito dat* съ указаніемъ на Сенеку, какъ на источникъ, вѣроятно, основываясь на словахъ Еразма: *Memini, nisi fallor apud Senecam alicubi leg. re: Bis dat, qui cito dat* (adag. I 8, 91); но у Сенеки этой сентенціи нѣтъ.

157. Наша поговорка — *нужда свой законъ пишетъ* (или *нужда закона не знаетъ, нужда крѣпче закона* и т. п. Даль II 576) соответствуетъ одной изъ сентенцій П. Сира: *Necessitas dat legem, non ipsa accipit* (P. Syri sent. 399). У грековъ были только общія выраженія, напр. Δεινὴ ἀνάγκη οὐδὲν ἰσχυρότερον Zenob. III 9). — Кроме того, мы имѣемъ поговорку: *нужда и въ праздникъ* (и въ Великъ-день) *постится* (Даль III 356), аналогичную латинской, приводимой Палладіемъ, писавшимъ объ агрономіи въ IV вѣкѣ по Р. Хр. *necessitas feriis caret*, т. е. „нужда не знаетъ праздника“; вѣнцы также говорятъ: *die Not hat keinen Feiertag*.

158. Русская поговорка — *добрая слава дороже* (вѣрнѣе) *богатства* (Даль I 456) и чешск. *Dobre jméno nejlépsi dedictvi* (Челяк. 104), т. е. „честное имя лучше наслѣдства“ заимствованы изъ П. Сира, именно, представляютъ переводъ слѣдующихъ его сентенцій (62 и 217): *Bona opinio hominum tutior pecunia est* и *Honestus rumor* (или *honesta fama*) *alterum est patrimonium*.

159. У Даля (120 и I 493) приведена пословица, имѣющая всѣ признаки ученой цитаты: *даръ принялъ тотъ, кто достойному далъ*. Дѣйствительно, пословица эта не болѣе, какъ буквальный переводъ сентенціи П. Сира: *Beneficium dando accepit, qui digno dedit* (P. Syri sent. 55, cf. 493). Переводный характеръ нашей пословицы замѣчается и въ размѣщеніи словъ, несвойственномъ русскому языку; порусски придаточное предложеніе съ логическимъ удареніемъ слѣдовало бы поставить на первомъ мѣстѣ: „кто достойному далъ, тотъ и самъ принялъ даръ“ (аналестами). По смыслу только, а не по формѣ подходятъ отчасти слова Плавта: *bonis quod bene fit, hau perit* (Plaut. Rud. 939), т. е. „благодѣяніе, оказываемое достойнымъ, не пропадаетъ“; срнн. нѣм. *Wohlthun trägt Zinsen*.

160. Русская поговорка, приведенная въ сборникѣ Челяковскаго (стр. 48): *кто даетъ, давать учитъ*, заимствована изъ сентенціи П. Сира: *Beneficium saepe dare docere est reddere* (P. Syri sent. 60).

161. Наша пословица — *убогій во многомъ нуждается, а скупой во всемъ* (Даль 89) и чешская — *Chudemu se nedostava vseliceho, lakomci vseho* (Челяк. 52), т. е. „бѣдному не хватаетъ много

кой-чего, а скрягѣ—всего“⁴, представляютъ переводъ сентенціи П. Сира: *Inopiae desunt multa, avaritiae omnia* (P. Syri sent. 236); срвн. Sen. ep. XVIII 5 (108), 9.

162. Поговорка—*бъшеному* (т. е. запальчивому, раздраженному) *не давай ножа въ руки* (Даль I 160) соотвѣтствуетъ сентенціи П. Сира: *Eripere telum, non dare irato decet* (sent. 157), а другая наша поговорка—*бъшеному и дитяти ножа не давати* къ сентенціи Сира присоединяетъ еще очень распространенную греческую поговорку: Μὴ παιδί μίχαίρα, которая у пареміографовъ объясняется въ томъ смыслѣ, что неопытнымъ людямъ не слѣдуетъ поручать важныхъ, особенно, государственныхъ дѣлъ¹). Въ полномъ видѣ поговорка, подобно нашей, находится у Діона Кассія: παιδί:—κα: μαινομένῳ ξίφος ὀρέγει²).

XLVI. Вергилій.

163. Многія выраженія Вергилія уже рано получили значеніе пословицъ, подобно гомерическимъ ἀποφθέγματα (Масгов. V, 16, 7) и перешли въ новѣйшіе языки; нѣкоторыя изъ нихъ и у насъ употребляются, какъ общепринятія поговорки, напр., *omnia vincit amor* (Verg. buc. X 69): *любовь преодолеваетъ все*; также *labor omnia vincit* (Verg. georg. I 145): *терпиміе и трудъ все перетрутъ* (Даль IV 448).

164. Поговорка—*доить козла*³), ведетъ начало, какъ кажется, изъ греческихъ источниковъ; покрайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ сборникахъ приводится выраженіе τράγων ἀμέλειν⁴), употреблявшееся для

¹) Diog. VI 46; Greg. Cyr. III 9; Mac. V 94; Apost. XI 51, cf. Suid. II p. 835 изъ Евмолпиды: μὴ παιδί τὰ κοινά.

²) Dio. Cass. LII 14, 2; cf. еще Clem. Alex. Stromm. I 1 p. 119 Sylb. (Migne VIII p. 704) и Cic. pro Sest. 10, 24.

³) *Какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока* Даль 80; Ном. 7582. Въ нашей литературѣ поговорка встрѣчается уже въ „Моленіи Даніила Заточника“ (XII—XIII стол.): „не вдалъ есмь... отъ козла млека“ по изд. Ундольскаго). Нѣмцы также говорятъ: *Den Bock melken*. Въѣсто козла, у насъ ради рѣзны говорится про быка: *засотыль молочка отъ бычка* и т. п. Даль II 340.

⁴) Plut. provv. Boisson. 20; Diog. VII 95; Apost. Ars. XVII 32 a.

означенія глупаго и безплоднаго занятія. Изъ писателей греческихъ поговорку эту приводитъ только Лукіанъ въ жизнеописаніи Демонакта: „увидѣвъ однажды двухъ совершенно невѣжественныхъ философовъ, спорившихъ между собою, причеъ одинъ предлагалъ нелѣпные вопросы, а другой давалъ не идущіе къ дѣлу отвѣты, Демонактъ сказалъ: не правда-ли, друзья, что одинъ изъ этихъ господъ *δοιμῆς κωζλα*, а другой подставляетъ сито“¹⁾? Болѣе раннихъ слѣдовъ существованія греческаго выраженія нѣтъ, такъ что древнѣйшимъ литературнымъ источникомъ нашей поговорки нужно признать буколики Вергилія, гдѣ встрѣчается *mulgere hircos*, какъ проverbsальное выраженіе (Verg. bucol. III 91). Наконецъ, нужно отмѣтить еще одинъ изъ позднѣйшихъ источниковъ—сочиненія Григорія Назіанзина, въ сентенціяхъ котораго находится проverbsальный стихъ (цитируемый Шнейдевиномъ къ Diog. VII 95): ποιμὴν ἀμέλει, εἰ θέλει, καὶ τοὺς τράγους.

165. Пословица—*крадетъ волкъ и считанную овицу*, или *волкъ и изъ счету овецъ крадетъ* (Даль I 236), существующая, кажется, во всѣхъ новѣйшихъ языкахъ²⁾, произошла изъ VII буколики Вергилія, гдѣ сказано: *Hic tantum boreae curamus frigora, quantum Aut numerum lupus, aut torrentia flumina ripas* (Verg. buc. VII 51 sq.), т. е. „здѣсь мы также мало обращаемъ вниманія на холодъ, приносимый бореємъ, какъ волкъ на считанныхъ овецъ, или стремительный потокъ на берега“. Еразмъ перефразировалъ слова Вергилія: *lupus non veretur etiam numeratas oves devorare*, и этотъ перифразъ уже приближается къ новѣйшимъ поговоркамъ; по объясненію Еразма (adag. II 4, 99), пословица примѣняется къ дерзкому вору, котораго не останавливаютъ ни замки, ни печати, между тѣмъ какъ болѣе трусливый воръ боится брать считанную вещь, чтобы не попасться.

¹⁾ Luc. Demon. 28. Въмѣсто τράγους ἀμέλειν, у Теоокрита V 26—27 παρούσας (= παρούσας) αἰγὸς κακὰν κύνᾳ ἀμέλειν.

²⁾ Нѣм. *Wolf frisst auch von gezählten Schafen*; франц. и итал. приведены у М. Мисельсона стр. 52, славянскія у Челяк. 143.

XLVII. Горацій.

166. Для выраженія крайней степени нищеты, мы говоримъ: *ему неначто купить веревку, чтобы удавиться* (срвн. Даль 6б, 647 и IV 484), и греки также говорили: *Ὅδδ' ὀβολὸν ἔχει πρίασθαι βρόχον*, т. е. „у него неначто купить даже петлю (веревку)“. Пословица приводится только у Апостолия—Арсенія (XIII 15 h), но встрѣчается уже у Лукіана въ „Тимонѣ“, гдѣ Меркурій говоритъ: „я могъ бы указать многихъ, которые еще вчера не имѣли гроша за душой, чтобы купить петлю (*ὁδδὲ ὀβολὸν ὥστε πρίασθαι βρόχον ἐσυχρότας*), а сегодня вдругъ разбогатѣли и утопаютъ въ роскоши“ (Luc. Tim. 20). Что пословица принадлежитъ къ очень древнимъ и лишь случайно не вошла въ болѣе ранніе сборники, доказывается тѣмъ, что на латинскомъ языкѣ она приводится уже Гораціемъ: *deerit egenti As, laquei pretium* (Ног. sat. II, 98): „у бѣдняка не найдется даже мѣднаго гроша, чтобы купить веревку“¹). Въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, сколько намъ извѣстно, этой поговорки нѣтъ.

167. Что натуру или природный характеръ трудно измѣнить или передѣлать, — эта мысль проводится во множествѣ древнихъ и новѣйшихъ поговорокъ. Здѣсь мѣ хотѣли только сопоставить нашу очень извѣстную поговорку: *они природу въ дверь, она влетитъ въ окно* (Даль III 454) съ немецѣ извѣстнымъ гораціанскимъ стихомъ: *Naturam expellas furca, tamen usque recurret* (Ног. ep. I 10, 24) — „вылой природу гони, она вернется обратно“ (Фетъ).

168. Наше выраженіе — *голая истина* (Даль I 381), кажется, ведетъ начало изъ античнаго представленія и соответствуетъ гораціанскому выраженію *nuda Veritas* (Ног. carm. I 24, 7), означаящему откровенную правдивость человѣка, въ словахъ котораго нѣтъ ничего скрытнаго.

¹) (срвн. у Плавта (Pseudul. 85 sqq.) сцену, гдѣ Калидоръ проситъ взаимн драхму на покупку веревки, чтобы повѣситься, а его собесѣдникъ отвѣчаетъ: „а кто отдастъ мнѣ эту драхму? Ужъ не хочешь ли ты нарочно повѣситься съ цѣлю ввести меня въ убытокъ?“,

XLVIII. Проперцій.

169. Пословицу—далеко изъ очей, далеко изъ сердца (разумѣется: уйдетъ предметъ нашей любви) можно было бы выразить такъ: „съ глазъ долой, изъ сердца вонъ“, согласно съ польской поговоркой: *Co z oczu, to i z serca*, или чешск. *S očí, z mysli* (Челяк. 185, гдѣ приводится и русскій вариантъ). Поговорки эти довольно близко подходятъ къ одному стиху Проперція: поэтъ говоритъ, что для того, чтобы излѣчиться отъ любви, онъ вынужденъ прибѣгнуть къ единственному средству (*unum auxilium*)—предпринять дальнее путешествіе къ „ученныя Аѳины“, и прибавляетъ: *Quantum oculis, animo tam procul ibit amor* (Прор. IV 21, 10), т. е. „насколько отъ очей (съ глазъ), на столько же изъ сердца удалится предметъ любви“. Греческія поговорки отступаютъ отъ этого способа выраженія, напр. *Τηλοῦ φίλοι ναίοντες οὐκ εἰσὶν φίλοι* (т. е. „далеко живущіе друзья—не друзья“—ямбическій стихъ, принадлежащій неизвѣстному трагическому поэту ¹⁾). Французская и нѣмецкая пословицы принадлежатъ къ одному типу съ нашей. *Loin des yeux, loin du coeur*, *Aus den Augen, aus dem Sinne*.

XLIX. Овидій.

170. Наши поговорки—*съ маѣ жениться—съ маѣ маяться; съ маѣ добрые люди не женятся; радъ бы жениться, да маѣ не велитъ* (Даль 982; Ном. 450; Челяк. 448) основаны на суевѣрїи, котораго держались древніе римляне: послѣдніе вѣрили, что браки, заключенные въ маѣ, бываютъ несчастны, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ (9, 11 и 13 числа) у нихъ совершались *Lemuria*—обряды, учрежденные для умилостивленія и удаленія душъ умершихъ, или привидѣній (*Lemures*). Овидій въ своихъ *Фастахъ* даетъ намъ описаніе этихъ обрядовъ (Ov. Fast. V 427 sqq.); онъ же говоритъ далѣе о

¹⁾ Anonym. trag. fragm. 47 ed. Wagner, Append. provv. III 99.

происхожденіи *Лемуриі* и относитъ ихъ начало къ эпохѣ Ромула и Рема (*Lemuria* изъ *Remuria*, отъ *Remus*), когда духъ убитаго Рема, явившись Фавстулу и Аккѣ Ларенціи, потребовалъ учрежденія поминальныхъ дней и обрядовъ. Въ эти дни храмы у римлянъ запирались, и время это считалось неудобнымъ для заключенія браковъ, такъ что въ народѣ составилось убѣжденіе, что женщины, выходящія замужъ въ маѣ, бываютъ недолговѣчны и вообще несчастны: *has quoque de causa (si te proverbia tangunt) Mense malas Majo nubere vulgus ait* (Ov. ib. 489—490). Впрочемъ, это была не болѣе, какъ попытка объяснить существовавшій предрасудокъ и съ свойственною поэтамъ вольностью связать его происхожденіе съ баснословной исторіей основателей Рима. Позднѣе, Плутархъ въ своихъ „Римскихъ вопросахъ“ пытался объяснить тотъ же предрасудокъ. Но, коснувшись вопроса, почему римскія женщины въ маѣ не выходятъ замужъ, Плутархъ не даетъ положительнаго отвѣта, а предлагаетъ нѣсколько догадокъ или соображеній по этому поводу. По его словамъ, кромѣ поминаленія усопшихъ, въ этомъ мѣсяцѣ совершалось *великое очищеніе* (τὸν μέγιστον ποιοῦνται τῶν χαθαρῶν) съ умиловительными жертвами въ видѣ человѣческихъ фигуръ, которыя бросались въ рѣку въ воспоминаніе существовавшихъ нѣкогда человѣческихъ жертвъ. Далѣе, май приходится между апрѣлемъ и іюнемъ, а оба эти мѣсяца посвящены богинямъ—покровительницамъ браковъ, первый Афродитѣ, а второй Герѣ, и потому-де предпочитается заключать браки до мая, въ апрѣлѣ, или откладывать ихъ до іюня. Наконецъ, май—мѣсяцъ стариковъ (*Majus* будто бы отъ *majores, seniores*), а іюнь принадлежитъ юношамъ (*juniores*), а потому-де іюнь считается болѣе удобнымъ для браковъ, чѣмъ май (Plut. quaest. Rom. 86). Мы не будемъ касаться вопроса, насколько основательны эти соображенія; отъ чего бы ни произошелъ римскій предрасудокъ, для насъ интересно только то, что онъ проникъ въ Россію и выразился въ нѣсколькихъ поговоркахъ. Когда и какъ онъ перешелъ къ намъ? Вѣроятно всего, съ распространеніемъ французскаго образованія въ высшихъ слояхъ нашего общества онъ перешелъ къ намъ изъ Франціи; французы говорятъ: *Noces de Mai, noces mortelles*. „Предрасудокъ

этотъ, говоритъ г. Максимовъ (Крылатяя слова, Спб. 1890, стр. 468), особенно сильно распространенный въ образованномъ обществѣ, чрезъ дворню проникъ и въ среду простаго народа. Намъ полюбилась половица по созвучію: въ маѣ жениться—въѣтъ маяться“.

171. Выраженіе—*запутаться въ собственныхъ снтяхъ* употреблялось у грековъ и у римлянъ въ томъ же смыслѣ, какъ и у насъ, напр. у Овидія: *in laqueos, quos posuere, cadant* (art. am. I 646): *in laqueos auceps decideratque suos*, (remed. am. 502) и у блаженнаго Іеронима: *proprio captus es laqueo* (dial. adv. Pelag. I cap. 11 p. 703). Соответствующая греческая поговорка встрѣчается только въ сборникѣ Макарія (III 85): *Εν τοῖς ἐμαυτοῦ δίκτυασι ἀλώσονται ἐπὶ τῶν ἰδίων πανουργιῶν ἀλισκομένων*, Срвн. N. 39.

172. Наше proverbialное сравненіе—*ржа желъзо ѣстъ, а печаль сердце* (Даль IV 96), встрѣчающееся уже въ „Моленіи“ Даниїла Заточника, соответствуетъ словамъ Овидія: *Roditur ut scabra positum rubigine ferrum. Sic mea perpetuos curarum pectora morsus—habent* (Ov. ex Ponto I 1, 71).

173. Выраженіе—*изъ чернаго дѣлать бѣлое* (Даль I 155) и, наоборотъ, изъ бѣлаго черное, употребляемое о ловкихъ и беззащитныхъ людяхъ, умѣющихъ ложь представить истинною, (въ каковомъ смыслѣ Платонъ о софистахъ употребляетъ выраженіе: *τὸν ἦττω λόγον κρείττω ποιεῖν*) находится у Овидія, который говоритъ объ Автоликѣ: *Qui facere assuerat candida de nigris et de candentibus atra*¹⁾.

L. Сенека.

174. Поговорка— *и пѣтухъ на своемъ пепелищѣ храбръ*²⁾ принадлежить теперь къ очень распространеннымъ, но литературныхъ источниковъ, изъ которыхъ она произошла, немного: одинъ византийскаго періода, именно, сборникъ Плянуда; другой гораздо древнѣе

¹⁾ Ov. met. XI 314; cf. Juven. I 3, 30 *nigrum in candida vertere*.

²⁾ Даль 679, ср. 412 и 686; малорусск. у Ном. 9618; южно—и западно—славянскія параллели, также англ. и нѣм. у Челяк. 119, франц. и итал. у Михельсона стр. 68.

(I вѣка по Р. Хр.), это—*Ludus de morte Claudii*—сатира философа Сенеки, написанная имъ на импер. Клавдія. Византійская пословица по своей формѣ довольно близко подходитъ къ нашей: Καὶ ὁ ἀλέκτωρ ἐν τῇ οἰκείᾳ κοπρίᾳ ἰσχυρός ἐστι (Plan. 264 ed. Kurtz)—„и пѣтухъ силенъ на своей навозной кучѣ“. У Сенеки про импер. Клавдія, уроженца Галліи (*gallus* также пѣтухъ), сказано: Claudius intellexit... *Gallum in suo sterquilinio plurimum posse* (Sen. lud. de m. Cl. 7, 3). Нѣкоторые ошибочно приписываютъ это изрѣченіе П. Сиру; вообще трудно сказать, существовало ли у римлянъ и раньше подобная поговорка, или же это просто „крылатое слово“ Сенеки. Но это чисто латинское изрѣченіе принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ, которыя потомъ переведены были на греческій языкъ и перешли къ современнымъ грекамъ. Отметимъ еще разницу, представляемую параллелями: въ латинской, византійской, во всѣхъ славянскихъ (кромя болгарской и чешской) и въ западно-европейскихъ поговоркахъ пѣтухъ или силенъ, или смѣль или храбръ; но въ чешской, болгарской, а также въ новогреческой говорится, что пѣтухъ на своей навозной кучѣ *поётъ*: *Kohout na svet smetisti nejradji kokrha; всякой пѣтелъ на купището си пѣе*; Κάθε πετεινός 'ς τὴν κοπρίαν του κράζει.

175. Сентенція—„всю жизнь (даже въ старости) учишь“ очень стара: литературные слѣды ея восходятъ ко временамъ греческихъ трагиковъ; по крайней мѣрѣ, стихъ—Καλὸν δὲ καὶ γέροντα μακράνευ σοφῶν приписывается Эхилу (Aeschyl. frgm. 331 Ahrens, 278 Dind.). Но наша пословица—*отъкъ живи, отъкъ учишь* (Даль IV 543) по формѣ своей ближе подходитъ къ латинской, приводимой Сенекой: *tandiu descendum est, —si proverbio credimus, quamdiu vivis*¹⁾.

176. Что у смерти на глазахъ все равны, какъ гласитъ русская пословица (Даль IV 2), это высказано было еще Сенекой: *aequat omnes cinis; impares nascimur, pares morimur* (Sen. ep. 91, 16, или XIV 3, 16) и повторено позднѣйшимъ латинскимъ поэтомъ. *omnia mors aequat*²⁾.

¹⁾ Sen. ep. 76, 3 или IX 5, 3; cf. Cat. distich. IV 27 *Discere ne cessa*.

²⁾ Claud. Claudian. rapt. Pros. II 302; послѣднюю цитату приводимъ по Otto № 1142.

177. Замѣчательно, что чисто римская поговорка—*Quot servi, tot hostes*, сохранившаяся у Сенеки, Феста и Макробія¹⁾ и характеризующая суровое отношеніе римлянъ къ своимъ рабамъ, какииъ-то образомъ попала въ число русскихъ поговорокъ: *сколько рабовъ, столько враговъ* (Даль I 263).

178. Наша поговорка—*онъ трехъ словъ не въ состояніи связать* буквально соответствуетъ латинской, приводимой Сенекой: *Quomodo istum disertum dicatis nescio: tria verba non potest jungere* (Sen. ep. 40, 9, или IV 11, 9), т. е. „не понимаю, какъ вы можете называть его краснорѣчивымъ: онъ трехъ словъ не въ состояніи связать“²⁾.

LI. Валерій Максимъ.

179. У Пушкина въ одномъ стихотвореніи³⁾ приводится древняя пословица: „суди, дружокъ, не свыше сапога“, извѣстная намъ изъ Валерія Максима, а еще болѣе изъ Плинія Старшаго. Послѣдній рассказываетъ про знаменитаго живописца Апеллеса, что онъ имѣлъ обыкновеніе выставлять свои оконченныя работы въ мастерской на судъ публики, а самъ, сидя за полотномъ, выслушивалъ отзывы разныхъ лицъ; и вотъ, однажды онъ услышалъ упрекъ изъ устъ какого то сапожника или башмачника за то, что на одномъ башмакѣ нарисованной фигуры петли сдѣланы были меньше, чѣмъ на другомъ; художникъ исправилъ ошибку; когда же на другой день тотъ же сапожникъ, уже не ограничиваясь обувью, началъ разсуждать о ногѣ или голени и находить недостатки въ рисункѣ, художникъ выглянулъ изъ-за картины и съ негодованіемъ сказалъ: *ne (sutor) supra crepidam judicaret* (Plin. h. n. XXXV 36 § 12), т. е. „сапожникъ не долженъ судить свыше сапога“, у Валерія Максима (VIII 12, 3): *supra plantam ascendere*—„подниматься выше подошвы“. Греческій

¹⁾ Sen. ep. V 6 (47), 5 proverbium jactatur: *totidem hostes esse, quot servos*; Fest. p. 261 Muell: *Quot servi, tot hostes* in proverbio est; Macrob. sat. I 11, 13.

²⁾ Cf. Mart. VI 54, 2 *junget vix tria verba miser*. Arist. Nub. 1402 οὐδ' ἔν τρι' εἰπεῖν ῥήμαθ' οἷός τ' ἦν (A. Sonny).

³⁾ „Притча“ въ изд. Суворина Спб. 1887, IV 277.

оригиналь пословицы намъ неизвѣстенъ: сохранившаяся въ нѣкоторыхъ сборникахъ (Arrend. grouv. III 90 и Масар. V 88) поговорка— Μηδὲν ὑπὲρ τὰ (лучше τὸν) καλόποδα— „ничего сверхъ колодки“ имѣеть другой смыслъ, именно, предписываетъ не переступать мѣры или соблюдать мѣру, между тѣмъ какъ латинское изрѣченіе можно перевести: „сапожникъ, знай свою колодку“, (а о томъ не суди, что выходятъ изъ области твоего ремесла).

III. Петроній.

180. Если кто не можетъ наказать виноватаго и, вмѣсто него, наказываетъ невиннаго, мы говоримъ: *коли не по коню, такъ по олоблямъ* (т. е. хлещуть); *не попалъ по кобыль, имъ хоть по олоблямъ; не справясь съ коровой, да подойникъ объ-земь* и т. п.¹⁾ Древнѣйшій литературный источникъ пословицы принадлежитъ римской литературѣ; именно, у Петронія (I вѣка по Р. Хр.) встрѣчается поговорка: *qui asinum non potest, stratum caedit* (Petron. 45), т. е. „коли не по ослу, такъ по сѣдлу“. Далѣе пословица извѣстна въ византийской литературѣ, именно, встрѣчается у писателя XII вѣка, М. Глики: Ἐλάχτισεν ὁ γάϊδαρος καὶ δέρουσι τὸ σάγμα— „лягнулъ осель, и бьютъ (не осла, а) сѣдло“²⁾. Крумбахеръ отмѣчаетъ, какъ интересный фактъ, что византийская пословица извѣстная въ XII вѣкѣ и теперь сдѣлавшаяся вполне интернациональною, въ древности существовала не въ греческихъ сборникахъ, а у латинскаго автора.

181. Не произошла ли наша поговорка—*большому кораблю большое плаваніе* (Даль 680) изъ выраженія Петронія: *magna navis magnam fortitudinem habet* (Petron. 76)? Въ буквальный переводъ латинская фраза значить: большой корабль имѣеть большую смѣлость“, (чтобы пуститься въ дальнее плаваніе³⁾).

¹⁾ Даль 51, 117; III 305; Ном. 2818; польск. и галицк. у Челяк. 114.

²⁾ Mittelgriech. Sprichw. v. K. *Krumbacher*, S. 236; тамъ же приведены новогреческія, арабская, испанская и итальянская параллели; нѣмцы говорятъ: *Man sikhlagt auf den Sack und meint den Esel*.

³⁾ Проф. А. Н. Соини (Neue Sprichwörter.. въ Archiv f. lat. Lexic. u. Gramr. 1893, 4) также сравниваетъ мѣсто Петронія съ русской пословицей.

182. Откуда произошло наше выраженіе—*разбить горшокъ* въ смыслѣ разорвать дружбу? ¹⁾ Не въ родствѣ ли оно съ древними поговорками, въ которыхъ *горшокъ* (*хѹтра*, *olla*) какъ очагъ и столъ, является атрибутомъ, или символомъ дружбы? Древнѣйшія изрѣченія въ этомъ родѣ принадлежать аттической комедіи; но для объясненія нашего выраженія болѣе важны позднѣйшія поговорки, въ которыхъ „кипящій горшокъ“ служитъ символомъ пылкой дружбы: *Zei хѹтра*, *Zeī* (или *ζῆ*) *φιλία* (Zenob. IV 12; Diog. IV 96; Suid. I 2, p. 217; Masag. IV 30); но если горшокъ плохо кипитъ, значитъ, дружба непрочна: *sociorum olla male fervet* (Petron. 38); когда же содержимое въ горшкѣ съѣдено, или винный сосудъ опорожненъ (—и разбитъ), друзья расходятся, и—дружбѣ конецъ: *diffugiunt cadis Cum faece siccatis amici* ²⁾. Въ сельскихъ школахъ на Югѣ Россіи въ старину существовалъ обычай, по которому школьникъ, прошедшій, напр., азбуку и переходящій въ старшую группу, обязанъ былъ, кромѣ подарка учителю, принести въ школу горшокъ заши, которая тутъ же сообщается съѣдалась, послѣ чего виновника торжества выводили на дворъ съ завязанными глазами и давали ему въ руки палку; онъ долженъ былъ найти горшокъ, поставленный посреди двора, и разбить его; въ послѣднемъ актѣ дѣятельное участіе принимали и его товарищи. Не означаетъ ли этотъ обычай символически разрыва связей съ прежними *contubernales* и перехода въ среду другихъ товарищей?

183. Въмѣсто нашей *мокрой курицы*, для обозначенія вялаго, жалкаго и ничтожнаго человѣка, римляне говорили: „мокрая мышь“, какъ видно изъ Петронія: *et omnes redibant udi tanquam mures* (Petron. 44). Впрочемъ, у насъ тоже говорится: *естъ на меня, какъ на мокрую мышь* (Даль 184; II 374).

184. *Рыба хочетъ плавать*, говоримъ мы за столомъ въ смыслѣ: рыба возбуждаетъ жажду и требуетъ питья. Тоже выраженіе встрѣчается въ „Сатириконѣ“ Петронія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Три-

¹⁾ Ср. малорусск. *лек розбить* у Ном. 9539.

²⁾ Ног. *сарт.* I 35, 26; срвн. поговорки: *дружба ихъ разбилась* (Даль IV 9) и *Tesseram hospitem confringere* (Plaut.).

мальхионъ послѣ рыбнаго блюда приглашаетъ гостей сдѣлать честь вину и прибавляетъ: *pisces natate oportet* (Petron. 39). Французская поговорка—*poisson sans boisson est poison* отстываетъ отъ этого типа, а другая наша (чисто народная) поговорка, крожъ того, выходитъ изъ границъ умѣренности: *пей передъ ухомъ, за ухомъ, послѣ ухи и поминаючи уху* (Даль 907).

185. *Сомышко на всѣхъ равно свѣтитъ* (Даль IV 161), говоримъ мы, чтобы выразить, что драгоценнѣйшій даръ природы, свѣтъ солнца, подобно воздуху, всѣмъ доступенъ и не составляетъ частной собственности, какъ говоритъ Овидій, *Nec solem proprium Natura, nec aëra fecit* (Ov. met. V 350). Наша поговорка буквально соответствуетъ словамъ Петронія: *sol omnibus lucet* (Petron. 100). Что это было въ древности proverbialное выраженіе, доказывается тѣмъ, что оно встрѣчается и въ другихъ источникахъ, напр., въ Ев. Мате. 5, 45: *яко солнце свое сіяетъ на змыя и бланія*, откуда это выраженіе перешло и въ нашъ обыденный языкъ: *солнце сіяетъ на бланіе и змые* у Даля IV 271.

ЛШ. Плиній Старшій.

186. Нашу общераспространенную поговорку—*нѣтъ худа безъ добра* очень напоминаетъ одно мѣсто у Плинія, который по поводу употребленія аконита, какъ прилѣси въ глазныхъ лекарствахъ, замѣтилъ: *malum quidem nullum esse sine aliquo bono* (Plin. h. n. XXVII 2).

187. Русская поговорка—*ежеденъ не будешь* (или никто не будетъ) *умень* (Даль I 531) очень близко подходитъ къ латинскому выраженію, приводимому Плиніемъ (h. n. VII 41): *Nemo mortalium omnibus horis sapit*; вся разница здѣсь въ томъ, что вмѣсто латинскаго—*ежечасно*, у насъ говорится: *ежеденъ*, т. е. ежедневно.

188. Другая наша поговорка, принадлежащая, однако, не народному, а литературному языку,—*нѣтъ такой плохой книги, которая въ какомъ нибудь отношеніи не была бы полезна*, взята изъ одного мѣста Плинія Младшаго, который приписываетъ своему

дядѣ слѣдующее изрѣченіе: *dicere etiam solebat nullum esse librum tam malum, ut non aliqua parte prodesset* (Plin. ер. III 5, 10).

LIV. Венеціанскія схоліи.

189. Въ слѣпомъ царствѣ кривой—король, или промежъ слѣпыхъ кривой—первый вождь, или промежъ слѣпыхъ и кривой въ чести (Даль 82, 507). Древнѣйшій источникъ этой пословицы—венеціанскія схоліи къ Иліадѣ, представляющія остатокъ комментаріа въ александрійской эпохи¹⁾; здѣсь (именно, ad Hom. II. XXIV 192) приводится пословица: Ἐν τυφλῶν πόλει γλαυρὸς ἐμβασιλεύει—„въ государствѣ слѣпыхъ человекъ съ гноящимися глазами—царь“ (см. Leutsch къ Apost. VII 23). Въ византийскихъ источникахъ, у Планида и Апостоліа, пословица приняла слѣдующій видъ: Ἐν τῇ τῶν τυφλῶν πόλει καὶ ὁ ἑτερόφθαλμος ὄρατος δοχεῖ (Planud. v. Ed. Kurtz 253)—„въ государствѣ слѣпыхъ и одноглазый кажется красавцемъ“. У Апостоліа (VII 23): Ἐν τοῖς τόποις τῶν τυφλῶν Λάμων βασιλεύει²⁾. Новогреческая параллель приведена г. Куртцомъ; кромѣ того, пословица существуетъ у французовъ: *Au royaume des aveugles les borgnes sont rois* и чеховъ: *Mezi slepými jednoooký (silhavy) krá jest* (Челяк. 217). Латинская версія—*inter caecos regnat strabulus* принадлежитъ Еразму (adag. III 5, 96). Откуда заимствована наш пословица, неизвѣстно. То обстоятельство, что у насъ она существуетъ въ нѣсколькихъ вариантахъ, указываетъ, можетъ быть, на разные ея источники, и нельзя отрицать, что наши варианты ближе къ французской и чешской, чѣмъ къ греческимъ пословицамъ.

190. Русская пословица—*посла ни съкутъ, ни рубятъ, а только жалуютъ*, приведенная въ сборникъ Челяковского (стр. 342), замѣчательна тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ параллелей въ другихъ

¹⁾ Эти схоліи открыты въ рукописи X вѣка и изданы Виллазеномъ въ Венеціи въ 1788 году, затѣмъ Беккеромъ въ Берлинѣ въ 1825 г.

²⁾ Λάμων собств. имя, вѣроятно, изъ γλάμων—γλαυρός *gramiosus*, какъ λημη изъ γλήμη *gramia*.

новѣйшихъ языкахъ; происхожденіе же ея изъ греческихъ источниковъ не подлежитъ сомнѣнію. Такихъ источниковъ два: 1) венеціанскія схолиа къ Ном. II. IV 394, гдѣ схолиастъ, говоря о неприкосновенности герольдовъ, прибавляетъ: ὄθεν καὶ παροιμία ἐλέχθη τὸ Πρέσβος οὐ τόπτεται οὐδὲ ὕβριζεται (см. Leutsch къ Mant. provv. II 69) и 2) позднѣйшій сборникъ пословицъ, составляющій приложение къ Геттингенскому Корпусу: Mant. provv. II 69, гдѣ приводится таже самая пословица: Πρέσβος οὐ τόπτεται οὐδὲ ὕβριζεται— „посла не бьютъ и не оскорбляютъ“. Изъ Исторіи Госуд. Росс. Карамзина (изд. 1834 г., т. IX стр. 38) извѣстно, что пословицу—*посла ни съкутъ, ни рубятъ* привелъ Іоаннъ Грозный въ 1563 году въ переговорахъ съ Польшою.

LV Фэдръ.

191. Въ глубокой древности (въ героической періодъ) существовало представленіе, по которому за грѣхи царей поплачиваются народы; такъ, у Гомера за преступленіе Агамемнона (удержаніе Хрисеиды и оскорбленіе Хриса) Аполлонъ насылаетъ моровую язву на Ахэйцевъ; и у Гесіода встрѣчается выраженіе: ὄφρ' ἀποτίσῃ Δῆμος ἀτασθαλίᾳς βασιλέων (Hes. Op. 260): „чтобы заплатился народъ за беззаконія царей“; ср. Ног. ер. I 2, 14. Въ позднѣйшихъ представленіяхъ мѣсто эпическихъ царей и народовъ заступаютъ вообще сильныя и слабыя, такъ у Фэдра: *Humiles laborant, ubi potentes dissident* (Phaedr. I 30, 1),—изрѣченіе, которое можетъ считаться прототипомъ русской, польской и малорусской поговорокъ, въ которыхъ являются князья и бояре, помѣщики и крестьяне, паны и мужики: *князья бьются, у бояръ шеи болятъ; Gdy panowie za lwy chodzą, u poddanych włosy trzeszczą; паны бьются, а в мужиків чуби болятъ* (Челяк. 326; Ном. 1304)-

LVI. Персій.

192. Изъ одного тѣста (испечены, или вылѣплены), говоримъ мы о людяхъ одинаковаго характера (обыкновенно въ дурномъ смыслѣ),

сравнивая людей съ хлѣбами. Такое же выраженіе было у римлянъ, которые употребляли для этого сравненія слово *farina* (мука), какъ видно изъ одного мѣста у Персія: *cum fueris nostrae paulo ante farinae*¹⁾. Нѣмцы также говорятъ: *Wir sind alle aus demselben Teige*. Но чаще древніе заимствовали метафору изъ гончарнаго искусства и говорили: „изъ одной и той же глины“ — Ἐξ ἐνὸς πηλοῦ, или ἐκ τῆς αὐτῆς κεραμίας (Append. pronv. II 68; Масар. III 94 и VIII 15; Apost. XVI 46 а). Тоже у блаж. Иеронима: *et nos de eodem luto sumus* (dial. adv. Pelag. II 4 p. 745, epist. 79, 10 p. 507).

193. По стариннымъ (допетровскимъ) русскимъ понятіямъ борода считалась (и теперь считается у раскольниковъ) не только образомъ и подобіемъ Божиимъ, но и символомъ ума и мудрости; послѣднее представленіе само по себѣ понятно: умъ развивается съ лѣтами. Древніе греки и римляне бороду (и плащъ, *barba et pallium* у Gell. XIII 8, 5 и Apul. метам. XI 8) считали характеристическимъ признакомъ философовъ²⁾ и въ безбородомъ не предполагали много ума: τὸ τῆς γενηάδος διδάσκει τοὺς γέροντας, гласитъ греческая поговорка (у Apost. XVI 94), т. е. „бороды еще нѣтъ, а учишь старыхъ людей“. Въ другихъ (вѣроятно, позднѣйшихъ) русскихъ пословицахъ замѣчается противоположное представленіе (*умъ не въ бородѣ, а въ головѣ*) и даже ироническое отношеніе въ бородѣ; къ одной изъ этихъ пословицъ — *умъ бороды не ждетъ* (Даль I 117) довольно близко подходит одно мѣсто у Персія: *scilicet ingenium et rerum prudentia velox Ante pilos venit* (Pers. sat. IV 4): „умъ и опытность приходятъ раньше бороды“.

LVII. Квинтиліанъ.

194. Книжный характеръ нашей поговорки — *живому надо памятку быть* (Даль 189), разумѣется, чтобы не противорѣчить себѣ, въ сравненіи съ другою, чисто народною поговоркой — *ори, да помни*,

¹⁾ Pers. sat. V 115; ср. малорусск. у Нож. 2883: *не здоброї муки и той зліпен*

²⁾ Cf. *sapientem nascere barbam* Hor. sat. II 3, 35.

ни подлежатъ сомнѣнію. Дѣйствительно, первая поговорка есть точный переводъ латинской: *mendacem memorem esse oportet*, которая встрѣчается впервые у Квинтиліана (inst. or. IV 2; 91), затѣмъ у Апулея (de magia 69) и блаж. Иеронима (apol. adv. libr. Ruf. III 13, § 543: *oblivus es veteris proverbii Mendaces memores esse debere*). Ср. нѣм. *Ein Lügner muss ein gutes Gedächtnis haben*, славянскія поговорки у Челяк. 65—67.

LVIII. Тацитъ.

195. Въ 22 году по Р. Хр., въ царствованіе Тиверія, умерла знатная римлянка, жена Кассія и сестра Брута, оставивъ завѣщаніе въ которомъ она распредѣлила свое значительное состояніе между всѣми почти выдающимися лицами въ государствѣ, поименовавъ ихъ всѣхъ cum honore, но ни слова не упомянувъ о Тиверіѣ. Это завѣщаніе возбудило много толковъ въ Римѣ; но Тиверій, тѣмъ не менѣе, разрѣшилъ всѣ обычныя погребальныя почести; впереди процессіи несли фамильные бюсты знаменитыхъ римлянъ „но Кассій и Брутъ блистаи, именно, благодаря отсутствію своихъ изображеній“: *sed praefulgebant Cassius atque Brutus eo ipso, quod effigies eorum non visebantur*. Такъ рассказываетъ Тацитъ (анн. III 76). Не отсюда ли наша поговорка: *блистаютъ своимъ отсутствіемъ?*

LIX. Плутархъ.

196. Пословица—*что у трезваго на умъ (на сердцѣ), то у пьянаго на языкъ*, извѣстная въ западноевропейскихъ и славянскихъ языкахъ (Челяк. 138), представляетъ буквальный переводъ греческой: *Τὸ ἐν τῇ καρδίᾳ τοῦ νήφροντος, ἐπὶ τῆς γλώσσης τοῦ μεθύοντος*, которую приводитъ Плутархъ (de gurgul. 4) и нѣкоторые пареміографы (Diog. VIII 43; Greg. Сург. III 75; Масар. VIII 40 и Apost. XVII 4). Латинскій переводъ греческой пословицы—*Quod in animo sobrii, id est in lingua ebrii* даетъ Еразмъ (adag. II 1, 55). Другія пословицы, касающіяся вина, см. подъ №№ 265 и 290.

197. Наша пословица—*коня въ рати, узнаешь, а друга въ бѣдѣ*¹⁾ представляетъ буквальный переводъ изрѣченія, приписываемаго Плутарху и находящагося въ числѣ его fragmenta incerta (Plut. op. vol. V, p. 54. fr. L ed. Dübn): Ἴππου μὲν ἀρετὴν ἐν πολέμῳ, φίλου δὲ πίστιν ἐν ἀτυχίᾳ κρίνομεν. Объясненіе такого сопоставленія кони съ другомъ въ нашей, какъ и въ греческой сентенціи случайнымъ совпаденіемъ было бы невѣроятно. Но какимъ образомъ сентенція Плутарха попала въ число русскихъ пословицъ, — остается загадкой. Известно только, что подобная же сентенція—Φίλος καὶ Ἴππος ἐν ἀνάγκῃ δοκιμάζονται — „другъ, какъ и конь въ нуждѣ познаются“ находится въ одномъ кодексѣ московской синодальной библиотеки XV вѣка, напечатанномъ проф. Еришtedтомъ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, кн. 4. Параллели въ другихъ языкахъ намъ неизвѣстны. Ср. № 55.

198. Наше выраженіе—*и во снѣ не видывалъ* (*и во снѣ не презимось* и т. п. Даль IV 276) соответствуетъ греческому οὐδ' ὄναρ (adv.) съ какимъ нибудь глаголомъ, напр. у Плутарха: οὐδὲ ὄναρ ἄν ποτε παθεῖν ὑπὸ Δ. ταῦτα προσδοχῆσαντος (Plut. Philop. 18 sub. fin.)— „который и во снѣ не ожидалъ испытать это отъ Д.“, и у Лукіана: οὐδ' ὄναρ λευκοῦ ποτε ἄρτου ἐμφορηθεῖς (Luc. de merc. cond. 17, cf. Hermot. 2)— „даже во снѣ никогда не ѣдавшій досыта блага хлѣба Тоже выраженіе встрѣчается у Климента Александрійскаго и Юліана (см. Leutsch ad Apost. XIII 15 i).

199. Въ сборникѣ Челяковского (стр. 236) приводится русская пословица: *мертвая собака не кусаетъ*; тоже гласитъ малорусская пословица: *пес здохлий не куса* (Ном. 1250), т. е. опасный чловѣкъ по смерти безвреденъ. Подобное выраженіе мы находимъ у Плутарха. Когда бѣжавшій Помпей присталъ къ Египту, ища убѣжища у молодого царя Птолемея, послѣдній созвалъ совѣтъ, въ которомъ самыми вліятельными членами были внучъ Поеинъ и учитель царя, Θεοδοτὴ χιόσσει. Здѣсь одни совѣтовали принять Помпея, другіе считали за лучшее отказать. Тогда Θεοδοτὴ заявилъ, что и то, и дру-

¹⁾ Даль 859; варианты (изъ (негирева) приведены проф. Еришtedтомъ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, 4; тамъ же греческій вариантъ изъ Антоніевой Пчелы.

гое рѣшеніе одинаково опасно: можно-де нажать себѣ врага въ лицѣ или Цезаря, или Помпея, а самое лучшее—принять бѣглоца и умертвить; это-де и Цезарю будетъ пріятно, да и Помпея имъ нечего будетъ бояться, „потому что, прибавилъ онъ съ улыбкой, мертвый, по пословицѣ, не кусается“ (Plut. vit. Pomp. 77 fin: Προσπετείτε δὲ διαμεδιάσας, ὡς φασιν, ὅτι νεκρὸς οὐ δάκνει). Выраженіе — Νεκρὸς οὐ δάκνει вошло въ сборникъ Apost.-Arg. XI (4 а.

200. У насъ есть поговорка: *на чужой совѣтъ не ходи; пока позовутъ, походи* (Даль IV 263 и Челяк. 272). Еразмъ (adag. I 2, 90) приводитъ греческую пословицу: Μὴ πρότερον εἰς βουλήν προσέλθης, πρὶν ἂν κληθεῖς съ латинской версіей: *ad consilium ne accesseris, antequam voceris*, и говорить, что эта сентенція извѣстна подъ именемъ Катоновой, а у Челяковского она приписывается Цицерону. Но ни между apophthegmata Catonis, ни въ сочиненіяхъ римскаго оратора такого изрѣченія, кажется, нѣтъ. Но что у грековъ существовала подобная поговорка, хотя она не вошла ни въ одинъ сборникъ, это не подлежитъ сомнѣнію и явствуетъ изъ одного мѣста у Плутарха: Ἄτοπος μὲν οὖν καὶ παροιμιώδης Μενέλαος, εἴ γε σύμβουλος ἔγενετο μὴ παρακηκλημένος, т. е. „атакъ, ноумѣстно поступилъ Менелай и даже въ пословицу вошелъ тѣмъ, что явился на совѣтъ безъ зову“ (Plut. Quaest. conv. I 2, 3). Первоисточникомъ поговорки служитъ стихъ Илиады (II 408): αὐτόματος δὲ οἱ ἦλθε βουήν ἀγαθὸς Μενέλαος ¹⁾.

201. Согласно одному изъ нашихъ хозяйственныхъ наставленій, рожь слѣдуетъ сѣять *въ золу или песокъ* (т. е. въ сухую почву), а овесъ *въ грязь* (Даль 1010, 1011). Подобное же правило, но только въ обратномъ видѣ (можетъ быть, въ силу климатическаго различія), существовало и у грековъ: Плутархъ въ числѣ своихъ Quaestiones naturales (№ 16) рѣшаетъ вопросъ, почему говорится: Σίτον ἐν πηλῷ φτεῦετε, τὴν δὲ χριθὴν ἐν κόκκῳ, т. е. „жито (рожь, пшеницу) сѣйте въ грязь, а ячмень (овесъ) въ песокъ“. Не слѣдуетъ ли отсюда, что

¹⁾ Cf. I. Teufer De Homero in apophthegmatis usurpato. Lips. 1890, p. 21.

и на нашихъ хозяйственныхъ поговоркахъ отразилось вліяніе книжныхъ наставленій, заимствованныхъ изъ греческихъ источниковъ?

202. Нѣкоторыя наши поговорки представляютъ или буквальный переводъ, или передѣлку сентенцій Плутарха, сохранившихся въ видѣ фрагментовъ неизвѣстныхъ сочиненій этого автора, напр., *ни конь безъ узды, ни богатство безъ ума* (Даль 62): Ὅτε ἴππῳ χωρὶς χαλινῶ, ὅτε πλούτῳ χωρὶς λογισμοῦ δυνατόν ἀσφαλῶς χρῆσασθαι— „ни конемъ безъ узды, ни богатствомъ безъ ума нельзя безопасно воспользоваться“ (последнія три слова остались непереведенными): Plut. fragm. inc. LIV p. 54 ed. Dübн.

203. Какъ примѣръ передѣлки или перифраза можно привести XXIX фрагментъ изъ тогоже Плутарха (p. 53 ed. Dübн.): Χαίρειν χρῆ τοῖς ἐλέγχουσι, οὐ τοῖς κολαχέουσιν (scil. φίλοις)— „нужно любить обличающихъ, а не лстящихъ (потакающихъ) друзей“; въ нашей поговоркѣ сентенція Плутарха приняла слѣдующій видъ: *не люби друга потаковищика, люби встръчника* (Даль 859); *встръчникъ* значитъ: спорщикъ, обличитель и т. п.

LX. Светоній.

204. Пословица—*шерсть стриги, а ткуры не дери* (Даль 637; IV 348) встрѣчается впервые на латинскомъ языкѣ, у Светонія, влагающаго ее въ уста импер. Тиверію, который на убѣжденія намѣстниковъ, совѣтовавшихъ увеличить подати, поступавшія съ провинцій, отвѣчалъ: *boni pastoris est tondere pecus, non deglubere* (Suet. Tib. 32), т. е. „добрый пастухъ долженъ стричь овецъ, а не драть съ нихъ шкуру“. Это рѣдкій примѣръ латинской пословицы, переведенной потомъ на греческій языкъ, именно, у Діона Кассія (LVII 10): *χεῖρεσθαι μοι τὰ πρόβατα, ἀλλ' οὐκ ἀποξέρεσθαι βούλομαι*. Cf. Suid. II 2 p. 1116 и Mant. Gronv. III 16. У Сербовъ латинская сентенція употребляется въ буквальномъ переводѣ: *доброга е пастыра овце стричи, а не дерати* (Челяк. 323).

205. Светоній (Vespas. 16) приводитъ другую латинскую пословицу—*vulpes pilum mutat, non mores*, т. е. „лисица шерсть мѣ-

няеть, но не характеръ“. Въ греческой пословицѣ, сохранившейся въ позднѣйшихъ сборникахъ, вмѣсто лисицы, является волкъ: Plaut. 178 'Ο λύκος τὴν τρίχα ἀμφίβει, τὴν δὲ γνῶμην οὐκ ἀμφίβει и Apost. XII 66 'Ο λύκος τὴν τρίχα οὐ τὴν γνῶμην ἀλλάττει (см. еще Krumbach. № 95). Наша пословица, согласно съ греческою, гласить: *волкъ и каждый годъ линяетъ, да обычая не мнѣяетъ* (Даль 799). Изъ параллелей, приведенныхъ Челяковскимъ (стр. 223) и Крумбахеромъ (S. 211—212), видно, что въ чешской, сербской, также турецкой и тосканской пословицахъ фигурируетъ волкъ; напротивъ, въ нѣмецкой, венеціанской и пьемонтской—лисица, въ испанскихъ—волкъ, лисица и осель, а въ новогреческой—волкъ, свинья и собака.

LXI. Авлъ Геллій.

206. Наша пословица—*спѣши, да не торопись* (Даль 615) очень подходит къ извѣстной классической формулѣ: *σπεῦδε βραδέως* — „спѣши не торопясь“, которая, какъ кажется, находится въ связи съ изрѣченіемъ Теогида: *Μηδὲν ἄρα σπεῦδειν* (Theogn. 335. *Th. Bergk* p. 507) и хотя не приводится ясно, но подразумѣвается у Платона¹⁾. Въ сборники пареміографовъ это классическое выраженіе не вошло, и мы находимъ его впервые у латинскихъ писателей II вѣка по Р. Хр., Авла Геллія (N. A. X 11, 5) и Светонія (Aug. 25). Первый изъ нихъ даетъ даже историческую иллюстрацію по поводу греческой поговорки: объясняя значеніе слова *mature* и приведя слова *Π. Нигидія* (ученаго современника Цицерона): *mature est, quod neque citius neque serius, sed medium quiddam et temperatum est*, Геллій прибавляетъ, что мысль Нигидія о надлежащей мѣрѣ отлично выразилъ Августъ двумя греческими словами: *σπεῦδε βραδέως*, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе повторять въ разговорѣ и приписывать въ письмахъ, побуждая этимъ не только къ быстротѣ дѣйствій, но и къ осмотрительности. Что касается латинской поговорки—*festina*

¹⁾ Plat. Rep. 528 D. Polit. 264 AB; cf. Eug. Grünwald Sprichwörter—bei Plato, Berl. 1893 p. 14.

lente, то она не принадлежит къ классическимъ, а представляетъ позднѣйшую попытку¹⁾ передать греческой *оксиморфъ*, и если принять во вниманіе основное значеніе глагола *festinare*—безтолково торопиться, начинать разомъ многое и не оканчивать, какъ понимали это слово еще древніе (A. Gell. XVI 14), въ противоположность *properare*—спѣшить, вслѣдствіе энергіи, то едва ли можно признать латинскую версію особенно удачною. Другая наша пословица—*тише ѣдешь, дальше будешь* произошла изъ византійскаго источника, именно, представляетъ перифразъ пословицы *Плянуда* (въ изд. Куртца № 42): *Ὅς πορεύεται βράδιον, πορεύεται τάχιον*, т. е. „кто тише ѣдетъ, ѣдетъ быстрѣе“.

207. Мы употребляемъ поговорку: *пускать пыль въ глаза* (Даль III 568) въ значеніи хвастать, щеголять и этимъ морочить или обманывать кого, какъ бы не давать ему возможности видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ²⁾; въ этомъ же значеніи встрѣчается и латинское выраженіе: *pulverem ob oculos adspargere*, именно, въ одномъ мѣстѣ у Геллія, гдѣ говорится про какого то ритора или грамматика, который своими жалкими декламациями (*inauditunculas*) *пускалъ* всѣмъ встрѣчнымъ *пыль въ глаза* (Gell. N. A. V 21, 4). Откуда произошло это выраженіе, отъ Олимпійскихъ ли игръ, на которыхъ мчавшаяся впереди колесница, поднимая столбъ пыли, застилала дорогу ѣхавшимъ позади, или отъ обычая въ драгѣ и на педингахъ бросать противнику горсть земли въ глаза³⁾, или отъ чего нибудь другаго, трудно сказать. Но вѣдь, всегда на всѣхъ немощенныхъ дорогахъ (не только на Олимпійскихъ играхъ) приходилось и приходится испытывать тоже неудобство отъ ѣдущихъ впереди экипажей. Кромѣ того, мы имѣемъ другую, почти тождественную по смыслу погов-

¹⁾ Авторъ ея, вѣроятно, Бразма, который объясненію греческой формулы посвящаетъ нѣсколько страницъ: *adag.* II 1, 1.

²⁾ Срви. поговорку: *не пыли, глаза запорошишь* (т. е. полно врать, не хвастай): Даль I 639.

³⁾ См. у М. Михельсона (Мѣткія и ходячія слова, стр. 413) цитату изъ хроникъ Рафаэля Варберини и ссылку на Fleury de Bellingen. Ср. Даль 152 и Erasmi. *adag.* II 9, 43; по словамъ Бразма, поговорка встрѣчается въ письмахъ блаж. Іеронима.

ворку: *пустить туману въ глаза* (Даль IV 454), которую нельзя производить ни отъ Олимпийскихъ игръ, ни отъ судебныхъ поединковъ; аналогичное выраженіе находится у Плавта: *Glaucumam ob oculos obiciemus eumque ita Faciemus, ut quod viderit, ne viderit* (mil. glori. 148), т. е. „мы напустимъ ему такого туману (собств. приставимъ бѣлмы), что онъ не будетъ видѣть того, что увидитъ“.

LXII. Павсаній.

208. У насъ есть пословица: *за чужими канунами своихъ родителей* (или покойниковъ) *поминаетъ* (Даль 90 и 673). Кануномъ (*κάνων* правило) въ простонародьи называется молебень, или панихида наканунѣ дня памяти какого нибудь Святаго, а также поминальный столъ ¹⁾ и напитки, особенно поминальная кутья, называемая *коливомъ*. Пословица говорится о скупомъ, справляющемъ свои дѣла на чужой счетъ. Начало ея относится къ классической древности; затѣмъ въ другой формѣ она является въ византийскій періодъ, у Планада; наконецъ, у современныхъ грековъ она сохранилась, еще разъ измѣнивъ свою форму, такъ что представляется возможность сравнить выраженіе одной и той же пословицы въ три различныхъ историческихъ момента. Въ языческую эпоху греки говорили: *ἄλλοτρίαις θυμᾶμασι τὸ θεῶν σέβεται*, т. е. „чужими куреніями воздастъ почести божеству“. Пословицу эту приводитъ Павсаній, примѣняя ее къ Суллѣ, который поставилъ на Геликонѣ статую Діониса, работы Мирона, но не на свой счетъ, а отнявъ ее у Орхоменянъ (Pausan. IX 30). На второй ступени, византийско-христіанской, пословица уже приблизится къ нашей: *ἄλλοτρίαις χααῖς τοῖς γονεῦσιν αὐτοῦ ἐναγίζει* (Planud. 105): „чужими возліаніями приносить жертву за упокой своихъ родителей“. У нынѣшнихъ грековъ существуетъ пословица, вполне соответствующая нашей: *Μὲ (=μετὰ) τὰ κόλυβα τὰ ξένα μα-*

¹⁾ Срвн. малорусск. *Якъ чужими пирогами та свого батька поминать* (Ном. 9670).

καρίζει τοὺς γονεῖς τοῦ— „чужимъ *коливомъ* поминваетъ (ублажаетъ) своихъ родителей“¹⁾).

LXIII. Ф е с т ь.

209. Наша поговорка— *жизнь, что гороху при дороге* (кто ни пройдетъ, тотъ и скубнетъ— Даль I 392), неизвѣстная въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, оказывается, была и у римлянъ, но сохранилась только у одного писателя, именно, у грамматика II вѣка по Р. Хр., Феста, въ слѣдующемъ видѣ: *tam perit, quam extrema faba, in proverbio est, quod ea plerumque aut proteritur, aut deserpitur a praetereuntibus*²⁾, т. е. „пропалъ, по пословицѣ, какъ горохъ при дорогѣ (собств. бобы на краю поля), потому что здѣсь онъ обыкновенно затаптывается, или срывается прохожими“. Подобное, но не тождественное выраженіе находится у Катюлла: *Qui illius culpa cecidit velut prati Ultimi flos, praetereunte postquam Tactus agrato est* (Catull. 11, 22); здѣсь, вмѣсто гороха или бобовъ, рѣчь идетъ о цвѣтѣ, росшемъ на краю луга и задѣтомъ сохою, съ чѣмъ можно сравнить нѣмецкую пословицу: *Schöne Blumen stehen nicht lange am Wege* (Otto № 619).

LXIV. Лукіанъ³⁾.

210. Поговорка— *изъ мухи слона дѣлать* (Даль 813), т. е. сильно преувеличивать значеніе ничтожной вещи, принадлежит къ довольно распространеннымъ⁴⁾, но древнѣйшимъ литературнымъ источникамъ

¹⁾ О греч. *κολλίζα, κολλίζος* сказано нами въ статьѣ „Визант. пословицы и слав. параллели къ нимъ“ стр. 20—21.

²⁾ *Festi de verb. sign.* p. 363 Muell. Что латинская пословица соответствуетъ русской, замѣтилъ уже *A. Sonny* въ *Archiv. f. lat. Lex. u. Gramm.* 1894, 1, S. 61

³⁾ См. *Sprichwörter und sprichw. Redensarten bei Lucian v. Th. W. Rein.* Tübing. 1894.

⁴⁾ Нѣм. *Aus einer Mücke einen Elefanten machen.* Славянскія параллели у Чельк. 632.

ея не восходятъ раньше II вѣка по Р. Хр. именно, она приводится Лукіаномъ: ἐλέφαντα ἐκ μίας ποιεῖν (Luc. Musesae eps. 12) и затѣмъ въ сборникахъ пареміографовъ, которые объясняютъ ее въ томъ же смнслѣ, въ какомъ употребляется наша поговорка: ἐπὶ τῶν τὰ ἐλάχιστα ἐπαίροντων τῷ λόγῳ καὶ μεγαλοποιούντων¹⁾).

211. Наша поговорка — *дай, Боже, нашему теляти волка поймать* (Даль IV 407), выражающая нѣчто невозможное, неисполнимое, довольно близко подходитъ къ греческой пословицѣ: ὁ νεβρός τὸν λέοντα (scil. αἶρετ, какъ объясняется въ словарѣ Пассова, или, вѣрнѣе, ἐλοι), т. е. „о если бы молодой олень (поймалъ) льва!“ Эта пословица принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ, именно, встрѣчается только у Лукіана (dial. mort. 8), а изъ пареміографовъ у Діогеніана (cod. Vind. III 42) съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν ἀδυνάτων εἰληπται. Русская пословица окажется болѣе близкой къ греческой, чѣмъ представляется на первый взглядъ, если принять во вниманіе, что *теленкомъ* у насъ называется и дѣтенышъ лани (Даль IV 407); такимъ образомъ, вся разница состоитъ въ замѣнѣ греческаго *льва* нашимъ *волкомъ*, что замѣчается и въ другихъ провербiальныхъ выраженiяхъ; напр., вмѣсто „львиной и лисей шкуры“ (λεοντῆ—ἀλωπεκῆ Zenob. I 93 и др.), для обозначенiя, съ одной стороны, силы, а съ другой, хитрости, у насъ говорится: *волчiй зубъ и лисiй хвостъ* (Даль II 259).

212. Нѣкоторыя наши сравненiя людей съ животными соотвѣтствуютъ греческимъ выраженiямъ: напр., *нѣмъ, какъ рыба*—ἰχθύων ἀφρόντερος у Лукіана (sompn. s. Gall. 1; adv. indoct. 16); вмѣсто этого, древнiе говорили также, какъ и мы: *нѣмъ, какъ статуя*—statua taciturnior (Hor. epist. II 2, 83); то же у Лукіана (vitar. auct. 3): ἐγὼ γὰρ λάλος, οὐκ ἀνδρὶς εἶναι βούλομαι. Далѣе — *трусливъ, какъ заяцъ*—δειλότερος τῶν λαγῶν у Лукіана (piscat. 34) и Апостолиа (V 90 n); *слѣпъ, какъ кротъ*—τυφλότερος ἀσπίλακος (Diog. VIII 25; Suid. II 2, p. 1252; Apost. XVII 35; cf. Verg. Georg. I 183);

¹⁾ Zenob. III 68; Diog. IV 46; Suid. I 2 p. 182—183, Greg. Cyr. II 31; Apost. VII 5.

голубиная кротость — *πραότερος περιστερᾶς* (Diog. VII 64; Масар. VII 37 и Apost. XIV 97). Древние, именно, думали, что у голубей нетъ желчи. Сравненіе высокихъ, неуклюжихъ и безтолковыхъ людей со слонами встрѣчается какъ въ нашихъ, такъ и въ греческихъ поговоркахъ напр. Ἐλέφαντος διαφέρεεις οὐδέν (Diog. IV 43; Suid. I 2 p. 183: ἐπὶ τῶν μεγάλων καὶ ἀναισθητῶν. Apost. VII 4)—выраженіе, приписываемое *Епинику*, писателю новой комедіи (Bothe p. 687). У насъ говорится: *экій верзила парень: слонъ слономъ шатается* (Даль IV 229). Понятіе безчувственности и глупости у насъ выражается также названіемъ *толстокожій*, съ чѣмъ можно сравнить одно мѣсто у Плавта: Mil. glor. 235 Egus meus elephanti corio circumtentust. Интересно сравнить нашу поговорку—*глухъ, какъ тетерева* (глухая тетерева) съ греческою, въ которой, вмѣсто нашего тетерева, является дроздъ,—*χωφότερος κίχλης*¹⁾—выраженіе, приписываемое *Евбулу*, писателю средней комедіи (Bothe p. 441). Сравненіе—*юрдъ, какъ навминъ, равоне superbior* принадлежитъ классическому періоду, именно, встрѣчается у Овидія (met. XIII 802). Употребительное у насъ сравненіе болтливой женщины съ *стрекозою*, или съ *сорокою* встрѣчается во фрагментахъ *Алексида*, писателя средней комедіи: σοῦ δ' ἐγὼ λαλιστέραν οὐπόποτ' εἶδον οὔτε κερκώπην, γύναι, οὐ κίτταν (Th. Kock II p. 326 изъ Athen. IV p. 133. c) и у Петронія: *pica pulvinaris* (Petron. 37). Другія сравненія см. подъ № 44, 132.

213. *Воду толочь въ ступѣ*, говоримъ мы въ смыслѣ: въ пустякахъ или въ какомъ нибудь безплодномъ занятіи проводить время. Метафора эта заимствована изъ домашняго способа приготовленія крупы, или пшена посредствомъ толченія въ ступѣ: если, вмѣсто зерна, толочь воду, то, конечно, крупы не получишь, а время потеряешь. Думаютъ (С. Максимовъ Крылатая слова), что это выраженіе произошло у насъ отъ того, что въ старину въ монастыряхъ заставляли провинившихся монаховъ, въ видѣ епитиміи, толочь воду въ ступѣ.

¹⁾ Zenob. IV 66; Suid. II 389; Greg. Cypr. Leid. II 49, cod. Mosq. IV 6; Масар. V 45; Apost. X 33.

Но не говоря уже о невѣроятности этого предположенія, можно указать совершенно тождественное греческое выраженіе у писателя II вѣка по Р. Хр., именно, у Лукіана (Hermot. 79): τὸ ὁμοίον ποιεῖν ὥσπερ εἰ τις ἐς ἄλμον ὕδωρ ἐκχέας ὑπέρω σιδηρῶ πτίττοι, т. е. „вы поступаете подобно тому, какъ если бы кто небудь, наливъ воды въ ступу, вздумалъ толочь ее желѣзнымъ пестомъ“. У Апостолія—Арсенія (XVII 66 d) въ числѣ пословицъ находится: ὑπέρω ὕδωρ πλήττειν, и можно съ увѣренностью сказать, что наша поговорка есть просто переводъ греческой: что она не самобытна, лучше всего доказывается тѣмъ, что она извѣстна въ Сербіи (*воду у авану тучи*) и въ Пьемонтѣ: Челик. 571. Кромѣ того, у грековъ отъ классическаго времени сохранилась другая, въ томъ же смыслѣ употреблявшаяся поговорка: ἄλλως ἀναλίσκεις ὕδωρ (Diog. II 61; Suid. I 246; Масар. I 76 и Apost. II 50)—„напрасно тратишь воду“, т. е. попусту (въ пустыхъ рѣчахъ) убиваешь время: такъ какъ время для судебныхъ рѣчей опредѣлялось водяными часами (κλεψύδρα), то для грека ὕδωρ значило тоже, что χρόνος. Отсюда же произошла и другая поговорка; ὕδωρ παρρηεῖ (Zenob. VI 24), соответствующая нашей; *время не стоитъ* (Даль IV 341).

214. Наше образное выраженіе—*туго натянутая струна лопнула* мы употребляемъ, когда противъ насилія и притѣвленій поднимается протестъ, или долго сдерживаемыя чувства (напр. негодованіе) внезапно прорываются; такъ же точно выражались и греки: Ἀπορραγήσεται τεινόμενον τὸ κλωδίον ἐπὶ τῶν βίᾳ τι καὶ ἀνίγκη ποιούντων (Diog. II 89; Apost. III 47). Изъ авторовъ пословицу приводитъ только Лукіанъ (dial. meretr. 3 sub. fin): ὄρα μὴ κατὰ τὴν παροιμίαν ἀπορρήξωμεν πάντα τείνουσαι τὸ κλωδίον. Объясненіе греческой поговорки нѣмецкою—*Der Brug geht so lange zu Wasser, bis er zerbricht* (Th. Rein Sprichw. bei Lucian. S. 51), скорѣе соответствующею нашей: *повадилса кувшинъ по воду ходитъ—тамъ ему и голову слоमितъ*, нужно признать неудачнымъ.

215. *Некогда даже за ухомъ почесаться* (ср. *недосугъ носа утереть* Даль II 572), говорить нашъ простолюдинъ, желая выразить, что онъ такъ сильно занятъ, что не можетъ ни на минуту отор-

ваться для удовлетворенія настоятельной нужды; такая же точно поговорка была и у грековъ: οὐδ' ὄσον κνήσασθαι τὸ οὖς σκολήν ἄγω. Выраженіе это находится у одного Лукіана (Vis. assps. § 1), именно, какъ proverbium, что явствуетъ изъ прибавки φασί. Изъ пареміографовъ его приводятъ Макарій (VI 59) и Апостолій— Арсеній (XIII 68 а) съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν πράγμασι πολλοῖς συμπλεγμένον.

216. Поговорка—τῆς ῥινὸς ἔλχειν, буквально соответствующая нашей—*водитъ кого за носъ* (Даль II 572), въ смыслѣ обманывать и управлять кѣмъ по произволу, принадлежитъ къ любимымъ поговоркамъ Лукіана, напр., въ одномъ мѣстѣ его „Диалоговъ“ Юнона говоритъ Юпитеру: „Амуръ—твой повелитель и, по пословицѣ, *водитъ тебя за носъ*, а ты слѣдуешь за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ тебя“¹⁾. Изъ пареміографовъ поговорку эту приводитъ только Апостолій—Арсеній (XVI 44 d). Въ томъ же смыслѣ (водитъ за носъ, обманывать) въ аттической комедіи (Ферекратъ и Менандръ) встрѣчается глаголъ ῥινᾶν, также у позднѣйшихъ писателей, напр. у Эліана (nat. ap. IX 7). Что касается происхожденія поговорки, то по объясненію Еразма, метафора заимствована отъ способа управлять нѣкоторыми животными, которыхъ водятъ при помощи кольца, продѣтаго въ ноздри. Не знаемъ, есть ли эта поговорка въ новѣйшихъ языкахъ, кромѣ русскаго, и можно ли нѣмецкія выраженія—*an der Nase führen*, или *bei der Nase herumführen* считать proverbialными. Th. W. Rein (S. 34) приводитъ изъ Диккенса англійское выраженіе: *to lead one by the nose*.

217. *Въ ушахъ звенитъ—кто нибудь поминаетъ (лихомъ); въ правомъ ухѣ звенитъ—добрый поминъ, въ лѣвомъ—худой* (Даль IV 540)—суетвѣріе это, общее у новѣйшихъ народовъ, существовало у древнихъ грековъ, какъ видно изъ одного мѣста у Лукіана: Ἦ ποῦ—ἐβόμβει τὰ ὦτα ὑμῶν; ἀεὶ γὰρ ἐμὲ μνησθῆ ἢ κελτημένῃ μετὰ δακρυῶν (Luc. dial. metetr. IX 2), т. е. „не звучало ли у васъ въ ушахъ? Вѣдь, госпожа моя вспоминала (о васъ) со слезами“. На латинскомъ

¹⁾ Luc. deor. dial. 6, 3; cf. Hermot. 68 и 73; Piscat. 12; Philops. 23; adv. indoct. 20.

явнѣ о званіи въ ухахъ говорится въ слѣдующихъ стихахъ, цитируемыхъ Рейномъ (S. 40) изъ Anthol. lat. (452 ed. Riese): garrula, quid totis resonavit mihi noctibus aures? Nescis quem dicis nunc meminisse mei.

218. Поговорка—*одною ногою стоять въ могилѣ* (Даль II 568) заимствована съ греческаго; у Лукіана (Hermotim. s. de sectis 78) мы читаемъ: γέρων ἤδη καὶ — τὸν ἕτερον πόδα, φασίν, ἐν τῇ σορῷ ἔχων (σορός урна съ останками умершаго, гробъ, могила). Отсюда у Плутарха (de educ. риег. 17) σοροδαίμωνъ называется глубокой старикъ, стоящій одной ногой въ могилѣ. Другое подобное выражение встрѣчается также у Лукіана: стоять уже одною ногою въ лодкѣ Харона“ (τὸν ἕτερον πόδα ἐν τῷ πορθυσίῳ ἔχειν Luc. Apolog. 1).

LXV. Диогенъ Лаертскій.

219. *Старая крыса ловушку обходитъ, старую воробья на мякинь не обманешь* (Даль 530); въ греческихъ пословицахъ фигурируетъ или старая обезьяна, или старая лиса (и та, и другая подходитъ подъ разнѣръ стиха): Γέρων πίθηκος οὐχ ἀλίσκεται πάγῃ¹⁾ и Γέρων ἀλώπηξ οὐχ ἀλίσκεται (πάγῃ)²⁾. Особный номеръ представляетъ пословица: Ἄλλ' οὐκ αὖτις ἀλώπηξ (т. е. πάγαις ἀλώσεται): „въ другой разъ лиса не попадется въ ловушку, (если разъ побывала въ ней). Zenob. I 67 и др. Cf. Hor. sat. II 7, 70—71.

LXVI. Зеновій.

220 Поговорка—*не ионяется слонъ за мышью* (Даль IV 229), такъ какъ презираетъ ее, представляетъ буквальный переводъ греческой: Ἐλέφας μὲν οὐχ ἀλίσκει· ἐπὶ τῶν τὰ μικρὰ καὶ φαῦλα ὑπερ-ορώντων³⁾.

¹⁾ Diog. Laert. V 98 и Apost. V 37 a.

²⁾ Zenob. II 90; Diog. IV 7; Suid. I 1094; Greg. Сург. II 10 (cod Mosq. II 68); Apost. V 31.

³⁾ Zenob. III 67; Diog. IV 45; Масар. III 75: Ἐλέφας μὲν οὐ διώκει, cf. Greg. Сург. II 48 и Apost. VII 8. Срвн. № 296.

221. Замѣчательно, что въ греческой, какъ и въ русскихъ поговоркахъ луку (и чесноку) приписывается цѣлбная сила: лукъ—это чуть не панацея отъ всѣхъ болѣзней: *лукъ отъ семи недуговъ; лукъ семь недуговъ лечитъ; лукъ да баня все правятъ* (Даль 906; II 277). Греческая поговорка гласитъ: Ζωὸς γενήσῃ χρομμίου μόνον (μοίραν) λαβών (Zenob. IV 15; Diog. IV 99; Suid. I 2 p. 737; Greg. Cyr. II 57)—„будешь живъ (оживешь), только прими (поѣшь?) немного луку“. Пареміографы даютъ довольно странное толкованіе этой поговоркѣ: πρὸς τοὺς ἀπὸ μικρᾶς αἰτίας μεγάλην δόξαν καρπουμένουσ— „прѣхъ, которые изъ маленькаго дѣла (по незначительной причинѣ) починаютъ большую славу“ (?). Но въ этомъ толкованіи позволительно видѣть просто неудачную попытку объяснить непонятное выраженіе; между тѣмъ, греческая поговорка, подобно русскимъ, какъ кажется, основывается на первобытномъ вѣрованіи, общимъ многимъ народамъ. Дѣло въ томъ, что всякій недугъ, по основному вѣрованію первобытнаго человѣка, есть слѣдствіе вліянія влаго духа, а послѣдній, по повѣрьямъ, общимъ всѣмъ славянамъ и нѣмцамъ, а также, вѣроятно, и древнимъ грекамъ, не терпитъ луку и чесноку и улетаетъ, слышавъ ихъ запахъ. Поэтому, у всѣхъ славянъ лукъ и особенно чеснокъ считается предохранительнымъ средствомъ отъ нечистой силы и отъ всѣхъ болѣзней¹⁾. Можно думать, что и греческая поговорка произошла изъ того же представленія, какое существуетъ у славянъ.

222. У древнихъ была пословица, не встрѣчающаяся, впрочемъ, раньше пареміорафовъ II вѣка: Νόμος καὶ χώρα²⁾— „что страна, то и законъ“, т. е. въ каждой странѣ свои законы. Апостолий (XV Ш 46), кромѣ того, приводитъ еще варіантъ: Πόλις καὶ τόπος— „что городъ, то и типъ (образецъ, характеръ, *норосъ*)“. Таковы прототипы пословицы, которая въ сборникѣ Плянуда находится въ формѣ, буквально соответствующей нашей пословицѣ: Πόλις καὶ νόμος, κώμη καὶ

¹⁾ См. А. Адамасева Поэт. возр. слав. на прир. II 571; А. Потемля О мненч. знач. образовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 305.

²⁾ Zenob. V 25; Diog. VI 77; Suid. II 1006; Масар. VI 11 и Apost. Ars. XII 14 а.

ἔδος (Planud. 199),—что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай (Даль 689). Г. Куртцъ приводитъ еще новогреческую параллель: Κάθε τόπος καὶ ζαχόν, κάθε μαχαλάς (кварталь) καὶ τάξι. Въ другихъ языкахъ этой пословицы, кажется, нѣтъ.

223. Мы говоримъ: брось дѣло съ камнемъ въ воду (Даль II 80), т. е. покончи съ этимъ дѣломъ и забудь о немъ; тоже выражается греческою поговоркой: Βάλλ' εἰς ὕδωρ (Zenob. II 72; Diog. III 51; Suid. I 943).—Въ другомъ смыслѣ говорить Гораций (sat. II 3, 242): *ac si—in rapidum fluvium jaceret* и Петроній (sat. 42): *ac si in puteum conjicias*, какъ у насъ говорится: все равно, что въ воду бросилъ, т. е. бесполезно истратилъ.

224. Пословица—Δαγὼς καθεύδων „спящій заяцъ“, по объясненію древнихъ¹⁾, означаетъ людей, притворяющихся спящими: *παρομῖα ἐπὶ τῶν προσποιουμένων καθεύδων*. Но это объясненіе нужно признать неточнымъ или несовсѣмъ правильнымъ. Известно, что заяцъ спитъ съ открытыми глазами (Plin. h. n. XI 54 *oculis patentibus dormiunt leporos*); слѣдов., о притворствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ притворяющійся спящимъ долженъ закрыть глаза. Гораздо естественнѣе предположить, что рѣчь идетъ о чуткости заячьяго сна, обусловливаемой признанною всѣми трусостью этого животного, и это подтверждается нашими поговорками, напр. *спать заячьимъ сномъ; у вора заячье сердце: и спитъ и видитъ* (Даль I 693).

225. Въ сборникѣ Зеновія и еще въ лексиконѣ Свида приводится поговорка: Ἐρεβίνθινος Διόνυσος (гороховый Діонисъ) · *παρομῖα ἐπὶ τῶν μηδενὸς ἀξίων* (Zenob. III 83; Suid. I 2 p. 509); при чемъ здѣсь имя Діониса, бога вина и покровителя виноградныхъ лозъ, не объясняется. Фотій даетъ объясненіе: ἀντὶ τοῦ ζωμός (Schneidew. ad Zenob. III 83), и между пословицами Макарія встрѣчается Ἐρεβίνθινος ζωμός— „гороховый супъ“ (Mac. IV 15), но этимъ нисколько не объясняется употребленіе имени Діониса, такъ какъ между Διόνυσος и ζωμός не можетъ быть никакого отношенія, и очевидно, что

¹⁾ Zenob. IV 84; Diogen. VI 1; Suid. II 485; Greg. Cyrp. Mosq. IV 81; Masar. V 46; Apost. X 40.

„гороховый Діонисъ“ и „гороховый супъ“ — двѣ разныхъ поговорки, хотя онѣ и могли означать одно и тоже, т. е. дешевую, ничего не стоящую вещь, какою считался горохъ. (Но позднѣйшіе толкователи иногда ошибаются въ объясненіи старинныхъ поговорокъ). Гораздо естественнѣе было бы подѣ Διόνυσος разумѣть οἶνος, если бы было извѣстно что нибудь о приготовленіи изъ гороха вина или какого либо напитка ¹⁾, но этого нѣтъ; стало быть, Διόνυσος здѣсь означаетъ нѣчто другое. Изъ одного отрывка Пиндара (Poet. lug. Graeci Th. Bergk Lips. 1866, I p. 340, fr. 130), приводимаго Плутархомъ (de Is. et Osir. 35; Qu. conv. IX 14, 4; Amator. 15), мы знаемъ, что Діонисъ былъ покровитель не только виноградныхъ лозъ, но и вообще деревьевъ и всякаго рода плодовъ (δένδρα), а изъ одного мѣста въ сочиненіи неоплатоника II вѣка по Р. Хр., Максима Тирскаго, извѣстно, что статуи этого Божества, какъ и статуи Пріапа, ставились поселянами въ садахъ, виноградникахъ и на огородахъ просто въ видѣ необдѣланнаго чурбана, или шеста, воткнутаго въ землю ²⁾. Эти шесты были, конечно, предметомъ религіознаго почитанія, (что, однако, не исключало возможности ироническаго, а подѣ часъ и презрительнаго отношенія къ нимъ въ обыденной жизни); но не имѣли ли они и практическаго назначенія — охранять садовые и огородные пло-

¹⁾ Дѣйствительно, такъ пытался объяснить поговорку Еразмъ (adag. II 6, 47), ссылаясь на Плинія; но послѣдній, перечисляя сорта поддѣльныхъ винъ или напитковъ, приготовлявшихся изъ всевозможныхъ овощей, и посвятивъ нѣсколько главъ описанію этихъ напитковъ, которые, однако, употреблялись почти исключительно какъ лекарства (*omnia ad medicinae usum pertinentia* Plin. h. n. XIV 18), о гороховомъ винѣ нигдѣ не упоминаетъ; притомъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія собственно о горохѣ говоритъ довольно обстоятельно. Цитируемое Еразмомъ остроумное стихотвореніе Импер. Юліана, въ которомъ вину, пахнущему нектаромъ, противопоставляется овсяный напитокъ Кельтовъ, смердящій козломъ, доказываетъ только то, что изъ овса приготовлялся какой-то напитокъ, но это не относится къ рассматриваемой поговоркѣ. Впрочемъ, Еразмъ готовъ допустить и другое объясненіе, по которому поговорка имѣетъ будто бы отношеніе къ φαλλήφωρία, и приводитъ мѣстнаго Сервія относительно упоминаемыхъ Вергиліемъ *oscilla*, которыя были ничто иное, какъ *phalli*, сдѣланные изъ цвѣтовъ (и изъ гороха?). Но натянутость такого толкованія очевидна.

²⁾ См. цитату изъ Максима Тирскаго у L. Preller — a Griech. Mythologie. Berl. 1872, S. 591: καὶ ὑσώροι Διόνυσον τιμῶσι πῆχυντες ἐν ὄρχητφ αὐτοφους πρέμνον, ἀγροικῶν ἄγαλμα.

ды, въ родѣ гороха, отъ хищныхъ птицъ? ¹⁾ Для этого, вѣдь, требовалось только въ такому шесту привязать пучокъ соломы, или какуюнибудь трапку, и тогда ἐρεβίνθινος Διόνυσος не будетъ ли нѣчто въ родѣ *горохового чучела*? На такое предположеніе даетъ нѣкоторое право и другое наше выраженіе—*шутъ гороховый*: слово *шутъ* первоначально означало какое то божество, домового или лѣснаго, какъ показываютъ нѣкоторыя поговорки ²⁾. Нѣтъ ли въ этомъ выраженіи указанія на то, что и у славянъ былъ обычай ставить на огородахъ статуи или фигуры боговъ—покровителей и защитниковъ огородныхъ овощей? По крайней мѣрѣ, о Бѣлоруссахъ извѣстно, что у нихъ было божество—*Чуръ*, пѣчто въ родѣ пената, охранявшаго границы земельныхъ владѣній; отсюда *чур-банъ*, деревянный столбъ, разграничавшій владѣнія родовыхъ пенатовъ (А. Аванасьева Поэт. возр. слав. на прир. II 90—91). Нѣкоторыя поговорки, какъ остатки языческой эпохи, повиднмому, указываютъ на обычай наряжать пни и молиться имъ: *наряди пня—и пень будетъ хороши; въ мѣсу живуть, пенью Богу молятся* (Даль III 26). Можно, поэтому, думать, что и *гороховое чучело* (изъ *кукело*? Срвн. корень *куд*, *чуд* и *курма* *чурилка*), имѣло первоначально религіозное значеніе, какъ ἐρεβίνθινος Διόνυσος.

226. Мы говоримъ: *разводитъ бобы* въ смыслѣ морочить кого пустыми разсказаніями; выраженіе это произошло отъ обычнаго способа ворожить и гадать по положенію раскидываемыхъ (разводимыхъ) бобовъ, при чемъ болтается всякій вздоръ (Срвн. С. Максимовъ Крылатія слова, стр. 132). Соответствующее греческое выраженіе—*Ἄλα καὶ χᾶμων* (Zenob. I 25; Diog. I 50; Greg. Cyrp. I 11; Apost. II 41) произошло также отъ обычая раскладывать при гаданіи кусочки

¹⁾ Что статуи Пріапа ставились въ садахъ съ цѣлю пугать воровъ и птицъ, на это мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ: Verg. Georg. IV 110; Hor. sat. I 8, 3; Tibull. I 1, 18; Lactant. div. inst. (de orig. err.) II 4.

²⁾ См. Даль IV 670. О *шуталѣ* и *шутоскалѣ* по уральскимъ повѣрьямъ см. А. Потебня О мнѣч. значеніи обрядовъ и повѣрій. М. 1865, стр. 299.

боли и бобы и употребляется почти въ такомъ же смыслѣ, какъ и наше выраженіе ¹⁾).

227. Нашему выраженію—*кровавыми слезами восплакаться* (Даль IV 224) вполне соответствуетъ греческое αἵματι (αἵμασι κλαίειν) (Zenob. I 34; Diog. I 32j Greg. Cyr. I 35; Mac. I 49; Apost. I 63). Не произошло ли это выраженіе изъ гомерическаго языка? Когда Сарпедонъ, сынъ Зевса, долженъ былъ пасть отъ руки Патрокла, „отецъ людей и боговъ, кровавыя капли пролилъ на землю“ (Hom. II. XVI 459 Αἵματοέσσης δὲ ψάδας κατέχευεν ἔραζε Cf. *sanguine pluere*).

228. Выраженіе—*бездонная бочка*, употребляемое нами о ненастныхъ и жадныхъ людяхъ, соответствуетъ греческому Ἀπληστος πῖθος, которое также принималось въ прожорамъ (ἐπὶ τῶν πολλὰ ἐσθιόντων καὶ γαστριμαργούντων ²⁾) съ тою лишь разницею, что мы не соединяемъ съ этимъ выраженіемъ никакого мифологическаго представленія, между тѣмъ какъ греки производили свою поговорку отъ известной бочки Данаидъ. Классическимъ выраженіемъ въ этомъ смыслѣ было ὁ τετραήμερος πῖθος (дырявая бочка), у латинскихъ писателей *dolium* или *vas pertusum* (Plaut. Pseud. 369; Lucret. III 936).

LXVII. Діогеніанъ.

229. Наша поговорка—*не учи рыбу плавать* (Даль IV 117) соответствуетъ греческой: Ἰχθὺν νήχεσαι διδάσκεις (Diogen. V 33; Suid. I 2 p. 1098; Greg. Cyr. Leid. II 31; Apost. IX 19). Замѣчательно, что малорусская параллель—*не учи орла летати, а рыбу пливати* (Ном. 5356) представляетъ буквальный переводъ двухъ греческихъ поговорокъ, какъ онѣ приводятся въ сборникѣ Макарія (IV 83): Ἰχθὺν νήχεσαι διδάσκεις, ὡς τὸ Ἄετὸν ἵπτασαι διδάσκεις.

¹⁾ Cf. Eras. adag. I 1, 12 и III 5, 20.

²⁾ Zenob. II 6; Diog. I 95 и VII 27; Suid. I 585; Greg. Cyr. I 50; Macar. II 20; Apost. III 55.

230. Наша пословица—*кривое веретено не выправимъ* (Даль 799), выражающая общую мысль: что дурно отъ природы, того не сдѣлаешь хорошимъ (срвн. *горбатаго могила исправитъ*), соответствуетъ греческой: ξύλον ἀγκύλον οὐδέποτε ὀρθόν, или въ простонародной формѣ (δημώδης): τὸ скаμβὸν ξύλον οὐδέποτε ὀρθόν, т. е. „кривое дерево никогда не выправится“, διὰ δυσχερὲς ἐκ φαύλων ἀγαθοῦς ἀπεργάζεσθαι.¹⁾ Малорусская параллель—*криве дерево не дужо виправитись* (Ном. 3216) еще ближе подходитъ къ греческой пословицѣ. Последняя, можетъ быть, въ силу своего народного характера, не встрѣчается у авторовъ; только у Плутарха по вопросу о воспитаніи дѣтей примѣняются сентенціи, нѣсколько напоминающія разсматриваемую пословицу (Plut. de puer. educ. 4). Такимъ образомъ, литературные источники греческой пословицы не восходятъ дальше II вѣка по Р. Хр., немного древнѣе латинскіе авторы (Сенека и Плиній Младшій), у которыхъ встрѣчается, какъ proverbium, выражение *curva corrigere* (Sen. lnd. de morte Claud. 8 § 3; Plin. ep. V 21 § 6). Наконецъ, для исторіи пословицы интересно сравнить византийскія и новогреческую поговорку у Ed. Kurtz—а Die Sprichwörterammlung des M. Planudes № 146 и Zu den παροιμίαι δημώδεις (Philologus Bd. 49 Götting. 1891) № 148.

231. *И глупый ино молвитъ слово съ ладъ, или: временемъ и дуракъ правду скажетъ* (Даль II 43; III 391)—буквальный переводъ гексаметра, принадлежащаго неизвѣстному поэту: Πολλάκι τοι καὶ μωρὸς ἀνὴρ καταχαίριον εἶπεν. Кромѣ пареміографовъ (Diog. VII 81; cod. Vind. III 68; Greg. Cyr. III 37; Apost. XIV 69), стихъ этотъ приводитъ А. Геллій (N. A. II 6, 9): Πολλάκι καὶ κηπουρὸς ἀνὴρ (садовникъ) μάλα χαίριον εἶπεν²⁾ и Макробій (saturn. VI 7, 12): πολλάκι γὰρ καὶ μωρὸς ὄνῃρ μάλα χαίριον εἶπεν, оба съ примѣчаніемъ: *hic antiquissimus versus vice proverbii celebratus est.*

¹⁾ Diogen. VI 92; Plut. provv. I 18; Suid. II p. 1044 и II 2 p. 1176; Greg. Cyr. III 16; cod. Mosq. IV 50; Масар. VI 17 и VII 69; Apost. XII 25 и XVI 85.

²⁾ Что κηπουρὸς испорченное чтеніе, вмѣсто καὶ μωρὸς, см. Erasmi. adag. I 6, 1.

232. Двѣ одинаковыхъ нашихъ поговорки: *колъ, какъ* (осиновый) *колъ и колъ, какъ пестъ* (Даль I 381) представляютъ буквальный переводъ слѣдующихъ двухъ греческихъ поговорокъ: 1) Γορνότρος πατάλου ἐπὶ τῶν σφόδρα ἀπόρων, т. е. „о крайне бѣдныхъ людяхъ 1)“, и 2) Ὑπέρου γορνότρος (Greg. Cyp. Leid. III 20 и Apost. XVII 65); послѣднюю поговорку мы нашли еще у византийскаго историка, *Никиты Хониата* въ русск. перев. Спб. 1862, т. II стр. 254.

233. Откуда произошла употребляемая нами для обозначенія глубокой, миенческой древности поговорка: *за царя Гороха?* Говорится, напр: *давно, когда царь Горохъ съ урибами воевалъ* (Даль I 392). У славянъ есть подобныя же поговорки; напр. чешск. *Za krále Holce, kdž byla za gros ovse*; малорусск.: *при царь Митрохъ, коли людей було трохи* (Челяк. 630); *за царя Тонка* (за короля Сибка), *як була земля тонка* (Ном. 6856—7); польск.: *Za króla Sasa* (Саксонца) *było chleba po pasa* (по поясъ). Эти поговорки понятны: въ нихъ взятъ произвольныя имена (*Сибко* можетъ быть Собѣскій) просто ради рими; при составленіи же нашей поговорки и этого соображенія не было; откуда же взялось имя *Горохъ?* А. Аванасьевъ (Поэт. возвр. слав. на прир. II 757) поговорку о царѣ Горохѣ приводитъ въ связь съ миенческимъ богатыремъ *Поками-горошкомъ*, родившимся изъ горошины, проглоченной царицей, и развиваетъ любимую свою теорію о символическомъ значеніи сказокъ, утверждая, что *Горохъ* означаетъ Перуна, или громъ и молнію... Но если поговорка представляетъ воспоминаніе такой отдаленной миенческой эпохи, то почему „царь *Горохъ*“ неизвѣстенъ другимъ народамъ и особенно славянамъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, его замѣняютъ другія имена, указывающія на новѣйшую формацію пословицъ? Очевидно, „царь *Горохъ*“ не имѣетъ общеславянскаго значенія и принадлежитъ исключительно намъ, и у насъ имя это не связывается съ какою либо исторической, а тѣмъ менѣе съ доисторической эпохой, такъ что происхождение поговорки остается все таки загадочнымъ. Не есть ли это

1) Diog. III 98; Suid. I 1157; Greg. Cyp. II 6; Macar. III 8 и Apost. V 73; Eragm. adag. II 10, 100: nam paxillis corticem quoque detrahimus.

Просто передѣлка греческой очень распространенной поговорки, употреблявшейся также для обозначенія глубокой старины, именно, — *πρασφίταρος* (или *ἀρχαιότερος*) *Κόδρος* (Diog. VII 45; Suid. Π 2 p. 405; Масар. Π 49 и VΠ 41; Apost. XIV 73). Не передѣлалъ ли какой нибудь грамотѣй имени *Κόδρος* на *Горохъ*, передавая греческое выраженіе порусски и руководясь при этомъ лишь нѣкоторымъ созвучіемъ (Ко[δ]ро-Горо-). Высказываемъ это лишь въ видѣ предположенія, котораго, разумѣется, нельзя доказать. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить разницу въ тонѣ: грекъ относился къ имени своего послѣдняго царя съ полнымъ уваженіемъ, чуть не благоговѣніемъ, и употреблялъ свою пословицу вполне искренно; мы же произносимъ имя нашего мнѣшескаго царя иронически, съ полнымъ недоувѣріемъ ко всему, что происходило въ его правленіе.

LXVIII. Импер. Антонинъ Пій.

234. Въ числѣ нашихъ и славянскихъ поговорокъ, относящихся къ юридической сферѣ, одна — *кто पहले, тотъ и правъ* (Даль III 27)¹⁾, повидимому, заимствована изъ римскаго права: оригиналъ ея находится въ рескриптѣ импер. Антонина на имя А. Вара, вошедшемъ въ кодексъ Юстиніана: *sicut prior es tempore, ita potior es jure* (Cod. Iust. lib. VIII, tit. 18 § 3).

LXIX. Аѳеняй.

235. Стихъ, приводимый *Аѳенземъ*, писателемъ III вѣка по Р. Хр., безъ указанія на источникъ — *οἶνος ἄνωγε γέροντα καὶ οἶκ ἐδέλοντα χορεύειν* (Athen. X 428 A), у насъ существуетъ въ видѣ пословицы: *вино старикѹ* (старухѹ) *ноги подымаетъ* (Даль IV 325), т. е. заставляеть плясать. Греческое изрѣченіе принадлежитъ къ очень рѣдкимъ: кромѣ Аѳеняя, его приводятъ еще Макарій (VI 25). Другихъ

¹⁾ Ср. чешск. *Přednější časem, bližší pravem*; польск. *Kto pierwszy, ten lepszy* у Челяк 342.

источниковъ, изъ которыхъ могла быть заимствована наша пословица, пѣть; только Плутархъ (de garrul. 4) цитируетъ стихи неизвѣстнаго поэта, содержащiе общую мысль, что вино даже благоразумнаго человѣка заставляеть пѣть, свѣяться и плясать.

LXX. Лампридiй.

236. Основное правило христіанской морали—*чего себѣ не хочешь, того и другому не твори*, вошедшее въ число русскихъ поговорокъ (Даль 188: I 510), образовалось на основанiи евангельскихъ словъ;¹⁾ но по формѣ своей наша поговорка соотвѣтствуетъ латинской сентенціи: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*, которую импер. Александръ Северъ, по словамъ своего историка, Лампридiя, услышалъ „отъ Іудеевъ, или отъ Христіанъ“ (тѣхъ и другихъ язычники, какъ извѣстно, смѣшивали) и часто любилъ повторять, даже велѣлъ начертать ее во дворцѣ и на общественныхъ зданiяхъ, (Lamprid. Alex. Sev. 51); она встрѣчается еще у блаж. Іеронима ер. 121, 8 р. 872); V. Szelinski (р. 30) приводитъ ее изъ Corp. Inscr. V 2, п. 8738.

LXXI. Астрампсихъ.

237. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ лексикона Свида (передъ статьей *Λαγὼς καθεζδων*) находится стихъ, пропущенный въ изданiи Bernhardt (1853), но приведенный имъ въ примѣчанiи. Стихъ этотъ — *Φανεῖς ὁ λαγὼς δυστοχεῖς ποιεῖ τριβουε* — „появленіе зайца предвѣщаетъ несчастье въ дорогѣ“ — интересенъ для насъ тѣмъ, что свидѣтельствуеть о сходствѣ нѣкоторыхъ древнегреческихъ суевѣрій съ русскими; у насъ тоже говорится: *заяцъ дорогу перебѣжитъ, изъ несчастья* (Даль I 693). Авторомъ приведеннаго стиха считается нѣкто *Астрампсихъ* (вѣроятно, псевдонимъ), который носить имя одного изъ древне-персидскихъ маговъ, но жилъ, какъ думаютъ, не раньше

¹⁾ Ев. Матт. 7, 12; Лук. 6, 31; болѣе древніе слѣды его показаны у Otto № 69.

IV вѣка по Р. Хр.; ему приписывается небольшой сборникъ ямбовъ подъ заглавіемъ *Ἐπιγραμμάτων* (снотолкователь). Еразмъ (adag. II 10, 45) переводитъ греческій стихъ: *Inauspicatum iter obvius facit Ierus* и замѣчаетъ, что суевѣріе это принадлежитъ къ общераспространеннымъ. Галицкую поговорку—*Боятся чтобы му заяыз дороги не перебыз* приводитъ Челяк. 496.

LXXII. Блаж. Іеронимъ.

238. Пословица—*даровому коню въ зубы не смотрятъ* (Даль 692) перешла къ намъ изъ сочиненій Блаж. Іеронима въ буквальный переводъ съ латинскаго: *equi dentes inspicere donati* (vulgare proverbium: Hieronym. comment. in Ephes. praef. t. VII p. 538 Vall.), какъ замѣтилъ уже *Ив. Снегиревъ* (I 98). Славянскія параллели (чешская, польская, галицкая, малорусская, кроатская, хорватская, сербская и болгарская) приведены у Челяковского (стр. 47; ср. Ном. 4615). Крумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 23), рассматривая различные способы выраженія нѣмецкой пословицы—*Einem geschenkten Gaul sieht man nicht ins Maul*, упоминаетъ о многочисленныхъ вариантахъ ея, существующихъ у разныхъ народовъ, въ числѣ не менѣе 65.

239. Поговорка—одна паршивая овца *все стадо испортитъ* (Даль 169) принадлежитъ къ довольно распространеннымъ и существуетъ на чешскомъ, польскомъ, сербскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (см. у Челяк. 40; малорусскіе варианты у Ном. 5987). Но литературныхъ источниковъ ея немного. Что отъ одной зараженной штуки скота заражается все стадо, это, конечно, фактъ общезвѣстный, и упоминаніе о немъ можно найти и у классическихъ писателей; но собственно какъ пословица, живущая въ устахъ народа, изрѣченіе это приводится, кажется, только у церковныхъ писателей: juxta vulgare proverbium: *Unius pecudis scabies totum commaculat gregem* (Hieronym. Comment. in Galat. 3 p. 489 Vall; cf. еще цитату изъ Амбросія у Otto № 1597).

240. Въ сочиненіяхъ блаж. Иеронима нѣсколько разъ встрѣчается очень популярная пословица (*tritum populi sermone proverbium*): *dignum patella operculum* („крышка достойна горшка“, т. е. приходится по горшке), или *invenit patella operculum* (Hieron. epist. 7, 5 p. 20 Vall; ep. 127, 9 p. 957), что буквально соответствуетъ русской пословицѣ: *на всякій горшокъ найдется покрывка* (Даль I 393). Чешская и нѣмецкая пословицы у Челяк. 38. Греческая форма— *εἶρεν ἡ λοπάς τὸ πῶμα* приводится у Otto № 1355, какъ заглавіе одной изъ сатиръ Варрона.

240а. Цитируемая Еразмомъ (adag. I 2, 5) изъ сочиненій блаж. Иеронима ¹⁾ провознародная пословица— *vulgare proverbium: malo arboris nodo malus cuneus requirendus est* существуетъ у чеховъ: *Na tvrdy suk (spalec) tvrdeho treba klinu*; у насъ немного иначе говорится: *на крпкий сукъ надобенъ острый топоръ* ²⁾.

LXXIII. Блаж. Августинъ.

241. Интересно узнать источникъ нашей поговорки: *строить воздушные замки*, которую мы примѣняемъ къ человѣку, преданному пустымъ мечтамъ и несбыточнымъ надеждамъ. Французы говорятъ въ томъ же смыслѣ: *bâtir des châteaux en Espagne*. Обращаясь къ древнимъ авторамъ и пареміографамъ, мы находимъ разныя метафорическія и образныя выраженія означаящія бесплодный трудъ, непрактичныя и сумасбродныя предпріятія, напр., „ловить рыбу въ воздухѣ“ (*piscari in aëre* Plaut. Asinar. 99), „бить по воздуху“ (*ἀέρα δέρειν* или *δαίρειν* Посл. къ Коринѣ. I 9, 26; Suid. I p. 116, — метафора, заимствованная изъ кулачнаго боя), „вхаты на веслахъ по воздуху“ (*αἰθέρα ἐρέσσειν* Zenob. I 39), „пахаты въ воздухѣ“ (*ἀνέμους γεωργεῖν* Zenob. I 99). „ловить сѣтями воздухъ“ (*δίχτωφ ἀνεμον θηρᾶν* Zenob.

¹⁾ Hieron. ep. 69, 5 p. 416 Vall. А. И. Соини приводитъ еще другое мѣсто: Hier. in Matth. 21, 24: Hoc est, quod vulgo dicitur, *malo arboris nodo malus clavus aut cuneus infligendus est*.

²⁾ Даль IV 368; I. E. Hulakovsky Česka příslovi. № 1109 sqq.

III 17), „ходить по воздуху и носиться въ облаках“ (*κροβατέω καὶ πτερωτός ἀρδής* Procop. de bello Pers. I 25) и т. н., но ни одно изъ этихъ выраженій не можетъ быть признано прототиномъ нашей поговорки. Наконецъ у блаж. Августина встрѣчается очень близко подходящее къ нашему выраженію: *subtracto fundamento in aëre-aedificare*¹⁾. Прибавка *subtracto fundamento* какъ нельзя лучше объясняетъ смыслъ нашего выраженія: строить воздушные замки, или зданіе безъ фундамента, держашееся какъ бы на воздухѣ, т. е. строить планы и питать надежды, для которыхъ основаніе существуетъ не въ дѣйствительности, а лишь въ нашемъ воображеніи.

242. *Куда голова, туда и животы* (Даль I 877): животы собств. пищеварительные органы, здѣсь вообще члены тѣла, все тѣло. Поговорка выражаетъ слѣдующую мысль: какъ члены человѣческаго тѣла находятся въ тѣсной зависимости отъ головы и не имѣютъ самостоятельнаго существованія, такъ связаны хозяинъ и семья, владѣлецъ и подчиненные. Таже мысль выражается въ лат. пословицѣ: *ubi caput, (ibi) et cetera membra*, которую приводитъ блаж. Августинъ, называя ее *proverbium antiquum et verum*.²⁾

LXXIV. Макробій.

243. Первые слѣды нашей пословицы — *воронъ ворону глаза не выклюнетъ* (Даль I 299), которую, впрочемъ, скорѣе можно назвать международною, такъ какъ она существуетъ едва-ли не во всѣхъ языкахъ (см. Челяк. 39 и М. Михельсонъ стр. 54), находятся въ сочиненіи грамматика V вѣка, Макробія, у котораго встрѣчается выраженіе: *tamquam cornix cornici oculos effodiat* (Macrobius VII 5 § 2). Отто подъ № 436 приводитъ изъ Григорія Турскаго (писателя VI вѣка) цитату, въ которой выраженіе это трактуется уже какъ „известная пословица“: *impletur in te „proverbium illud“, quod corvus oculum corvi non eruit*.

¹⁾ S. August. serm. 8 cap. 1 (Migne t. 38 p. 67).

²⁾ S. August. enarr. in psalmum 29, 14 (Migne t. 36 p. 223).

LXXV. Климакъ.

244. Нѣкоторыя proverbialныя выраженія, приведенныя Крумбахеромъ (Mittelgriech. Sprichw. S. 229 ff.) изъ византийскаго писателя VI вѣка, *Иоанна Климака*, у насъ употребляются въ видѣ пословицъ, напр., *здоровому врачъ не надобенъ* (Даль 701): Οἱ ὑγιαίνοντες ἐν ἰατρείῳ οὐ παραγίγνεται. Первоначальный источникъ изрѣченія—Еванг. Лук. 5, 31: οὐ χρεῖον ἔχουσιν οἱ ὑγιαίνοντες, ἀλλ' οἱ κακῶς ἔχοντες. Ср. Tac. dial. de orat. 41 *supervacuum—inter sanos medicus* и Ov. ep. ex Ponto III 4, 7.—245. *Огонь да вода супостаты* (Даль 1029): Ἀλλότριον τὸ πῦρ τὸ ὕδατος. Слово ἀλλότριος въ значеніи: враждебный, непріятельскій (*супостатъ*) употребляется даже у хорошихъ аттическихъ писателей.—246 *Поглядимъ, откуда вѣтеръ подуетъ* (Даль 725): Τὸ πότεν ὁ ἀνεμὸς πνεῖ πρὸ πάντων ζητήσωμεν.—247. Ὡς κόρην ὀφθαλμοῦ—*какъ зпнищу ока* (беречь, хранить)—выраженіе взято изъ Второзак. 32, 10, или изъ Псалм. 16, 8¹).

LXXVI. Глика.

О стихотвореніи византийскаго хрониста XII вѣка, *Михаила Глики*, которое цитируетъ Крумбахеръ (Mittelgriech. Sprichw. S. 55 ff.), мы замѣтили (Визант. посл. стр. 11), что по тону своему и обилію proverbialныхъ выраженій оно сильно напоминаетъ *моленіе* нашего *Даніила Заточника*. Впослѣдствіи мы ознакомились съ содержаніемъ брошюры *В. Шурата* „Слово Даніила Заточника“ (Львовъ, 1896), въ которой проводится мысль о прямомъ заимствованіи, сдѣланномъ авторомъ, или позднѣйшими кописистами „Слова“ изъ греческихъ источниковъ: Глики и Птохопродрома. Мы остановимся

¹) Выраженіе, приведенное изъ I. Климака у Крумбахера подъ № 79—Ἐπιναστρέφεται εἰς τὸν ἴδιον ἔμετον у насъ не сдѣлалось пословицей, и мы ограничимся указаніемъ источника: оно взято изъ II посланія Ап. Петра (гл. 2, § 22): σὺδὲ βέλτε καὶ αὐτοῖς τὸ τῆς ἀληθοῦς παροικίας ζωὴν ἐπιστρέφας ἐπὶ τὸ ἴδιον ἐξέρχεται. Позднѣе эта παροικία (Κόων ἐπὶ τὸν ἴδιον ἔμετον) вошла въ сборники Greg. Сург. II 83 (cod Mosq. III 90) и Apost. X 30.

здѣсь лишь на нѣсколькихъ стихахъ Глики, представляющихъ для насъ интересъ.

248. Сначала мы приведемъ стихи, свидѣтельствующіе о существованіи у грековъ народнаго повѣрья, по которому *карканье ворона* считалось дурнымъ, зловѣщимъ предзнаменованіемъ:

ὄταν ὁ κόραξ πούποτε καθίστη καὶ φωνάξῃ,
ἔχει σημαίνει θάνατον καὶ χωρισμὸν ἀδρόν.

И русскій народъ придерживается того же повѣрья, какъ показываютъ поговорки: *зловѣщій воронъ; старый воронъ не каркнетъ даромъ; воронъ каркаетъ къ несчастью, ворона къ ненастью* (Даль 530; I 248; cf. Plut. de sanit. 14 *κοράκων λαρυγγισμό!*—*σημεῖα πνευμάτων καὶ ὄμβρων*)¹⁾. Что воронъ предвѣщаетъ смерть, какъ бы слыша запахъ трупа,—повѣрье это ведетъ начало, безъ сомнѣнія, изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно висѣльниковъ, оставались въ добычу воронамъ²⁾, откуда и классическая формула проклятія: *ἐς κόρακας* (лат. *in talam crucis*). Нѣкоторую реминисценцію старинны можно видѣть въ нашей поговоркѣ: *спроважу, куда воронъ костей твоихъ не занесетъ*, или, еще яснѣе, въ малорусскихъ формулахъ: *щоб надо мною ворони кракали! Нехай над ним ворони кракають!* (Ном. 6764, 11120).

249. *Съяй слезами радостью пожнетъ* (Даль 99)—буквальный переводъ стиха: ὁ σπεῖρων γὰρ ἐν δάκρυσιν μεθ' ἡδονῆς θερίζεται. Первоначальный источникъ и нашего выраженія, и стиха Глики Цсал. 125 § 5.

250. *Какъ постелешь, такъ и поспишь; какъ посьешь, такъ пожнешь* (Даль 181); у Глики: Καθεῖς κοιμάται ὡς ἔστρωσεν, ὡς ἔσπερε θερίζεται. Славянскія, новогреч. и западно-европейскія поговорки

¹⁾ Первые неясные слѣды этого суевѣрія находятъ у Нес. Opp. 747 (745). Также крикъ совы считался зловѣщимъ, какъ и у насъ, о чемъ упоминается въ одномъ изъ фрагментовъ Менаандра: ἄν γλαυξ ἀνακράγῃ δεδοίχταμεν (A. Meineke Frgm. com. Gr. IV p. 280).

²⁾ Arist. Thestorph. 1027 ἐκρέμασαν (ἐμέ) κόραξι δείπνον. Hor. epist. I 16, 48 *pacscere in cruce corvos. Petron. 58 crucis offla, corvorum cibaria.*

см. у Челяк. 160. Сентенція—*какъ поспѣшь, такъ пожнешь* встрѣчается уже въ древнѣйшихъ источникахъ, см. № 79.

LXXVII. Никита Акоминать.

251. Откуда произошли наши выраженія: *рога приставить мужу и рогоносца?* По этому вопросу *Ив. Снегиревъ* (Русскіе въ своихъ пословицахъ I 89) приводятъ историческую справку изъ сочиненія византійскаго писателя XII—XIII вѣка *Никиты Акомината* слѣдующаго содержанія: импер. византійскій, *Андроникъ Комненъ* (1183—1185), любившій заводилъ интриги съ женами своихъ вельможъ, какъ бы въ знакъ своей милости позволялъ охотиться въ своемъ паркѣ мужьямъ тѣхъ женъ, которыя пользовались его особымъ вниманіемъ; у тѣхъ, кто имѣлъ право охоты въ придворномъ паркѣ, на воротахъ дома выставлялись олени рога. Отсюда и произошла поговорка. Впрочемъ, Снегиревъ допускаетъ и другое объясненіе, а именно: у германцевъ жены, сваряжая своихъ мужей на войну, надѣвали имъ на голову шлемы изъ звѣриныхъ кожъ съ рогами; поэтому, на языкѣ женщинъ *надѣть мужу рога* (*ihrer Manne Hörner aufsetzen*) значило снарядить мужа въ походъ и остаться на своей волѣ. Но едвали одно и то же выраженіе можетъ имѣть два различныхъ по мѣсту и времени источника; и не трудно замѣтить, что сравнительно съ исторически засвидѣтельствованнымъ фактомъ изъ исторіи нравствъ византійскаго двора послѣднее сообщеніе, о женахъ германцевъ, имѣетъ характеръ искусственнаго, ad hoc сочиненнаго разсказа.

LXXVIII. Плянудъ и кодексы Крумбахера.

252. Въ сборникѣ Плянуда первое мѣсто занимаетъ пословица: "Ὅλον τὸν βούν ἔφαγε, κατὰ δὲ τὴν χέρχον ἀπὴγόρευσε — „цѣлаго быка съѣлъ и на хвостѣ усталъ“¹⁾. Въ новогреческихъ параллеляхъ, вмѣ-

¹⁾ Кромя того, мы имѣемъ два варианта этой пословицы у Arcst.—Ars. XIII 86 а и 97 (cf. Egasm. III 3, 68) и третій у Krumbach. № 11.

сто быка, является, большею частью, несъдобный осель, а у насъ — собака: *собаку съльз, только хвостомъ подавился* (Даль 455). По словамъ Крумбахера (S. 141—142), изрѣченіе относится къ труднымъ предпріятіямъ, послѣдняя часть которыхъ часто представляетъ наибольшія затрудненія, какъ показываютъ приведенныя имъ итальянскія поговорки. Но наша поговорка имѣетъ другой оттѣнокъ: наше выраженіе — *собаку съльз, по первоначальному своему значенію, сродни латинской поговоркѣ: lingua caninam comedit* (Petron. 43), которая употреблялась о человѣкѣ способномъ долго болтать безъ усталы; отсюда же другая наша поговорка: *когда онъ заговоритъ, то и собака не дастъ слова сказать*¹⁾; затѣмъ наше выраженіе — *собаку съльз* получило болѣе общій смыслъ и значить: *быть докой, мастеровъ; по этому, собаку съльз, только хвостомъ подавился* значить: онъ въ этомъ дѣлѣ опытный мастеръ, а на пустякахъ провалился (оказался несостоятельнымъ), такъ что *хвостъ* означаетъ не самую трудную, а сравнительно ничтожную часть дѣла.

253. Μωρῶ καὶ ἄρχοντι, ὅτι περ ἄν δόξῃ. (Planud. 3): „дураку, какъ и начзльнику (дозволяется дѣлать) все, что угодно“. Мы имѣемъ довольно близкую малорусскую параллель: *пани, як дурни: що хотять, те и роблять* (Ном. 1156). Родственную мысль содержать и слѣдующій номеръ:

254. Μωροῦ καὶ ἐξουστρηχότασ θεὸσ οὐ κρίνει (Plan. 4, cf. Krumb. № 58) — „глупыхъ и сумасшедшихъ Богъ не судить“. И по русскому народному пониманію дураки не вмѣняемы, о чемъ говорятъ многія русскія поговорки, напр. *на дурака у Бога милости много; на дурака не взыщутъ* и т. п. (Даль 473); для самой извѣстной нашей поговорки — *дураку законъ не писанъ* греческій оригиналъ найденъ у схоластиа Горациева, *Πορφυριόνα* (III вѣка): *μωρῶ — νόμος γραφοσ*²⁾.

¹⁾ Даль IV 257; срвн. *canina eloquentia* Appian ap. Quintil. XII 9, 9.

²⁾ Scholia Horat q. f. Acronis et Porphyriionis, ed. *Pauly* (vol. II 2 p. 261 u serm. II 3, 188).

255. Δέχα μέτρα χχι! ἐν τέρμνε (Plan. 7)—очень распространенная поговорка. Въ новогреческихъ, итальянскихъ и иныхъ параллеляхъ, приведенныхъ Крумбахеромъ (S. 245), можно прибавить нѣсколько русскихъ вариантовъ, напр. *десять разъ (семь разъ) примърь, одинъ разъ отрѣжь; десятью примърь, снова отрѣжь* (Даль 602 и 736), и славянскія параллели (Челяк. 259, Ном. 5902).

256. Ὁ πτόων εἰς τὸν οὐρανὸν τὰ γένειά του πτῖει (Krumb. 29, cf. Plan. 9 и Apost. VI 57)—„кто плюетъ на небо, плюетъ себѣ въ бороду“; поговорка существуетъ у нынѣшнихъ грековъ и у насъ въ нѣсколькихъ вариантахъ, напр. *кверху плевать, свою бороду заплевать, или выше носа плюнешь, себя заплунешь* (Даль 806). Въ турецкой и итальянскихъ параллеляхъ, приведенныхъ Крумбахеромъ (S. 164), мы прибавимъ еще чешскую: *Kdo do nebe plije, na jeho vlastni tvar slina bije* (Челяк. 14).

257. Ἐξ ἀνοήτου καὶ μεθύοντος μαθήσῃ τὸ ἀληθές (Plan. 10. Krumb. 7)—„отъ глупаго и пьянаго узнаешь правду“. Въ новогреческихъ параллеляхъ мѣсто пьянаго, большею частью, заступаетъ дитя; тоже въ нашей, нѣмецкой и чешской поговоркахъ: *глупый да малый всегда говорятъ правду* (Даль 473); *Kinder und Narren sagen die Wahrheit; Nejspise blazen a deti pravdu mlvi* (другія параллели у Челяк. 64; Ном. 8079).

258. Οὐδὲν ἀνύσεις τοῦ φλῶ διανεύων χχι! κωφῶ φιδουρίζων (Plan. 11), т. е. „напрасно будешь кивать слѣпому, или шептать глухому“, — изрѣченіе, составленное изъ двухъ поговорокъ, приписываемыхъ Плу-тарху: *Κωφῶ ὀμιλεῖς* и *Του φλῶ διανεύεις* (Plut. pronv. Boisson. 43 и 44 въ Согр. παροισ. гт. I р. 347). Наша поговорка — *не шепчи глухому, не мигай слѣпому* (Даль I 368) гораздо ближе къ Плянудовой, чѣмъ единственная греческая параллель, приведенная г. Куртцомъ: *Τοῦ κωφοῦ χι ἄν τουμπανίζης, τοῦ στραβοῦ χι ἄν δείχνης* (=δεικνύης) *στράτα* (=Strasze).

259. Ἀλλαχοῦ μὲν καταμένεις, ἐνταυθοῖ δὲ ἄρτοποιῆ (Planud. 18): „въ другомъ мѣстѣ живешь, а здѣсь хлѣбъ себѣ печешь“¹⁾. Въ мно-

¹⁾ У Крумбахера № 31 наоборотъ: Ὁδὲ μένω χαι ἄλλου φουρνίζω — „здѣсь живу, а въ другомъ мѣстѣ пеку“.

гочисленныхъ новогреческихъ варіантахъ, приведенныхъ Крумбахеромъ (S. 165 f.), таже мысль выражается метафорой, заимствованной отъ обычая птицъ, которыя въ одномъ мѣстѣ несутся, а въ другомъ кудачуть. Точно также и наша пословица гласитъ: *индѣ кудачетъ, а дома яйца кладетъ*—о женѣ, а о мужѣ наоборотъ: *дома кудачетъ, а индѣ яйца кладетъ*¹⁾. Смыслъ нашей пословицы ясенъ: въ ней, очевидно, разумѣется нарушеніе супружеской вѣрности. Г. Куртцъ²⁾ приводитъ найденную имъ (въ Schmalers Jahrbuch. für slaw. Littér. 1854, S. 513) русскую поговорку: „in des Nachbars Ofen backen“ въ *приапейскомъ* смыслѣ.

160. Ὀπου φιλεῖς, μὴ δίνεις τε καὶ ὀπου ἀγαπᾷς, μὴ σὺχναζε (Крумбач. 13)³⁾. У современныхъ грековъ пословица эта разбилась на двѣ самостоятельныхъ части, какъ у насъ: *не давай денегъ, не теряй дружбы* (Даль 855) и *идѣ любятъ, тутъ не учащай* (Даль 872). Въ такомъ же родѣ можно привести двѣ польскіихъ, малорусскую и галицкую пословицы (Челяк 414; Ном. 11941), которыя гораздо ближе подходятъ къ греческой, чѣмъ турецкія параллели, приведенныя Крумбахеромъ (S. 144).

261. Ὀτω σε ἀγαπῶ, ὡς ὁ κύων τὸ χρόμμιον καὶ ἡ γράς τὸ ἀνώφορον (План. 40): „такъ тебя люблю, какъ собака лукъ, или старуха крутой подъемъ“. Этой пословицы не сохранили даже новогреки, и если бы не было нашей параллели: *любить, какъ собака рьдьку* и малорусской: *любить, якъ собака цибулю*,⁴⁾ то Плянудова пословица осталась бы совершенно одинокою во всей proverbialной литературѣ. Последнія слова—*καὶ ἡ γράς τὸ ἀνώφορον* представляютъ искусственную прибавку, можетъ быть, совершенно отдѣльной пословицы.

¹⁾ См. Челяк. 595; ср. Даль 727: *не тамъ курица яйцо снесла, идѣ кудачетъ* и Ном. 5899.

²⁾ Zu den παροιμίαις δημόταις въ Philologus Bd. 49. Gött. 1891.

³⁾ У Плянуда № 33 только вторая половина: Ἐνθα ἐρᾷς, μὴ θάμιζε. Иначе выражена таже мысль у Apost. XV 60: Σπάνιον εἶσατε σὸν πόδα πρὸς σὸν φίλον, ἵνα μὴ πληθεῖς σοῦ μισήσῃ σε.

⁴⁾ Даль 822; Ном. 5079. Древніе имѣли пословицу: Κύων τεύτλα οὐκ ἐσθίει (Apost. X 30 а; XIII 23)—„собака не ѣстъ свеклы“.

262. Ἐνθα πολλοὶ ἀλέκτορες, ἐκεῖ ἡμέρα οὐ γίγνεται (Plan. 45; Крпѣв. 42): „гдѣ много пѣтуховъ, тамъ не наступаетъ день“. Въ довольно точномъ переводѣ пословица эта существуетъ у болгаръ: *идѣ то пѣютъ много пѣт.м, тамъ кусно ся встѣва* (Челяк. 381). Общій смыслъ изрѣченія (гдѣ много распорядителей, тамъ дѣло идетъ плохо) у насъ хорошо передается тѣми поговорками, начало которыхъ относятся въ Семибоярщинѣ московской (1610 года), напр. *у семи пастуховъ не стадо, у семи нянекъ дитя безъ глаза* (Даль 250); близко къ послѣдней подходятъ одна изъ новогреческихъ пословицъ: *Οἱ πολλοὶ μαρμῆς πνίγουν τὸ παιδί*. Ср. классическую пословицу: *Πρῶλο! στρατηγοὶ Καίρι'αν ἀπώλεσαν* (Diogen. VΠ 72; Apost. XIV 51) и предсмертное изрѣченіе импер. Адриана (τὸ δημῶδες): *πολλοὶ ἱατροὶ βασιλεῖα ἀπώλεσαν* (Dio Cass. LXIX 22).

263. Πολὺς λαός, ὀλίγοι δὲ ἄνθρωποι (Planud. 50) — принадлежить къ тѣмъ нумерамъ, которые не сохранились у современныхъ грековъ, но существуютъ у насъ въ буквальномъ переводѣ: *много народу, да мало людей, или людей-то много, да человека нѣтъ* (Даль 317). Какъ византийскую, такъ и наши пословицы нужно понимать, безъ сомнѣнія, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Диогенъ Синопскій отличалъ „людей“ отъ „толпы“ и среди дня съ фонаремъ искалъ въ толпѣ „человѣка“ (Diog. Laert. VI 2 §§ 40, 41). Въ другомъ родѣ встрѣчается сентенція у Геродота (VII 210 о войскѣ Ксеркса): *πολλοὶ μὲν ἄνθρωποι, — ὀλίγοι δὲ ἄνδρες*.

264. Φιλοῦσιν ἀλλήλους ὥσπερ γαλῆ¹⁾ καὶ κύων (Planud. 55) соотвѣствуетъ нашей пословицѣ: *какъ кошка съ собакой* (дружны), или *лады, что у кошки съ собакой* (Даль 855; II 185). Одна новогреческая параллель приведена г. Куртцомъ; многочисленныя славянскія мы имѣемъ въ сборникѣ Челяк. 53; франц. *Il s' accordent comme chien et chat*.

265. Ὅταν ὁ θεὸς τὸ γέννημα, ὁ διάβολος τὸ σακκίον (Plan. 59; Крпѣв. 67) — оба издателя переводятъ такъ: „если Богъ (даеть)

¹⁾ γαλῆ ласка, кунница, родъ кошки. Schol. in Ar. Plut. 693: γαλῆς=κίττας (κίττα поздн.—αἰλουρος, новогреч. кіта, γάτα, котъ, кошка).

наоды, то діаволь (отнимаеть) мѣшокъ“. Признаться при такой передачѣ смыслъ изрѣченія остается темнымъ и не разъясняется даже отъ сравненія съ новогреческою пословицею: Ὅταν δίνῃ ὁ Θεὸς τάλαντα, παίρνῃ ὁ διάβολος τὸ σαχχί, которую сами греки, кажется, толкуютъ вкривь и вкось (Krumbach. S. 194). Впрочемъ, послѣднюю, при наличности двухъ глаголовъ, еще можно понимать такъ, или иначе¹⁾; но имѣемъ ли мы право для объясненія византійской пословицы подразумѣвать два *разныхъ* глагола? Это была-бы неслыханная въ риторикѣ *ellipsis*. Естественнѣе предположить, что при обихъ субъектахъ преднѣать одинъ и тотъ-же, т. е. *даеть* (ср. нашу пословицу: *Богъ путь, а чертъ крюкъ* т. е. даетъ. Даль II 211); при этомъ *саххиόν* значить не мѣшокъ для хлѣба, а мѣшочекъ для денегъ, калита²⁾; такимъ образомъ, переводъ византійской пословицы будетъ слѣдующій: „когда Богъ (даеть) урожай, то діаволь калиту“, разумѣется, въ смыслѣ страсти копить деньги, что очень близко подходитъ къ нашей пословицѣ: *скупой собираеть, а чортъ калиту шьеть, или скупой копить, а чортъ мошну тачаетъ* (Даль II 78 и IV 615).³⁾

266. Ὅσα τάρταρα τῆν κίτρον, τοσοῦτω μᾶλλον ὄζει (Planud. 69) соотвѣтствуетъ нашей пословицѣ: *не вороши (не тронь), такъ и не воняеть* (Даль 684). Къ новогреческой параллели, приведенной г. Куртцомъ, можно прибавить нѣсколько малорусскихъ, столь-же выразительныхъ поговорокъ (см. Ном. 3289).

267. Ἀπὸ κακοῦ δανειστοῦ, κἄν σαχχίον ἀχύρου (Plan. 80): „отъ плохого должнива (бери) хоть мѣшочъ половины (мякны)“. Рус-

¹⁾ См. В. К. Ермишеть „Забытыя греческія пословицы“ въ Ж. М. Н. Пр. 1893, май, стр. 40, прим. 2.

²⁾ Cf. Aristoph. frgm. 928 (*Th. Kock Com. att. frgm. I 479*): σαχχίον, ἐν οἴκῳ τὰργύριον ταμιεύεται. Plut. de educat. puer. 14: τὰ σαχχία τῶν χρημάτων. Новогреч. *саххиόλιον* денежный мѣшокъ.

³⁾ Впрочемъ, при объясненіи этой пословицы возможно еще одно предположеніе: если бы нашлись какія либо палеографическія основанія, вмѣсто τὸ σαχχίον, прочесть въ рукописяхъ τὸ ζῆλον то получился бы совершенно ясный смыслъ; такое чтеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствовало бы, съ одной стороны, Евангельскому сказанію о діаволѣ, сѣющемъ плевелы среди пшеницы, а съ другой—русской пословицѣ: *Богъ съ розжою, а чортъ съ костромъ* (Даль 1011); *костерь*—сорная трава.

скія и вообще славянскія пословицы представляют замѣчательное сходство съ греческою: *отъ худого должника хотъ мякиной бери, доли и мякиной (соломой) собираютъ* (Даль 585); польск. *od złego dłużnika i plewi bierz* ¹⁾).

268. Ὁς οὖκ ἀκούει τῶν γονέων, ἀκούει τῶν ὀρνέων (Plan. 94): „кто не слушается родителей, послушается птиц“ (разумѣется, на вѣсѣлицѣ). Единственная новогреческая параллель, приведенная г. Куртцомъ, не такъ близка къ византийской пословицѣ, какъ наши: *кто не слушается отца-матери, послушается телячьей шкуры* (т. е. барабана); *не слушался отца, послушаешься кнутца*; малорусск. *хто не слухае тата, послухае ката* (Даль 222 и 695; Челяк. 400; Ном. 7085, 7087).

269. Ὁ φρονεῖ τις ὑστερον, πῶσον ἂν ἦν, εἰ πρότερον τοῦτο ἐφρόνει (Planud. 111): „какъ было бы хорошо напередъ имѣть тотъ разумъ, что приходитъ послѣ“! Изъ нашихъ поговорокъ очень близко подходит къ греческой слѣдующая: *кабы мнѣ тотъ разумъ напередъ, что приходитъ опосля* (Даль 463; малорусск. у Челяк. 194).

270. Μετὰ φρονίμου ζημίαν, καὶ μὴ σὺν μωρῷ κέρδος (Plan. 117): „лучше съ умнымъ потеря, чѣмъ съ глупымъ выгода“. Параллели, и притомъ очень близкія существуютъ только въ рускомъ и славянскихъ языкахъ, напр. *лучше съ умнымъ потерять, чѣмъ съ глупымъ найти* (потому что съ дуракомъ и найдешь, да не раздѣлишь), или *дай Богъ съ умнымъ потерять, не дай Богъ съ дуракомъ найти* (Даль 479 и 629); ср. серб: *волимъ съ мудрымъ плакати, него съ лудымъ пѣвати* (Челяк. 208).

271. Μετὰ καχοῦ μῆδ' εἰς τὸν παράδεισον (Plan. 119)—и этотъ номеръ принадлежитъ къ тѣмъ, которые имѣютъ аналогію только въ рускомъ: *лучше съ умнымъ въ аду, чѣмъ съ глупымъ въ раю* (Даль 479; ср. Ном. 6176). Замѣчательно, что этотъ № у Даля приводится рядомъ съ предыдущимъ, почти такъ же, какъ у Плянуда.

272. Εἰ μὴ ἔχης γέροντα, δὸς καὶ ἀγόρασον (Plan. 120): „если ты не имѣешь старика, дай (деньги) и купи его“. У насъ говорится:

¹⁾ Другія славянскія поговорки см. у Челяк. 275; Ном. 10689.

есть старый—убилъ бы его; нѣтъ стараго—купилъ бы его, разумѣется, когда нуженъ его совѣтъ (Даль 410; ср. малорусск. *старого чоловіка для поради держи* Ном. 8679 и 9372).

273. Ἐνθα πολλοὶ πτῖουσι, πηλὸς ἔχει γίνεται (Planud. 125): „гдѣ многіе плюютъ, тамъ образуется болото“. Кроме новогреческой, и у насъ есть очень близко подходящая параллель: *міръ по слюнкѣ плюнетъ, такъ море* (Даль 432). Въ другихъ языкахъ этой пословицы, кажется, нѣтъ.

274. Ἄν τε φάγηс, ἄν τε μὴ φάγηс, ἀκούσεις (φάγηс) · κἂν γοῦν φάγε (Planud. 144): „ѣлъ ли, не ѣлъ ли, все равно скажутъ, что ѣлъ; такъ по крайней мѣрѣ, ѣшь“. Изрѣченіе это не имѣетъ близкихъ параллелей въ новогреческомъ, и смыслъ его представляется не вполне яснымъ. У насъ есть нѣсколько аналогичныхъ выраженій, напр. *ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а за обѣдъ почитутъ*, или *хоть ѣшь, хоть не ѣшь, а за обѣдъ почитутъ*, или *ѣлъ не ѣлъ, да за столомъ просидѣлъ* (Даль 175, 242, 751). Крумбахеръ (S. 352) въ глаголѣ φαγεῖν предполагаетъ прегнантный смыслъ: „пожирать общественное добро или государственную казну“ и сближаетъ Плянудово изрѣченіе съ древне греческимъ: *λίχος ἐν αἰτίᾳ γίνεται, κἂν φέρη κἂν μὴ φέρη* (Arrend. pronv. III 74). Что касается нашихъ пословицъ, то смыслъ ихъ отлично объясняется изъ организаціи рабочихъ артелей, при которой плата за обѣдъ взимается за всю артель, хотя бы отдѣльные члены ея и не обѣдали; слѣдовательно, *ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а за обѣдъ почитутъ*—значить: ѣлъ ли, не ѣлъ ли, а платить придется, а въ общемъ смыслѣ: виновать, не виновать, а отвѣчать будешь. Подобный смыслъ можно предположить и въ византійской пословицѣ. Но прибавка—*κἂν γοῦν φάγε* даетъ право сближить греческое изрѣченіе, какъ по обороту мысли, такъ и по внѣшнему складу съ известной нашей поговоркой, представляющей комическое оправданіе пьяницы: „пить—умереть, не пить—умереть; такъ лучше пить да умереть“ (=пилъ ли, не пилъ ли, все равно умрешь; такъ, по крайней мѣрѣ, пей).

275. Τὸν λίχον οἱ πόδες αὐτοῦ τρίφουσι (Planud. 147)—пословица сохранилась только у насъ, и при томъ въ буквальномъ пере-

водѣ: *волка ноги кормятъ* (Даль 801; малорусская — *вошка ноги годують* у Челяк. 125 и Ном. 7107). Смыслъ Плянудовой пословицы объясняется другою нашею поговоркою: *волкъ рыщетъ, хлѣба ищетъ* (Даль 801).

276. Εἰ μὲν διώκη σε βασιλεὺς, φύγε · εἰ δὲ θεός, κάθου (Planud. 154): „если тебя преслѣдуетъ царь, бѣги; если же Богъ, сиди“ — пословица не имѣетъ другихъ параллелей, кромѣ нашей: *лежи* (или *молчи*), *когда Богъ убилъ* (Даль 28 и 318). Смыслъ ясенъ: отъ Бога не уйдешь; предъ испытаніемъ, посылаемымъ Богомъ, остается только смириться. Ср. стихъ, приписываемый Софоклу: Θεοῦ δὲ πληγὴν οὐχ ὑπερπήδη βροτῆς¹⁾.

277. Ἐφιππος καὶ πεζός, ἄφαντος συνοδία (Planud. 167): „конный и пѣшій — еще невиданное товарищество въ пути“. Кромѣ нашей известной поговорки: *пѣшій конному не товарищъ* (Даль 699) и сербской: *пѣшакъ на коньика у вѣкъ мрзи* (Челяк. 170), мы не знаемъ другихъ параллелей.

278. Ἀνοήτου ῥάπτου μακρὸν τὸ ῥάμμα (Plan. 168): „у глупаго портнаго нитка длинна. Въ новогреческой параллели, вмѣсто глупаго, лѣнивый портной: ὀκνὸς ὁ ῥάπτης μακροῦ ἢ κλώστη τοῦ. У насъ: *длинная нитка — лѣнивая швея* (Даль 554) и у нѣшцевъ тоже: *lange Fädchen, faule Mädchen*. Если у лѣнивой швеш нитка длинна отъ того, что ей не хочется скоро шить и часто вдѣвать, то у лѣнивой пряжи, наоборотъ, нитка коротка: *весною дни долги, да нитка короткая* (Даль 698), потому что не хочется пряхть.

279. Μουρμένω τῷ λύκῳ ἐκέλευον εἰπεῖν ἀμὴν, ὁ δ' ἔλεγεν ἀρνίον (Plan. 179): „при крещеніи волка ему велѣли сказать *аминь*, а онъ: *арніон* (ягненок)“. Г. Куртцъ приводитъ одну только датскую параллель: *Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch Lamm, Lamm*, т. е. „учи волка *отче нашъ*, а онъ: *бараш'къ, бараш'къ*“. У славянъ есть нѣсколько близко подходящихъ параллелей, напр. польск. *tom wilku racierz, a on woli kozią macierz*, чешск. *uši*

¹⁾ Soph. frgm. 656 Dind. 745 Ahrens; тоже Menandr. mon. 251; Apost. XIII 89 с.

vlky paterum, a oni vady k ovci и др. (Челяк. 36). У насъ тоже говорится про чорта: *какъ черта ни крести, а онъ все кричитъ: пуссти!* (Даль 799).

280. Τὸ κέρδος ἀνδρα ἐξυπνίζει (Plan. 189; cf. Krumbach. 87). Наши пословицы довольно близки къ греческой: *кто до денег охочъ, тотъ не спитъ и ночь; барыша захочешъ, пораньше съ постели вскочишь; наживать, такъ раньше вставать* (Даль 526, 529, 551).

281. Πρὸς τὸ πᾶθος καὶ ἡ ἐμπλαστρος (Plan. 210). Наша пословица буквально соотвѣтствуетъ греческой: *по ранъ и пластырь* (Даль 694).

282. Ὅσον ἂν ὄννης ἐκπέσοι, βελόνῃ γοῶν γίνεται (Planud.. 229)— довольно загадочное изрѣченіе. Г. Куртцъ, имѣя въ виду испанскую пословицу: „дать иглу и взять сошникъ“, переводить: „у кого пропалъ сошникъ, тому дается, по крайней мѣрѣ, иголка“. Крумбахеръ (№ 17), на основаніи шести рукописныхъ вариантовъ, устанавливаетъ слѣдующее чтеніе: Ὅσον ἐξέπεσε τὸ ὄννιν, πάλιν βελόνῃ σῶζει и переводить: „какъ бы сошникъ ни износился (ни сдѣлался негоднымъ), но его хватаетъ на булавку“. Еще въ первомъ своемъ изданіи византійскихъ пословицъ (Eine Sammlung byzant. Sprichw. 1887, S. 78) онъ объяснялъ этотъ нумеръ слѣдующимъ образомъ: „Der Sinn des Spruches ist offenbar: Eine von Anfang an grosse Summe von Reichtum, Kraft, Einfluss, Verstand u. s. w. reicht, mag sie auch bedeutend geschmälert werden, doch für kleine Erfordernisse noch aus“. Въ подтвержденіе своего толкованія, въ изданіи 1893 г. (Mittelgriech. Sprichw. S. 154) онъ приводитъ рядъ ново — и древне — греческихъ пословицъ; но ни въ одной изъ нихъ главныя понятія византійскаго изрѣченія — ὄννης и βελόνῃ — не встрѣчаются, и мысль выражается другими метафорами, такъ что о близкомъ родствѣ этихъ пословицъ съ византійскою не можетъ быть и рѣчи. Но у насъ есть пословица, въ которой оба понятія, сопоставляемыя въ византійской, на лицо и которая, кажется, ведетъ начало прямо отъ византійской, хотя имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, что не мѣшаетъ толкованію Крумбахера быть совершенно правильнымъ: нашъ народъ могъ позаимствовать у грековъ лишь форму и вложить въ нее свою мысль. Чтобы убѣдиться, что это, дѣйстви-

тельно, могло такъ произойти, присмотримся ближе къ византийскому изрѣченію: изъ двухъ противоположаемыхъ въ немъ понятій—*ὄνυς* и *βελόνη*—1-е означаетъ предметъ сравнительно болѣе важный (сошникъ, лемехъ), а 2-е означаетъ булавку, или другой предметъ въ томъ же родѣ, сравнительно ничтожный; далѣе, судя по значенію глаголовъ—*ἐκπίπτειν* выпадать (быть выбрасываему), выходить изъ употребленія, и *σώζει* (= *σώζεται*) остается, существуетъ, или, какъ у Плянуда, *γίνεται* дѣлается, является и т. п., видно, что второй предметъ заступаетъ мѣсто перваго, вышедшаго изъ употребленія, или, что *ὄνυς* переходитъ въ *βελόνη*, словомъ, происходитъ нѣкотораго рода *déscendance*. Если вѣрно такое объясненіе общаго смысла и соотношенія отдѣльныхъ понятій византийскаго изрѣченія, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ генетической связи съ нимъ нашей пословицы: *переквалъ лемехъ на свайку* (Даль 260, ср. Ном. 7613), которая говорится про людей, мѣняющихъ трудовую жизнь (соху) на бездѣлье; срвн. *промѣнялъ шило на свайку*. Русскому переводчику византийскаго пословица представлялась въ слѣдующемъ простомъ видѣ: *ὄνυς (μὲν) ἐξέπεσε, βελόνη δ' οὖν ἐγένετο*—„забыть (заброшенъ) сошникъ, зато явилась свайка“. Въ тождествѣ греческой *βελόνη* съ нашей свайкой мы не будемъ сомнѣваться, если вспомнимъ, что свайка—таже булавка, только въ увеличенномъ размѣрѣ.

283. *Влѣте μητέρα καὶ ἄγου θυγατέρα* (Plan. 233): „смотри на мать и женись на дочери“. Пословица эта сохранилась у сербовъ съ буквальной точностью: *гледай майку, а узми шчерцу* (Челяк. 384). У насъ говорится: *первую дочь бери по отцу, по матери, а вторую по сестрѣ* (Даль 384).

284. *Τὰ κακὰ πρόσωπα δυσχεραίνονται καὶ οἱ κύνες* (Plan. 241): „некрасивыхъ лицъ не могутъ терпѣть даже собаки“. Г. Куртцъ приводитъ только нѣмецкую параллель: *Wenn sein Gesicht an der Küche stände, es ginge kein Hund vorüber*. Наша пословица еще выразительнѣе: *такая красава, что въ окно лянетъ—конь прынетъ, на дворъ выйдетъ—три дня собаки лаютъ* (Даль 322).

285. *Μωρὸς ῥίψει λίθον εἰς φρέαρ καὶ δέχα φρόνιμοι τοῦτον οὐκ ἀνελεύσουσιν* (Plan. 245)—очень распространенная пословица. У насъ

она существуетъ въ буквальный переводѣ: *дуракъ въ воду* (въ колодезь) *камень закинетъ, десять умныхъ не вытаскаютъ* (Даль 479; Ном. 6178). Одну новогреческую параллель, въ которой является 100 умныхъ, приводитъ г. Куртцъ, а другую, съ 1000 умныхъ, Крумбахеръ (S. 242); серб. и польск. у Челяк. 213. Кроме того, Крумбахеръ упоминаетъ о параллеляхъ нѣмецкой, еврейско-нѣмецкой, французской, итальянской, богемской, польской и венгерской. Это одна изъ тѣхъ немногихъ пословицъ, на происхожденіе и исторію которыхъ мы имѣемъ нѣкоторыя указанія. Источникъ ея—арабская сказка изъ „Тысячи и одной ночи“, которая подъ заглавіемъ „Синагрипъ, царь Адоровъ и Наливскія страны“ была извѣстна въ русскомъ переводѣ въ спискахъ XIV—XV вѣка¹⁾. Сказка эта съ Востока зашла въ Византию, откуда проникла въ южно-славянскую письменность, изъ которой, (какъ объ этомъ можно заключать по особенностямъ одного списка XV вѣка)²⁾, перешла къ намъ.

286. Βασιλικὸς μολύβδος ὁ καταδύεται (Plan. 249): „царскій свинецъ не тонетъ“. Пословица эта сохранилась только въ новогреческомъ языкѣ (Krumbach. S. 257) и у насъ: *Государево* (казенное) *добро на воду не тонетъ* (Даль 245); въ другихъ языкахъ ея нѣтъ.

287. Χειραγωγή ὁ τυφλὸς τὸν μὴ βλέποντα (Plan. 252). Г. Куртцъ сравниваетъ Ев. Матѳ. 15, 14 и Ног. Epist. I 17, 3—4). У насъ есть нѣсколько подобныхъ поговорокъ, напр. *слѣпой слѣпому путь кажется, или слѣпой слѣпца водить, а оба зря не видятъ* (Даль 680; IV 234).

288. Καλὸν ἀγγεῖον ὃ κλάται (Plan. 262)—„плохой сосудъ не бьется“. Г. Куртцъ приводитъ цитату изъ Апостоля (IX 36): Καλὸν ἄγγος ὃ κλάται съ объясненіемъ: „Unkraut vergeht nicht“ (сорная трава не пропадетъ), какъ объяснялъ еще Еразмъ (adag. IV 2, 99). Намъ кажется, что пословица имѣетъ другой смыслъ и соотвѣт-

¹⁾ *Ив. Снегиревъ*, Русскіе въ своихъ пословицахъ. I 54; Исторія госуд. Росс. *Карамзина*, Т. III (1833), прим. 230.

²⁾ *А. Н. Пыпина* Очеркъ литер. ист. стар. повѣстей и сказокъ русскихъ (Уч. Зап. 2 Отд. Имп. Ак. Н. 1858 кн. IV, стр. 63 слѣд).

стываетъ нашей: *битая* (сколоченная, склеенная) *посуда два вѣка живетъ* (Даль 311 и 775): битый (щербатый) горшокъ крѣпче не только прежнихъ своихъ товарищей, которыхъ онъ пережилъ, отдѣлавшись только щербинною, но и новыхъ, еще неиспытанныхъ, какъ люди старыя и закаленные надежнѣе молодыхъ. Ср. нашу поговорку: „много новыхъ горшковъ перебито, а *молоствовъ*, (старый горшокъ, повитый берестомъ) другой вѣкъ живетъ“ (Даль 372). Что *каχός* можно принять въ смыслъ „битый, щербатый“, видно изъ того, что у Гомера это слово употребляется объ одеждѣ въ смыслъ „изорванный“ (Odys. XIV 506 *καχά—εἴματ'* лохмотья, рубище = ῥάχος cf. v. 342).

289. Γλοχὸν τὸ φαγεῖν, πικρὸν δὲ τὸ χέσσειν (Krumbach. 34)—сентенція въ духѣ Аристофана. Новогреческія и итальянскія параллели, приведенныя Крумбахомъ, также не отличаются пурризмомъ въ выраженіи; наши пословицы приличнѣе: *иногда сладко проглотишь, да горько выплюнешь; сладко съешь, да горько отрыгнется* (Даль 23). По теологическому объясненію, греческая пословица имѣетъ въ виду богатаго, котораго послѣ наслажденій здѣшней жизни ожидаютъ муки вѣчныя. Общій, житейскій смыслъ пословицы ясенъ: за удовольствіями слѣдуетъ горькое разочарованіе. Дальше по смыслу стоитъ другая группа новогреческихъ пословицъ, приведенныхъ Крумбахомъ (S. 169) и гласящихъ, что молодые люди клясаго поѣли, а старики оскомины набили: наша пословица говоритъ наоборотъ: *отцы терпкое поѣли, а у дѣтокъ оскомины* (Даль 798), въ смыслъ: дѣти поплачиваются за грѣхи отцовъ, согласно съ библейскимъ изрѣченіемъ (Иезек. XVIII 2), изъ котораго она, безъ сомнѣнія, и заимствована.

290. Τὸ πρᾶγμα σου ἀσφάλιζε καὶ τὸν γείτονά σου κλέπτῃ μὴν (=μῆ) χίμης (Krumb. 55): „вещи свои клади въ безопасномъ мѣстѣ и сосѣда своего не дѣлай воромъ“—соотвѣтствуетъ нашей поговоркѣ: *плохо не клади, вора въ грѣхъ не вводи* (Даль 166).

291. Τὸ χαλὸν ἀρνίον δύο μύνας βουζάνει (Krumb. 97). Ягненокъ ставится въ образецъ кротости также въ новогреческихъ и итальянскихъ пословицахъ; въ славянскихъ его мѣсто занимаетъ теленокъ:

ласковое теля двухъ матокъ сосеть (Даль 729; польск. и малорусск. у Челяк. 96 и Ном. 3302).

LXXIX. Апостолий и Арсеній.

292. Малорусская и польская поговорки — *лїнивий в своїй хати змокне, leniwy i w domu swet zmokne* (Ном. 10838) находятся въ родствѣ съ греческою: Τὸν οἰχοδεν βρεχόμενον οὐδὲ θεὸς οἰκτεῖρει (Apost. XVI 91), т. е. „(лѣнливаго), который въ домѣ своемъ мокнетъ, и Богъ не жалѣеть“, а послѣдняя существуетъ, какъ кажется, у чеховъ въ буквальный переводъ: „Kdo doma zmokne, toho, prgu, ani buh nelituje“ (Челяк. 135) — Греческая пословица, которую автеръ сборника отмѣчаетъ какъ народную (δημόδης), находится только у Апостолия и Еразма (IV 3, 38) и не встрѣчается ни у греческихъ, ни у латинскихъ писателей.

293. Пословица — *гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ столкнется* (Даль I 386), существующая также у славянъ и другихъ народовъ (Челяк. 265), представляетъ переводъ греческой пословицы: Ὅρος ὄρει οὐ μίγνεται, ἀνδρῶνος δ' ἀνδρώπῳ, находящейся только въ сборникѣ Апостолия — Арсенія (XIII 2). М. Михельсонъ (Мѣткія и ходячія слова, Сиб. 1894, стр. 102) сообщаетъ свѣдѣніе, что эта пословица представляетъ буквальный переводъ изъ Талмуда.

294. Пословица — *и камень лежа мохомъ обростаетъ, или на одномъ мѣстѣ лежа и камень обростаетъ* (Даль 285; II 80) о зажиточныхъ людяхъ, долго сидящихъ на одномъ мѣстѣ, представляетъ не переводъ, а перифразъ греческой пословицы: Λίθος κολιόμενος φῶκος οὐ ποιεῖ — „перекачиваемый камень не обростаетъ мхомъ“, которая также находится у одного Апостолия — Арсенія¹⁾ и не встрѣчается болѣе нигдѣ. Славянскія параллели и нѣкоторыя западно-европейскія приводитъ Челяк. 379 — 380. Латинская

¹⁾ Apost. X 72 съ объясненіемъ: ἐπὶ τῶν διὰ τὰς συνεχεῖς μεταστάσεις πλοῦτον οὐ χερσῶν μένων — „про тѣхъ, которые вслѣдствіе постоянныхъ переселеній не наслаждаются богатствомъ“.

версія — *Musco lapis volutus non obducitur*, приводимая подъ именемъ П. Сира, вовсе не принадлежитъ классической древности.

295. *Рыба отъ головы тухнетъ* (Даль 478), говоримъ мы о корпораціи, имѣющей дурныхъ начальниковъ или представителей. Пословица эта взята буквально съ греческаго: Ἰχθὺς ἐκ τῆς κεφαλῆς ὄζειν ἀρχεται, ἐπὶ τῶν ἐπιστάτας φαύλους ἐχόντων (Apost. IX 18). Чешскую, галицкую, сербскую, болгарскую и новогреческую параллели приводитъ Челяк. 323.

296. *Орелъ мухъ не ловитъ* (Даль II 713); чешск. *Orel much nelapa* у Челяк. 90)—поговорка находится у Апостолия и Еразма: Ἄετος μωίας ὠ θηρεύει, *aquila non captat muscas* (Apost. I 44; Еразм. III 2, 65). Ср. № 245.

297. *Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай* (Даль II 566; IV 324) буквально: Νέους φίλους ποιῶν, τῶν παλαιῶν μὴ ἐπιλανθάνου приводится также у Апостолия (XII 1) и Еразма (III 3, 80); послѣдній замѣчаетъ объ этой поговоркѣ: *usurpat ab Hermolao Barbaro*,—это былъ ученый переводчикъ Аристотеля XV вѣка.

298. Употребительное у насъ въ литературномъ языкѣ выраженіе -- *слезы крокодила*, примѣняемое къ людямъ, притворяющимся сильно огорченными несчастьемъ ближняго, которому они сами готовятъ гибель, заимствовано съ греч.: *Κροκοδείλου δάκρυα* (Apost. X 17 и Еразм. II 4, 60). Оба пареміографа, Апостолий и Еразмъ, по поводу этого выраженія, приводятъ разныя толкованія. Между прочимъ, цитируется выдержка изъ зоологическаго трактата Эліана, который говоритъ, что крокодилъ, набравъ въ ротъ воды, обливаеетъ ею крутыя тропинки, по которымъ люди и животныя спускаются къ рѣкѣ, и затѣмъ подсакиваетъ къ жертвѣ, которая по неосторожности поскользнется и упадетъ, и хватаетъ ее. Но этимъ нисколько не объясняется смыслъ поговорки. Другіе говорятъ, что крокодилъ, проглотивъ туловище человѣка, смачиваетъ голову его слезами и тогда уже проглатываетъ ее. Третьи увѣряютъ, что у крокодила, когда онъ еще издали увидитъ человѣка, текутъ слезы (какъ слюнки?). Послѣднее объясненіе приводитъ только Еразмъ.

LXXX. Өома Кемпійскій.

299. Общеизвѣстная поговорка—*homo proponit, Deus disponit, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ* (Даль IV 69), сдѣлавшаяся почти международною (славянскія и западно-европейскія параллели у Челяк. 13), составлена изъ словъ Соломона (Притч. XVI 9): *Cor hominis disponit viam suam, sed Domini est dirigere gressus ejus*¹⁾ и принадлежитъ Өомѣ Кемпійскому (S. Czajinski p. 206).

LXXXI. Еразмъ Ротердамскій.

300. Латинская пословица—*vino vindibili suspensa hedera non opus*, „хорошее (хорошо продающееся) вино не нуждается въ плуцовой вывѣскѣ“, несправедливо приписываемая Публилию Сиру (въ сборникѣ Челяковского), не имѣетъ ничего общаго съ классическою древностью²⁾ и встрѣчается впервые у Еразма (adag. II 6, 20), по словамъ котораго она возникла изъ обычая выставлять надъ гостинницами или кабаками вѣхи. Пословица существуетъ у англичанъ, испанцевъ и французовъ (*Au bon vin ne fait point de boushon*); на Востокъ она проникла къ чехамъ, полякамъ и галичанамъ, но не перешла къ намъ; чешск. *Dobre vino i bez vichy vyrijí*, польск. *Na dobre vino wiechy nie potrzeba*; гал. *Где добре пиво, не треба й вѣхы* (Челяк. 30).

LXXXII. Схоластическія пословицы.

Къ послѣдному разряду отнесемъ латинскія пословицы, которыхъ литературные источники намъ неизвѣстны; это большею частью международныя поговорки, общія славянамъ и другимъ народамъ и переве-

¹⁾ Славянскій текстъ нѣсколько отступаетъ отъ латинской вульгаты: *serdne мужа да мыслитъ праведная, да отъ Бога испраиятся стопы его* (Притч. Солом. 15, 29).

²⁾ Хотя и напоминаетъ одно мѣсто у Плавта: *Invendibili merci oportet ultro mptorem adducere: Proba mers facile emptorem reperit* (Plaut. Poen. 341).

денныя на латинскій языкъ въ западно-европейскихъ школахъ, въ которыхъ до недавняго времени повсемѣстно господствовалъ этотъ языкъ. Мы ихъ назовемъ, поэтому, *схоластическими*. Когда и какимъ путемъ онѣ проникли къ намъ, неизвѣстно. Что между ними есть чистго русскія поговорки, позаимствованныя у насъ другими народами, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Изъ нихъ будутъ приведены здѣсь только тѣ, которыя находятъ себѣ полное соотвѣтствіе между русскими пословицами.

301. *Quem fata pendere volunt, non mergitur undis*: кому повѣшено быть, тотъ не утонетъ (Даль III 147). Чешск., польск., серб., хорв., англ., дат. и нѣм. см. у Челяк. 34.

302. *Qui sibi malus, cui bonus?* Русскую пословицу—*иному не можетъ быть благо, кто себя худъ*, также чешскую—*Kdo sobe zly, komu dobry?* и др. приводитъ Челяк. 32.

303. *Satius est equo labi, quam lingua*: лучше споткнуться ногою, нежели словомъ (Даль IV 305); серб. *Болъ е поклизнути ногомъ, него езыкомъ* (Челяк. 71); франц. *Il vaut mieux glisser du pied que la langue*.

304. *Quod esse tacitum vis, id nulli dixeris*: о чемъ хочешь, чтобъ другіе молчали, прежде самъ умолчи; чешск. и польск. у Челяк. 79.

305. *Multum clamoris, parum lanae*; наша пословица *полянѣ: стрижъ чортъ свинью: визгу много, а шерсти нѣтъ* (Даль IV 649); чешск., хорв., нѣм. и англ. у Челяк. 80 и *Hulakovsky Ceska prislovi 1188 sq.*

306. *Non patitur ludum fama, fides, oculus*; у насъ говорится только: *правда шутки не любитъ* (Даль IV 669; серб. *честь, законъ и око не трпе шале* (Челяк. 84).

307. *Dulcia non meruit, qui non gustavit amara*: не принять горькаго, не видать сладкаго, или не видавъ горькаго, не узнаешь сладкаго (Даль 189; IV 322); франц. *Il n' est digne du doux, qui n' a goûté l' amer*.

308. *Equo currenti non opus calcaribus*: на ретивую лошадь не кнутъ, а возжи (Даль 94); славянскія параллели у Челяк. 131.

309. *In tranquillo esse quisque gubernator potest; въ тихую погоду и баба правитъ; серб. ласно е на доброму времену корманити* (Челяк. 154).

310. *Sero venientibus ossa: позднему гостю кости* (Даль I 396). Латинская пословица составлена по выраженію Марціала: *ad ossa coenae venire*; въ древнѣйшее время о людяхъ опаздывающихъ и упускающихъ случай римляне говорили: *coena comesa venire* Varr. г. г. I 2, 11), т. е. „прійти, когда обѣдъ уже съѣденъ“, а греки: *Κατόπιν ἐορτῆς ἔρχειν* (Diogen. V 73 и др.), т. е. „прійти послѣ праздника“.

311. *Praestat sero, quam nunquam* (Челяк. 257 ср. Hulak. 4562): *лучше поздно, чѣмъ никогда.*

312. *Ferrum, dum in igne candet, sudendum est: куй же- лѣзо, пока горячо; славянск. и западно-европ. у Челяк. 260.*

313. *Rufus homo raro bonus; quando bonus, valde bonus,—* поговорка, въ буквальноиъ переводѣ перешедшая къ сербамъ: *Рыжъ человекъ рѣдко добаръ, и ако добаръ, врло е добаръ.* Наши поговорки тоже говорятъ не въ пользу рыжихъ: *рыжій да красный человекъ опасный; рыжихъ и во святыхъ нѣтъ* и т. п. (Даль 324).

314. *Non procul a proprio stirpe roma cadunt: яблочко отъ яблоньки недалеко откатывается* (Даль IV 692); славянскія и вѣм. поговорки у Челяк. 404 и Гулак. № 1260 sqq.

315. *Veterior canis catenis adsuefieri non potest: старую собаку трудно къ цѣпи приучить; чешск. и англ. у Челяк. 407.*

316. *Insanire facit mures absentia cattì: коли нѣтъ коты въ дому, играютъ мыши по столу; славянскія, также англ. и дат. у Челяк. 429.*

317. *Nulla regula sine exceptione: нѣтъ правила безъ исключенія.*

318. *De gustibus et coloribus non est disputandum: на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ; о вкусѣ не спорь* (Даль I 215).

319. *Diabolus non est tam piger, ac pingitur: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.*

320. *Contra vim mortis non est herba in hortis: отъ смерти нѣтъ зелья (Даль I 699).*

321. *Dant saepe parvam magna nubila pluviam: изъ большой тучи да малая капля (Даль 811).*

322. *Quisquis amat dominum, diligit catulum: когда меня любишь, и мою собачку люби (Даль II 287). Франц. Qui m' aime, aime mon chien.*

323. *Certum est longos esse crines omnibus, sed breves sensus mulieribus: у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ; чешск., нѣм. и франц. у Челяк. 392 и Гулак. 5078 sqq.*

324. *Hydria tandem ad fontem portatur, donec vel tandem frangatur: чешск., нѣм., англ. и итал. у Гулак. 958 sqq; русск: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить (Даль III 141).*

325. *Cujus edis panem, illius et adipisce nutum: чей хлѣбъ ѣмъ, того и вѣмъ (Даль IV 604); чешск., нѣм. и франц. у Гулак. 1156 sq.*

326. *Catus amat piscem, sed non vult tangere flumen (tingere pedes): лакома кошка до рыбки, да въ воду лѣзть не хочетъ (Даль II 185); чешск., нѣм., англ. и франц. у Гулак. 1527 sqq.*

327. *Nucleum esse qui vult, is nucem frangat oportet: не разрызешь орѣха, не съѣшь и ядра (Даль IV 964); чешск., нѣм. и англ. у Гулак. 4603 sq.*

328. *Neque caro, neque piscis: ни рыба, ни мясо (Даль IV 117); чешск., и нѣм. у Гулак. 4996 sqq.*

329. *Съ волками жить, поволями выть: Ὑλα σὺν λύκοις, οἷς ὀμιλεῖς, utula cum lupis, quibuscumque converseris; чешск., нѣм. и франц. у Гулак. 5551 sqq.*

330. Не все то золото, что блеститъ (Даль I 714): *non crede aurum, quidquid resplendet ut aurum*; чешск., нѣм., англ. и франц. у Гулак. 5635 sqq.

331. Кто другому яму роетъ, самъ въ нее свалится (Даль IV 698): *incidit in foveam, qui primus fecerit illam*; чешск. и нѣм. у Гулак. 1320 sqq. Первоначальный источникъ: Псал. 7, 16; cf. Erasm. adag. I 1, 52.

ПРИБАВЛЕНІЕ 1.

Въ видѣ прибавленія укажемъ здѣсь источники нѣкоторыхъ употребительныхъ у насъ въ литературномъ языкѣ латинскихъ поговорокъ.

1. *Nil novi sub sole* изъ Солом. Екклес. I 9.
2. *Ubi bene, ibi patria* изъ Cic. Tusc. V 37, 108. Древнѣйшіе греческіе источники указаны Шнейдевиномъ къ Zenob. V 74 и A. Otto № 1356.
3. *O tempora, o mores!* Cic. in Cat. I, 1, 2.
4. *Óderint, dum metuant:* Cic. Philipp. I 14, 34, de off. I 28, 97; Suet. Calig. 30.
5. *Nomina sunt odiosa* по Ovid. her. XIII 54.
6. *Non scholae, sed vitae discimus:* Sen. ep. XVIII 3 (106) fin.
7. *Non multa, sed multum:* Plin. ep. VII 10, 15 и Quintil. X 1, 59.
8. *Inde irae:* Iuven. sat. 1, 168.
9. *Mens sana in corpore sano:* Iuven. IV 10, 356.
10. *Sine ira et studio:* Tac. an. I, 1 fin.
11. *Ars longa, vita brevis* — афоризмъ Гипократа (Czapinsk. 44).
12. *Tres faciunt collegium:* Digest. lib. L tit. 16, 85.
13. *Sic transit gloria mundi* — слова Юмы Кемпънскаго (Czapinsk. 446).

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
IV	5 сверху	на пазухой	за пазухой
14	1 снизу	Эгискаго	Эгискаго
18	13 снизу	Di	Die
26	3 спису	entanté	enfanté
31	2 снизу	1)	2)
34	3 сверху	имѣеть	имѣють
46	5 сверху	56	59
46	14 сверху	ἔβλαψε	ἔβλαψε
49	7 сверху	у постовъ	и постовъ
50	8 снизу	864—867 Equ.	Equ. 864—867;
58	15 сверху	Laude	Lande
59	14 сверху	Ἰσκιον	Ἰσκιον
61	15 сверху	маллорусскую	малорусскую
66	2 сверху	Suri	Syri
67	3 и 4 снизу	1) 2)	2) 3)
69	6 сверху	ранше	раньше
69	13 сверху	другими	другими
71	7 сверху	ἀμνημονούτων	ἀμνημονούτων
121	14 снизу	kra	kral
123	11 снизу	въ бородѣ	къ бородѣ
124	5 сверху	oblifus	oblitus
152	4 снизу	γραφος	ἄγραφος

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~303785~~

SEP 21 '70

